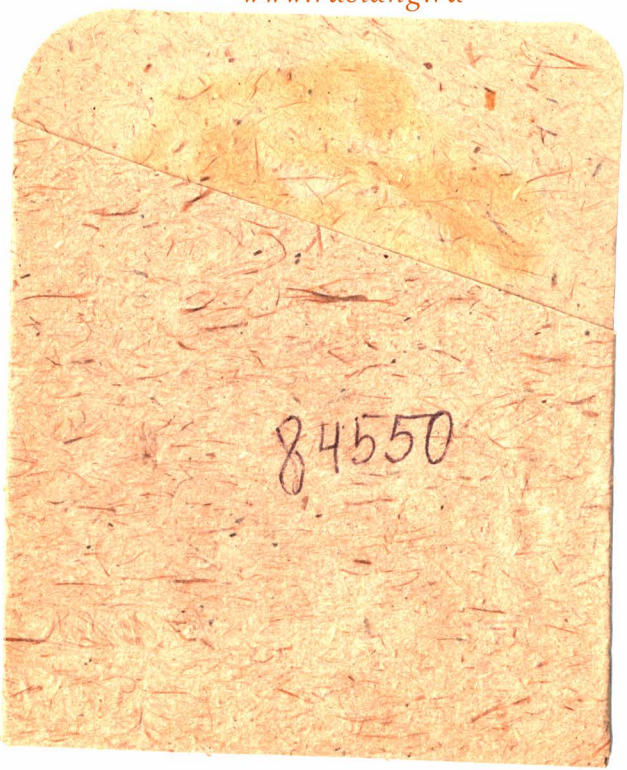
Ч
Я-41

ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

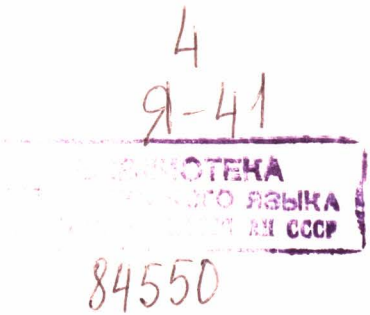
ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ

Ответственный редактор
академик Д.Н. ШМЕЛЕВ

МОСКВА
"НАУКА"
1989

ББК 81
Я41

Рецензенты:
доктор филологических наук *Г.А. Золотова,*
кандидат филологических наук *В.А. Виноградов*

Язык и личность. — М.: Наука, 1989. — 216 с.
Я41 ISBN 5-02-010990-8

Проблематика сборника: структура описания языковой личности; языковая личность и культура (языковое сознание личности в народной культуре, языковая культура русской интеллигенции); типы языковой личности (житель современной деревни, рабочий, писатель); личность и языковой коллектив; индивидуальное в речи (в произношении, интонации, словоупотреблении); прикладные аспекты (отождествление личности по материалам устной речи при судебной экспертизе, восстановление речи у афатиков).

Для всех интересующихся проблемами комплексного изучения человека (лингвистов, литературоведов, философов, социологов, психологов).

Я $\frac{4602000000\text{-}362}{042(02)\text{-}89}$ КБ-17-35-89 **ББК 81**

Language and Personality.

The collection of articles deals with a variety of problems including the structure of linguistic personality description, linguistic personality and culture (linguistic thinking of personality belonging to folk culture; speech culture of Russian educated people); types of linguistic personality (an inhabitant of a modern village, a worker, a writer); personality and speech community; individual variations in speech (in pronunciation, intonation and word use); applied studies (person identification on the basis of spoken discourse analysis in the course of forensic investigation; speech restoration of aphatic patients).

ISBN 5-02-010990-8 © Институт русского языка АН СССР, 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ. РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЗАДАЧИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Интерес к личностному аспекту изучения языка существенно повысился в последние годы во всех дисциплинах, так или иначе связанных с языком, — не только в лингвистике, но и в психологии, философии, лингводидактике. В предлагаемом читателю сборнике "языковая личность" оказывается тем стержневым, определяющим понятием, вокруг которого разворачивается обсуждение наиболее интересных сегодня, как мне представляется, проблем общего и русского языкознания.

Под языковой личностью я понимаю совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов. Три выделенные мною в дефиниции аспекта анализа текста сами по себе всегда существовали по отдельности как внутрилингвистические и вполне самостоятельные задачи.

Действительно, системное описание средств выражения смыслов, семантики в текстах всегда было главной задачей языкознания, и их структурная характеристика однозначно укладывалась в поуровневое представление об устройстве языкового механизма: синтаксис, лексика, морфология, фонология. Такая исследовательская установка, будучи преобладающим в лингвистике типом мышления и подхода к языковому материалу, резюмируется восходящим к идеям Соссюра лозунгом: "За каждым текстом стоит система языка". И возникающий на основании такой установки "образ языка" соотносится с самодовлеющей и автономной "системой" объектов и отношений, системой, тяготеющей к пространственно-геометрическому воплощению.

Что касается содержательной стороны текстов, которая тоже может служить и служит объектом чисто лингвистического интереса (в моей дефиниции речь идет об "отражении действительности"), то надо сказать, что в языкознании в течение последних 30 лет идет постоянное расширение семантической составляющей анализа как отдельных языковых единиц, так и их соединений разного объема: от изучения значения слов и словосочетаний — до исследования значения предложений, семантических полей и целых текстов. То есть расширение идет в направлении от значения к знанию, и поэтому данный уровень, связанный, как было сказано, с отражением действительности и знаменующий переход значения в знание, я называю когнитивным. Знание, оставаясь в основном объек-

том интереса разных дисциплин философского и психологического циклов, все в большей степени становится и лингвистическим объектом, именно в силу вербального, по преимуществу, своего воплощения и бытования, и мы можем говорить теперь о формировании, наряду с когнитивной психологией, также когнитивной лингвистики[1].

Наконец, третий аспект анализа текста, отмеченный в приведенной в начале дефиниции и связанный с целевой направленностью, охватывает прагматические характеристики (как самого речевого произведения, так и его автора) и знаменует тем самым диалектический переход от изучения речевой деятельности человека к выводам о его деятельности в широком смысле, а значит, включает и креативные (созидательные и познавательные) моменты этой деятельности. В традиционных филологических дисциплинах такого аспекта анализа до некоторой степени касались всегда стилистика и риторика, но в последние полвека, сдерживаемые деспотизмом общей формулы — "за каждым текстом стоит система языка", — исследования в этом направлении, как правило, не шли дальше установления и классификации формальных средств, передающих отдельные прагматические характеристики высказывания или текста. В разное время в языкознании делались попытки синтеза, попытки целостного подхода, включающего анализ всех трех уровней рассмотрения речевых произведений. Оформившаяся в 70-х годах и к настоящему времени хорошо разработанная в англо- и немецкоязычной литературе "теория речевых актов"[2] своим появлением знаменовала определенный сдвиг от статической фиксации, от гербарийно-коллекционного перечисления языковых средств, выражающих определенные эмоционально-психологические и интеллектуально-оценочные состояния говорящего (досада, радость, заинтересованность, сомнение, убежденность, раздражение и т.п.) — к динамическому их изучению как комплекса языковых средств, характеризующих человеческие интенциональности. Однако недостаточность теории речевых актов обнаруживается сразу же, как только мы выходим за пределы сиюминутных эмоций и намерений авторов речевых произведений. Эта теория не вооружает исследователя инструментом для выявления и описания стабильных, долгосрочных, доминантных установок. Довольно авторитетная французская школа психологов и психоаналитиков, связывающая себя с именем Лакана[3] и получившая (такое полужаргонное) наименование "лаканизма", интересна прежде всего тем, что видит в языке (а точнее — в текстах, которые могут быть порождаемы определенной личностью) полное и безостаточное выражение всех без исключения особенностей ее сознательной и бессознательной жизни. В экстремально-конструктивном смысле последователи Лакана берутся вербализовать абсолютно все, не оставляя в человеческой душе никаких закоулков, куда бы нельзя было заглянуть с помощью языка, но относя возможность вербализации "бессознательного" только в речи *Другого*. Эта теория опирается в основном на медицинскую психоаналитическую практику и подвергается критике по разным основаниям.

И в "теории речевых актов" и в "лаканизме" (точнее — в его

лингвистических предпосылках), так же как в возникшей внутри самой лингвистики "теории текста", мы можем видеть попытки синтеза, разнонаправленные подходы на пути к созданию новой, общей теории языка, не удовлетворяющейся рассмотрением его как самодовлеющей системы формальных средств, а охватывающей связанные с этой системой когнитивные, познавательные, коммуникативно-деятельностные стороны его бытия и функционирования вместе с его носителем. Действительно, теория текста вначале претендовала на такой синтез, но в итоге превратилась в сугубо специальную дисциплину, ограничившую свои притязания рамками самого текста и сосредоточившуюся на внутренних закономерностях его устройства. Правда, надо сказать, что психолингвистика пытается разгерметизировать эту теорию разными путями, в частности, развивая теорию понимания.

Предложенная вначале дефиниция есть основа для еще одной попытки синтеза, и ее противопоставление другим подходам заключается в изменении исследовательского пафоса, который в рамках теории языковой личности формулируется так: "За каждым текстом стоит языковая личность".

Структура языковой личности представляется состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя — традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную "картину мира", отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания — к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире.

При таком представлении структуры языковой личности и соответственно задач исследователя, воссоздающего эту структуру методами лингвистического анализа, естественно может возникнуть вопрос, а не превышает ли свои возможности языковед, когда вторгается столь глубоко в сферы психологического интереса: ведь в приведенной характеристике, особенно двух последних уровней, содержатся в основном относимые к психологии категории и объекты? Да, это верно, психологический аспект в изучении языковой личности представлен очень сильно, он пронизывает не только два последние — когнитивный и прагматический уровни, — но и первый, поскольку основывается на заимствованных из психологии идеях его организации в виде ассоциативно-вербальной сети. Но в то

же время психологическая глубина представления языковой личности лингвистическими средствами не идет ни в какое сравнение с глубиной представления личности в психологии. Перефразируя крылатое выражение, можно сказать, что лингвист, обращаясь к языковой личности, имеет в качестве объекта анализа ein Talent, doch kein Charakter, т.е. оставляет вне поля своего внимания важнейшие с психологических позиций аспекты личности, раскрывающие ее именно не как собирательное представление о человеке, а как конкретную индивидуальность.

Языковедческий подход раскрывает и новые возможности для конкретного и конструктивного наполнения некоторых важных, но слишком обобщенных и потому трудных для оперирования ими понятий. Возьмем такое, чисто философское понятие, как мировоззрение. С учетом того содержания, которое я вложил в характеристику уровней в структуре языковой личности, могу дать методическое определение этого понятия: мировоззрение есть результат соединения когнитивного уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, или "картины мира", с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками, проявляющийся, в частности, в порождаемых ею текстах. Лингвистический анализ этого материала (при достаточной протяженности текстов) позволяет реконструировать содержание мировоззрения личности. Причем для такого анализа вовсе не обязательно располагать связными текстами, достаточен определенный набор речевых произведений отрывочного характера (реплик в диалогах и различных ситуациях, высказываний длиной в несколько предложений и т.п.), но собранных за достаточно длительный промежуток времени. Этот материал я называю дискурсом. Примером дискурса может служить сумма высказываний какого-нибудь персонажа художественного произведения, который выступает в этом случае как модель реальной языковой личности[2]. Возвращаясь к опытам реконструкции мировоззрения конкретной языковой индивидуальности, хочу подчеркнуть, что в этих опытах практически никогда не удается выявить систему, гармонию и единство, которые любят подчеркивать философские и психологические словари, определяя это понятие. В самом деле, трудно требовать единства и гармонии воззрений от человека, который, с одной стороны, кровно связан со своей эпохой, а в то же время многое заимствует из всевозможных источников прежних эпох для своей "картины мира", и жизненные установки которого складываются под влиянием самых разнообразных условий. Только у плохого писателя или в результате очень пристрастной интерпретации герои оказываются последовательными и гармоничными.

Но в то же время эти опыты и общий итог подводят к мысли о возможности языкового воздействия на формирование мировоззрения, языкового сопровождения процессов становления личности, к выработке принципов своеобразного ортолингвогенеза, обеспечивающего языковую сторону воспитания и совершенствования человека. Иными словами, отправляясь от понятия языковой лич-

ности, мы приходим к возможности говорить о психологической инженерии (не об инженерной психологии, а, по аналогии с генной инженерией, — о психологической инженерии, психологическом конструировании, в котором языковому компоненту должна принадлежать заметная роль).

Все, что было сказано о языковой личности до сих пор, дает основания, надеюсь, трактовать ее не только как *часть* объемного и многогранного понимания личности в психологии, не как еще один из ракурсов ее изучения, наряду, например, с "юридической", "экономической", "этической" и т.п. "личностью", а как *вид* полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс.

Таким образом, уже в самом выборе языковой личности в качестве объекта лингво-психологического изучения заложена потребность комплексного подхода к ее анализу, возможность и необходимость выявления на базе дискурса не только ее психологических черт, но философско-мировоззренческих предпосылок, этнонациональных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков. Далее я предлагаю несколько исследовательских сюжетов, в реализации которых акцентируется та или иная сторона языковой личности.

Первый возникает из таких вопросов, которые встают перед лингвистом: почему мы легко отличаем устную и письменную речь иностранца, относительно неплохо или даже хорошо владеющего русским языком, от речи малообразованного носителя русского языка, представителя того или иного говора?; почему, далее, обнаруживается странное совпадение форм, порождаемых в онтогенезе детьми, овладевающими родным языком, с формами, зафиксированными в диалектах и в истории развития этого языка?; почему, наконец, не подготовленный филологически носитель русского, например, языка XX в. способен понимать тексты, написанные в XI, XII вв.?

В поисках ответа на эти вопросы мы упираемся в теорию врожденности языка или языковой способности, которая граничит уже с мистикой. Исследователь языковой личности может построить на этом пути исследование, в основу которого я предлагаю положить гипотезу о существовании так называемой психоглоссы, под которой понимаю единицу языкового сознания, отражающую определенную характерную черту языкового строя, системы родного языка, которая обладает высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью во времени. Исследование такого рода может иметь диахроническое (историческое) измерение, территориальное (синхроническое) и онтогенетическое и в итоге может воссоздать некоторые черты национального языкового типа.

Другой сюжет выводит на первый план социально-психологические характеристики языковой личности и исходит из следующих посылок. Человек проживает в среднем 25 тыс. дней. Большая часть из этих дней в зрелом возрасте строится довольно стандартно для данной личности.

Описав один типовой день, или дневной дискурс, лингвист сможет сделать выводы не только о языке, но и других уровнях организации человека как языковой личности. Результаты такого конкретного лингво-психологического изучения многое дадут всем наукам, занимающимся человеком.

Последний сюжет можно обозначить так: „Эволюция русской языковой личности". Как развивается языковая личность в историческом времени. Что подвержено наибольшему изменению на каждом из уровней, как взаимосвязаны изменяющиеся параметры, например, состав лексикона и жизненные идеалы, или иерархия ценностей в картине мира и моральные принципы и т.п. Необходимо провести сопоставление дискурсов и реконструированных на их основе параметров языковых личностей разных эпох. Выводы были бы безусловно полезны и для современности.

Ю.Н. Караулов

[1] См., например: *Gardner H.* The Mind's new Science: A History of the Cognitive Revolution. N. Y., 1985.

[2] *Searle J.R.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge et al., 1983; *Searle J.R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1978.

[3] *Roustang F.* Lacan, de l'equivoque à l'impasse. P., 1986; см. также: *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988. С. 230—235.

Этот сборник — прежде всего "моментальный снимок", который отразил, в какой мере и в каких аспектах современные исследования русистов обращены к понятию "языковая личность". То, что многие специалисты откликнулись на приглашение участвовать в сборнике, подтвердило первоначальную интуицию составителей о том, что это понятие живет (не будучи названо) во многих работах и что есть области, где экспликация его уже стала внутренней необходимостью.

Появление понятия "языковая личность" в теории изучения поэтического языка не случайно, так как в художественной литературе существует индивидуальное авторство, и автор индивидуализирован в сознании читателя, поскольку он создает индивидуальный стиль. Наконец, важно, что автор как языковая индивидуальность отличается от языковой индивидуальности того же лица вне художественного творчества. Соотношение таких терминов описания, как "идиостиль/идиолект" — "образ автора" — "образ лирического героя" — "языковая личность", находится сегодня в центре внимания специалистов. В нашем сборнике затрагивается лишь проблема "автор — индивид" (носитель языка) (см. ст. С.И. Гиндина и А.И. Девятайкина). Персонаж художественного произведения — это "языковая личность" sui generis, ведь язык — единственная субстанция, в которой он существует. Но в той мере, в какой произведение отражает речь определенных социокультурных типов, оно может служить источником для воссоздания речевых характеристик прототипов. Г.О. Винокур считал увлекательной и важной задачей восстановление языкового облика разных социальных типов старой Москвы по материалам пьес А.Н. Островского (см. ст. Н.Б. Можаевой).

Человек раскрывается в диалоге. Анализ интенций и реакций как деятельностных компонентов диалога, содержащийся в статье Т.Г. Винокур, показывает, что эти характеристики языковой личности в плане речевого поведения относятся к чрезвычайно важным. Во всякой устной речи говорящий индивидуализирован уже в той мере, в какой слушатель воспринимает его физические и психологические характеристики, вычитывая из них дополнительную экстралингвистическую информацию. Во многих "общественных формах" устной речи существуют достаточно жесткие регламентации, жанровые и речевые стереотипы. Индивид может внести только личностную окраску в проигрывание ролей. Абсолютно личностный тип общения представлен только в разговорной речи. Этот тип коммуникации предполагает полную взаимную ориентацию собеседников на индивидуальный объем знаний и индивидуальные мотивационные уровни. Именно здесь создается возможность использования индивидуального лексикона, свободной творческой реализации всех речевых жанров. В силу этого словарь подсистемы разговорной речи получает в описании иную структуру, чем в книжном языке. Центр (ограниченный по объему общий словарь) предполагает значительную периферию (лексику, дифференцированную по территориальным, социальным, групповым, индивидуальным признакам). Внимание к индивидуальному является необходимым условием описания этой подсистемы. Итак, разговорная речь вносит особый вклад в характеристику языковой личности (см. ст. Л.А. Капанадзе, О.Б. Сиротининой и Т.В. Ларькиной, Л.В. Кнориной и др.).

Подсистемой РР обслуживаются и неформальные роли — в семье и неформальных группах. Здесь, однако, человек попадает в особые языковые общности, в которых может вырабатываться коллективный язык (заметим, что слово "язык" употребляется в этом сборнике не всегда как строгий лингвистический термин), принадлежность к таким коллективам — существенная составляющая характеристики языковой личности. Раздел сборника "Личность и языковой коллектив", открываемый статьей Л.П. Крысина, посвящен описанию речевого поведения в малых группах: домашнему семейному языку (Л.А. Капанадзе, Е.Ю. Кукушкина), групповому языку красноярских столбистов (Л.Ю. Подберезкина). См. также воспоминания М.А. Реформатской о семейном языке в соответствующем разделе книги.

В описании языковой личности, очевидно, должны быть учтены типовые социальные, групповые и собственно индивидуальные черты. В разделе "Типы языковой личности" даны общие характеристики или выразительные фрагменты речевого поведения жителя современной деревни, рабочего, детской писательницы, поэта. В отдельный раздел выделены наблюдения над индивидуальными особенностями в произношении (Л.А. Капанадзе), интонации (Г.Н. Иванова-Лукьянова), словоупотреблении (Л.В. Кнорина). Необходимость их изучения подтверждают и статьи, посвященные прикладным аспектам исследования языковой личности. Подобные сведения необходимы и при отождествлении личности по данным устной речи

при судебной экспертизе (см. об этом в статье М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой) и при восстановлении способности к речи, потерянной в результате мозговых травм (Т.Г. Визель).

Важной стороной языковой личности является языковое сознание и самосознание (статьи М.В. Ляпон, С.Е. Никитиной и О.И. Блиновой). Языковое сознание индивидуально по своей природе, но может иметь и типовые формы, соотносимые с типами культуры. Личность в народной культуре — тема, объединяющая статьи С.Е. Никитиной и Р.Ф. Пауфошимы. Языковая культура русской интеллигенции, поколения, родившегося на грани XIX—XX вв., — тема, разработка которой начата публикацией материалов к языковому портрету А.А. Реформатского. Какова должна быть структура описания языковой личности? В ряде статей сборника содержатся фрагменты такого описания. Первый опыт целостного описания представляет собой раздел об А.А. Реформатском.

Перед лингвистами стоит трудная задача — соотнести все термины описания личности, выработанные в специальных областях, свести их в единую систему. Самыми общими терминами, передающими отношения человека к языку, являются: "носитель языка", "отправитель — адресат" ("говорящий — слушающий"). Первый термин входит в следующую систему связей: национальный язык — совокупность всех носителей данного языка — коллектив носителей языка (народ как языковой коллектив, объединенный преемственностью истории, культуры, единством территории, социальной (государственной) жизни, общностью форм массовой коммуникации и национальной художественной литературы). Весь состав носителей языка может быть расчленен на классы (страты) по территориальным и социальным признакам; в общенародном языковом коллективе на основе иерархического членения могут быть выделены разнообразные языковые и речевые коллективы. Очевидно, что понятие "индивида" как носителя языка, единицы класса, члена коллектива должно быть соотнесено с понятием "языковая личность". Возникла необходимость и в понятии "коллективная языковая личность" (ст. С.Е. Никитиной, Р.Ф. Пауфошимы, Л.П. Крысина), соотносимом с понятием "индивидуальная языковая личность" и отличимом от понятий "класс", "языковая общность", "коллектив носителей языка". Коммуникативное отношение "отправитель — адресат" также должно быть осмыслено как особая проекция в описании языковой личности. В публикуемых статьях мы хотели бы также выделить тему, связанную с ролью языка в жизни человека (Т.Г. Визель, М.А. Реформатская). Мы надеемся, что проблематика сборника будет развита в дальнейших исследованиях.

Редколлегия приносит глубокую благодарность рецензентам сборника: доктору филологических наук Г.А. Золотовой и кандидату филологических наук В.А. Виноградову за чрезвычайно полезные советы и замечания, а также Е.Ю. Кукушкиной, щедро вложившей свой труд в подготовку сборника к печати.

Е.В. Красильникова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Т.Г. Винокур

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОВОРЯЩЕГО ИНТЕНЦИЯ И РЕАКЦИЯ

> В известном замечании Лермонтова: "Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям" — необыкновенный ум поэта сказался с поразительной силой.
>
> *Г. Винокур.* Биография и культура

Компоненты словосочетания "языковая личность", квалифицируемого как терминологическое, указывают, во-первых, на коммуникативно-деятельностную, а, во-вторых, — на индивидуально-дифференцирующую характеристики. Двухместное содержание обеих в совокупности соответствует двум точкам обозримого и подлежащего изучению индивидуально-деятельностного поля. Первой точкой назовем, используя язык кино, "общий" (дальний) план, охватывающий целиком и равномерно бюлеровскую триаду "говорящий — сообщение — слушающий". Если исследовательская камера наводит фокус на действующих лиц, создающих сообщение, — мы констатируем первый этап укрупнения деятельностной стороны, которая впоследствии уже должна приниматься в расчет не как принудительный ассортимент к анализу языкового состава сообщения, а как самостоятельная единица непосредственного наблюдения[1]. Этой констатацией на данном этапе и ограничивается первое приближение к индивидуально не дифференцированному лицу (говорящему и слушающему, пишущему и читающему, в разные времена, в разных жизненных обстоятельствах, с разными целями).

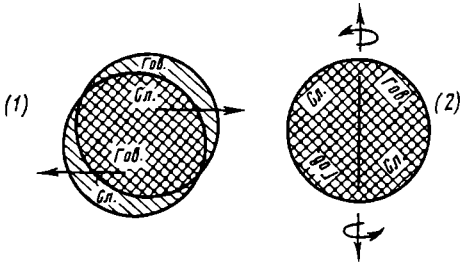
Второй точкой отсчета, по логике вещей, должен явиться "крупный план", т.е. индивидуальность, отдельность, без сомнения, составляющая пафос изучения личности с какой бы то ни было точки зрения; со стилистической — тем более[2]. Однако, совершая наезд на крупный план, камера стилиста непременно столкнется с препятствием, которое вынудит ее остановиться на полпути. Им окажется неравномерное обследование вопроса о том, что составляет дистинктивные черты личности в деятельностном аспекте, затрудняющее анализ коммуникативной стороны дела.

Объективирующей методологической основой решения этого вопроса снабжены те области языкознания, которые пользуются междисциплинарным научным аппаратом. Он, безусловно, в скором времени даст (в психолингвистике уже дал[3], а в лингвистической поэтике давал всегда) богатые результаты науке в целом. Но пока что

они касаются отдельных и разрозненных участков проявления личности в коммуникативно-стилистическом плане (физиологических и психологических), поддающихся последующему объединению в типы (биологические, социальные) и общности (национально-культурные) или нет; моделируемых или случайных. Неполнота этой картины может быть преодолена возвратом к "среднему плану" речевой коммуникации. На нем фигурирует языковая личность, дифференцированная не как социально-психологическая уникальность, но как коммуникативно-деятельностная единица, представляющая собой двучлен — "говорящий/слушающий". Он и явится предметом анализа.

Возможность разных подходов к этому двучлену очевидна. На самой поверхности лежит оппозиция, имеющая диалогический генезис и формирующаяся взглядом на реальное взаимодействие участников отдельного речевого акта. Сообщение (речь, текст, дискурс) при этом должно быть рассмотрено через призму их мыслительно-речевой деятельности, т.е. как процесс облечения мысли в слово. Такой взгляд, как мы только что говорили, освобождает участника речевого акта от исполнения в анализе лишь служебной роли поставщика языкового материала. Тем не менее, отдельно взятый речевой акт — это, главным образом, театр одного актера — говорящего (т.е. не молчащего); и его роль поддается анализу в том случае, если вторую роль берет на себя исследователь, выступая и как адресат и как наблюдатель. Иными словами, адекватно воспринять содержание данной оппозиции можно при условии реэтимологизации внутренней формы термина (агентивной семантики причастия действительного залога), во-первых, и "синхронизации" его темпоральной семантики, во-вторых.

Помимо этого каждый член названной оппозиции способен (в качестве термина) принять и самостоятельное значение — путем лексикализации, т.е. утраты внутренней формы, когда момент "связи", относящийся к взаимообусловленным действиям, растворяется в адъективной семантике. Что приходит тогда на смену плоскости, которую образует речевая оппозиция в рамках нормально протекающего речевого акта? По-видимому, здесь можно говорить об объемном панхроническом пространстве, имеющем, относительно ролей участников общения, дисперсную структуру, в которой оппозиционные признаки заменяются переходными (если не принимать во внимание возможностей физиологической или ментальной аномалии). Ср. рисунки:

Образ "говорящий/слушающий" ("пишущий/читающий") предстает в этом свете не "склеенным" из двух сторон одной медали (1), а цельным — как вращающееся вокруг своей оси и не имеющее четких граней тело (2). Его можно "раскрутить" и "наоборот", в зависимости от чего на его поверхности в разных конфигурациях высвечиваются плавно переходящие друг в друга участки: инициативной и реактивной речевой деятельности; внешней и внутренней речи; речевого действия и речевого восприятия; участки говорения и участки молчания[5]. Дополняя друг друга с коммуникативной стороны, оба значения обсуждаемых терминов дают импульс стилистическому описанию личностной характерологии. Ср., например, замечательно тонкую психологическую характеристику речи изображаемого человека у Достоевского: "Семен Иванович *говорил и поступал, вероятно, от долгой привычки молчать, более в отрывистом роде*, и кроме того, когда случалось ему вести долгую фразу, то, по мере углубления в нее, каждое слово, казалось, рождало еще по другому слову, другое слово, тотчас при рождении, по третьему, третье по четвертому и т.д., так что набивался полон рот, начиналась перхота, а набивные слова принимались, наконец, вылезать в самом живописном беспорядке" (Господин Прохарчин). Зависимость манеры речи от привычки молчать замечена Достоевским и при изображении речи Кириллова в "Бесах": "*Я терпеть не могу рассуждать... Я никогда не хочу рассуждать. Я четыре года видел мало людей. Я мало четыре года разговаривал*". Эти реплики интересно комментирует А. Волынский: "... ему гораздо *естественнее молчать*. И он, действительно, молчит, целыми часами шагая по комнате и постоянно прихлебывая чай. А когда он, наконец, *заговорит на любимую тему* о Боге или человекобоге, *речь* его *принимает напряженный*, слишком напряженный и потому *отрывистый* характер. То у него не хватает сказуемого, то конец мысли непосредственно приставлен к началу с пропуском посредствующих логических звеньев. И в общем речь его суха, так сказать, костлява — это какой-то скелет без живой плоти. Но Кириллов так правдив и сосредоточен в каждом своем слове, что он сам не замечает уродливых неправильностей своей речи, и ему кажется, будто он говорил так "всю жизнь"[6].

Эта характеристика показывает, что в "дисперсном" ракурсе позиция исследователя должна совпасть не только с позицией адресата-наблюдателя, но и с позицией самого говорящего, настолько тесно они спаяны друг с другом. Поэтому данный ракурс определяется не исполнением одной из диалогических ролей, а потенциальной готовностью исполнителя к той или другой роли. В таком смысле изучение коммуникативно значимой речевой деятельности, отражаемой совокупностью возможных реализаций речевых актов, если и поддерживает приоритет говорящего[7], то уже не столь активно: лишь постольку, поскольку все же следует помнить о материализации текста. Но при наблюдении за речевым поведением языковой личности в целом — следует постоянно держать в уме ее двойственный облик, способный к мно-

гообразному отражению взаимовлияния коммуникативных ролей.

Принятием положения о содержательном взаимодействии выделенных ракурсов можно обеспечить полноту анализа деятельности языковой личности на коммуникативно-значимом уровне "среднего плана" при следующей оговорке: оно касается "поведенческой" стороны дела, т.е., в нашем понимании, коммуникативно-стилистического аспекта речевой деятельности человека. Следовательно, оно не претендует на обобщающее значение, которое имеют: а) понятие "личностной парадигмы", вводимое с целью интеграции "разрозненных и относительно самостоятельных свойств языка", на что не способны системно-структурная, историческая, социальная и психологическая языковые парадигмы[8]; б) теория внутренней диалогичности слова, на которую мы можем опереться в той части, где анализируется "диалектическая слитность понимания и ответа"[9], сопоставимая с диалектической слитностью мысли и речевой интенции в плане говорящего, о чем дальше пойдет речь; в) оппозиция синхронии и диахронии, которая очевидно должна иметь с точки зрения речевой д е я т е л ь н о с т и, не лингвистическое, а историко-социологическое содержание по преимуществу[10]; г) противопоставление феноменов "владение языком" и "употребление языка", так как предлагаемое различие находится в рамках последнего. Только с этой стороны указанное выше взаимодействие двух значений термина "говорящий" соотносится с так называемой действующей моделью языка[11], что, в свою очередь, приводит к необходимости заново рассмотреть ее положения в коммуникативном смысле.

Оспаривая тезис о том, что смысл, передаваемый в речевом сообщении "заранее дан говорящему и нуждается лишь в словесном воплощении", авторы этой модели называют "терминальными компонентами действующей модели языка не смысл и текст, а мысль и (звучащую) речь", так как "в процессе мыслительно-речевого акта смысл создается, формируется". Представление компонента "мысль" начальным этапом действия языковой модели — основной аргумент в пользу активно-деятельностной сущности последней. Но это дает нам право ввести именно на данном этапе коммуникативную параллель[12] к мысли в виде интенции, которая трактуется как известное психологическое состояние[13]. Возбужденное мыслью, оно стимулирует социально значимую — коммуникативную — интенцию (намерение *выпить чаю* и намерение *предложить выпить чаю* различаются наличием и отсутствием к о м м у н и к а т и в н о й ценности). Таким образом, интенция, адекватная мысли в коммуникативном плане, становится первым звеном в цепочке поступков говорящего, соответственно раздваивающейся на уровнях языковой и внеязыковой ситуации[14]. Момент "раздвоения" цепочки и обеспечивает самостоятельную ценность лингвистических наблюдений за говорящим лицом. Поэтому необходимо, чтобы ее сдвоенные терминальные звенья имели равно удаленный абстрагирующий статус каузации речи.

В этом смысле важно следующее замечание: "Существует неопределенность между пониманием самого сообщения и пониманием того, почему данное высказывание было произведено. Когда мы рассматриваем речевой акт как действие, нас должен интересовать именно этот вопрос"[15]. Такая (более чем справедливая) мысль указывает однако на отсутствие внутренней градации в представлении причин, стимулирующих речевой поступок. Его рассмотрение со стороны самих действующих лиц предполагает изначальную роль коммуникативной интенции в чистом виде[16]. Единицей ее измерения должна быть психологическая категория, а не ближайшие прагматические причины, породившие то или иное содержание и форму высказывания. Ср. приведенное А. Вежбицкой в выгодном для нас контексте мнение А. Богуславского, который предложил считать понятие "желание" элементарной (неразложимой) семантической единицей[17]. Это мнение согласуется с мыслью Г. Шпета: «Если мы обратимся в сторону самих наших желаний или намерений "выражающего", мы приходим к новому порядку значений, если угодно значений второго порядка». Тут собственно имеет место выражательная функция слова в узком смысле "выражения" как "обнаружения" или "проявления" экспресии[18].

А эта мысль, в свою очередь, связана с мнением об общей аффективной (экспрессивной) ценности языка, сохраняющей значение и в наше время, если только не придавать самому термину "экспрессия" (как и другим понятиям коннотативного ряда) того вульгарного оттенка, который он приобрел вследствие неумелого и неумеренного использования. По мнению французских лингвистов — учеников и последователей Ш. Балли — (высказанному, естественно, не сегодня), необходимость в речевом поступке возникает только тогда, когда говорящий "неравнодушен" и к сюжету, который он собирается облечь в языковую форму, и к форме, в которую будет облечен этот сюжет. "Если бы то, что я говорю, мне было безразлично, я бы вообще не стал говорить, — пишет А. Делакруа, — а если нечего сказать, то ничего и не говорят[19]. Ср. приведенный выше пример из "Бесов": коммуникативно-стилистическим импульсом явилась тема, наиболее глубоко затрагивающая мысли и чувства говорящего. Не случайно поэтому актерам (по их собственным свидетельствам) чрезвычайно трудно воспроизводить на сцене такие, например, ремарки в тексте пьесы как *толпа оживленно переговаривается* и т.п. Опытные режиссеры давно уже придумали весьма показательный выход: "толпа" вразнобой повторяет: *Что говорить если нечего говорить что говорить когда нечего говорить...* .

Следовательно, без учета этого начального сдвоенного этапа мотивации речи нет смысла как бы то ни было интерпретировать последующие этапы действий говорящего, потому что он является точкой отсчета для наблюдения за развитием речевой стратегии.

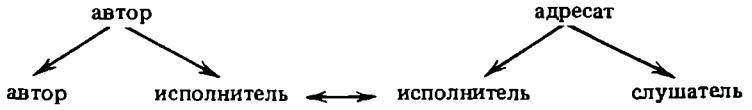
Первую ступень, конкретизирующую содержание интенсиональной акции (вопрос, ответ, просьба, приказ, согласие, возражение, утверждение, информация и пр.[20]), мы выделяем именно на фоне

общекоммуникативного намерения говорящих и слушающих, действия которых разворачиваются на "среднем плане", не дифференцированном относительно вербальных последствий. Но характерно, что он не потеряет для исследователя значения первоэлемента (организующей силы) и при изучении портретов "крупного плана" — социально-психологически детерминированной говорящей личности. Это достаточно отчетливо прослеживается при попытке построить типологию функциональных вариантов высказываний, классифицирующихся по сходству и различию конечных коммуникативных установок. Так, если мы говорим о первом "терминальном компоненте" — "мысль—интенция", то, например, цитированное выше понятие "звучащая речь" нуждается в дополнительном осмыслении. Этим термином целесообразно обозначить речь, лишенную эвристического начала по отношению ко всем формирующим высказывание языковым уровням, кроме паралингвистических показателей (например, актерское исполнение "чужого" текста).

"Звучащее" с чисто исполнительской стороны слово требует других аналитических критериев, чем устная спонтанная речь, в социально-психологическом смысле[21]. Тем не менее, и здесь сама первопричинная фаза намерения что-то поведать миру, свидетельствующая об избирательном моменте мысли, не может не присутствовать в сознании исследователя, потому что "знание стратегии говорящего есть важный элемент более общей теории действий" (подчеркнуто мною. — *Т.В.*)[22].

Ср. высказывание народного артиста СССР М.А. Ульянова о работе на радио: "... в любой работе, а в радийной особенно, важно иметь *личное желание прочитать именно это произведение, потому что только желание придает голосу особое звучание,* особую глубину и объемность. Если ты пишешь (т.е. записываешь на пленку. — *Т.В.*) то, что тебе неинтересно (ср. с мнением школы Балли! — *Т.В.*), — это один звук. А если ты рассказываешь нечто такое, что тебе кажется необычайно важным, существенным, *если тебе хочется, чтобы об этом узнали другие,* такой рассказ (т.е. все то же чтение чужого текста. — *Т.В.*) приобретает объемное, что ли, звучание" (Сов. культура, 18.01.86).

Подобный речевой акт, учитывая "соавторскую" роль исполнителя, являющегося одновременно и адресатом исполняемого им текста, рассматривается с коммуникативной стороны в виде следующей схемы:

В полном объеме эта схема работает лишь при учете сдвоенного содержания термина "говорящий", адекватного коммуникативному пониманию термина "языковая личность". В ней отражено следствие взаимодействия коммуникативных ролей особого рода (постижение текста с помощью условленной формы его редубликации),

и мы намеренно взяли пример, максимально удаленный от психолингвистической базы порождения естественной речи. Но дело в том, что с "исполнительской" точки зрения профессиональная эксплуатация мелодических свойств устного высказывания вовсе не отделена непроходимой границей от естественного использования ее экспрессивных возможностей. Изменится лишь соотношение воспроизводящегося и более "творческого" участков процесса, и именно в сфере одного из "терминальных компонентов действующей модели языка" (нами, соответственно, удвоенного: "мысль — интенция — ее выразитель"). Ср. высказывание Достоевского: "Я испытываю в эту минуту то, что вероятно испытали и Вы, когда ко мне писали: невозможность высказать себя после стольких лет не только в одном, но даже и в 50 листах. Тут нужно говорить с глазу на глаз, чтобы душа читалась на лице, чтобы сердце сказывалось в звуках слова. Одно слово, сказанное с убеждением, с полной искренностью и без колебаний <...> гораздо более значит, нежели десятки листов исписанной бумаги" (письмо к Л.И. Майкову)[23].

И далее — понятие интенции послужит инструментом для типологического обобщения функциональных различий: например, между ролью говорящего в высказывании, обладающем естественной экспрессией, и высказывании, где на нее возлагается эстетическое задание. Здесь найдет место и "сыгранная" экспрессия риторической речи, когда говорящий стремится не выразить свое истинное ощущение, а прежде всего повлиять на слушателя. При этом риторическая интенция может быть глубоко замаскирована (по В.В. Виноградову) под "живое чувство". И такая маскировка лишь усиливает ее коммуникативный эффект.

84550

Ср. речевой облик Бестужева, как он обрисован в романе Мережковского "Александр Первый": "Бестужев говорил неясно, спутанно, сбивчиво и растянуто. Но в том, как дрожал и звенел голос его, как он руками взмахивал, как бледнело лицо, блестели глаза и подымался рыжий хохол на голове языком огненным, была сила убеждения неумолимая". В характеристике же, которую дает В.О. Ключевский Ивану Грозному, наоборот, интенция обнажена, что подчеркивает техническое различие между устным и письменным выполнением риторической функции: "Иван — один из лучших московских ораторов и писателей XVI века <...> потому что он был самый раздраженный москвич того времени. В сочинениях, написанных под диктовку страсти и раздражения, он больше заражает, чем убеждает, поражает даром речи, гибкостью ума, изворотливостью диалектики, блеском мысли; но это — фосфорический блеск, лишенный теплоты; это не вдохновение, а горячка головы, нервическая прыть, следствие искусственного возбуждения"[24].

Как бы забежав вперед, благодаря иллюстрациям, детализирующим крупный план говорящей личности, мы остались еще в долгу перед "средним планом". Напомним, что в объективе находятся следующие его дифференциальные признаки: языковая личность как соединение двух коммуникативных ролей; два типа отношений между этими ролями; два значения термина "говорящий" и два "терми-

www.ruslang.ru

нальных компонента действующей модели языка", лишь один из которых был уже подвергнут коммуникативно значимой коррекции: мысль (+ интенция).

Теперь настало время обсудить и другой терминальный компонент коммуникативного ряда: речь (+ реакция). Для этого необходимо еще раз надстроить деятельностную цепочку, как бы продлив действие речи, оказавшей влияние на сознание самого говорящего: "Совершенно очевидно, что наше собственное языковое выражение оказывает на нас самих не меньшее воздействие, чем на других. Потому что мы слышим и читаем то, что пишем и говорим"[25].

Высказывание осуществляется вследствие проделанного говорящим вербального отбора. Но исчерпывается ли этим понятие коммуникативно-речевого поведения личности в совокупной характеристике двух значений термина "говорящий"? Для ответа на этот вопрос необходимо напомнить следующее: говорящий совершает вербальный отбор в жестких условиях преодоления альтернативы, которая являет словесный состав высказывания в двух возможных стилистических видах — нейтральном или маркированном. Акт предпочтения одного языкового средства другому — так же, как степень его осознанности[26], — это и есть сам говорящий, "образ автора" данного высказывания. В свою очередь, необходимость вербализовать внеязыковую референтную ситуацию через набор денотатов, несущих предметно-логическое значение и передающих смысл высказывания, сама по себе порождает коннотативные смыслы: выбрать речевое средство — значит "как-то отнестись" и к речи и к выраженной ею реальности. Отнестись нейтрально — *не* значит "не отнестись никак".

Коммуникативная интенция не только определила выбор средства, но, на следующем конкретизирующем этапе, стимулировала еще более активное, целенаправленное действие — помещение данного средства в соответствующий прием[27] (макро- или микроконтекстный, стилистически гомогенный или гетерогенный). Оформление высказывания — другими словами, запуск в действие механизма владения языком — как раз и состоит в образовании с помощью языкового средства конситуативно значимого приема. И эта процедура имеет стилистический смысл. Став ядром приема, направленного на выполнение говорящим конкретной целевой установки[28], в которой отразилась общекоммуникативная интенция, — данная часть узуально-стилевого комплекса[29] получила стилистическое значение (опять-таки: маркированное или нейтральное). Тем самым она оказалась способной удовлетворить коннотативное содержание цели высказывания, т.е. всего того, что идет от говорящего, когда он выполняет данный, отдельно взятый, речевой акт.

Но вот задание выполнено, высказывание состоялось и говорящий может уйти со сцены, как мавр, сделавший свое дело. Теперь "раскрутим" вращающееся в панхроническом пространстве тело переходных признаков в обратную сторону. И от роли говорящего через восприятие потянется ниточка к реакции на осуществлен-

ную интенцию. Она приведет ко второму терминальному компоненту коммуникативно действующей модели языка. Речь идет не о реактивных репликах, или о вступлении в "вечный диалог" второго говорящего лица (т.е. слов, принадлежащих обоим, по Бахтину) — а о том, для чего реально говорящий выполняет речевое задание. Он выполняет его в надежде на соответствующий эффект, который приведет к пониманию. Расчет на эффект, предощущение реакции, угадывание ее конкретного содержания — это такое же интенсиональное действие говорящего, как и мысль, дающая импульс речи и, следовательно, неотделимая от интенции[30]. Но, если с точки зрения первого значения термина "говорящий", реакция на свою речь приведет к новой — еще одной — интенции, совпавшей с начальным моментом образования другого речевого акта ("понимание вызревает в ответе" — Бахтин), то с точки зрения целостного коммуникативно-действующего образа говорящей личности она окажется направленной прежде всего на свое же (обманутое или необманутое) ожидание: всякая речь обращена к кому-нибудь и содержит нечто, относящееся как к говорящему (подчеркнуто мною. — *Т.В.*), так и к слушающему, причем последнему говорящий приписывает те или иные свойства, находящиеся в нем самом[31]. Говорящий — есть всегда первый приемный пункт собственных коммуникативных усилий. Он вслушивается в себя, познает свою речь, и это самопознание выводит на поверхность речевой деятельности интраперсональные проблемы коммуникации, о которых принято говорить лишь в связи с феноменом внутренней речи (в типичной для нее диалогической структуре[32] — разговор с самим собой).

Выготский считал, что различие внешней и внутренней речи по коммуникативному признаку — "это коренное и фундаментальное различие в функциях той или другой <...>". В частности, если "внешняя речь есть превращение смысла в слова, ее материализация <...>, а внутренняя — обратный по направлению процесс, идущий извне внутрь, процесс испарения речи в мысль[33], то познание и оценка, в том или ином виде, поднимаются на поверхность речевого акта. А это значит, что связанные с ними коммуникативные проблемы перестают быть интраперсональными.

В сущности актер, ждущий оваций, и писатель как первый читатель своего произведения — это крайние, разведенные до предела звенья одной и той же коммуникативной ситуации. Но так же, как иерархически градуируется интенция, существуют градации и второго терминального компонента: восприятию речи другим лицом предшествует самовосприятие и ожидание реакции. Например, говоря об ораторском искусстве, Потебня писал: "Ораторская речь, *как всякая речь*, есть прежде всего орудие мысли для самого оратора: *он во время произнесения впервые объективируется* (курсив наш. — *Т.В.*) и создает эту мысль в окончательной форме[34]. В этом и состоит единство противоположностей, организующее коммуникативное содержание понятия "языковая личность" в его активной ("приоритетной") роли говорящего.

Отсутствие реакции на сообщение не является нормой в кругообороте человеческих отношений. Характерно, что современный термин, применяющийся к коммуникативной модели: circuit de la parole — пришел, как пишет Р. Хэррис, из электронно-технической терминологии, знаменуя собой сопоставление законов коммуникации с законом сохранения энергии[35]. Поэтому фактор реакции, так же, как и фактор интенции, нуждается в функционально-типологическом описании: от реакции диффузного характера (фатическая речь) до реакции разных семантически специализированных видов сообщений (информативная речь); от реакций, находящихся в сознании слушающего, до реакций вербализованных. Н. Гумилев, например, писал: "О своей любви мы можем рассказать любимой женщине, другу, на суде, в пьяной компании, цветам, Богу"[36]. Это очень последовательная и проницательная классификация адресатов речи. Два последние соотносятся именно с внутренней реакцией говорящего на свое собственное слово, что определяет перевес фатической или информативной природы начальной интенции.

Предварительные наблюдения показывают, что типы реакций могут зависеть от силы интенции и вида целенаправленного коммуникативного задания, характерного в целом для той или иной функциональной сферы языка. В частности, обыденная речь в ее устной спонтанной форме дает регулярное обнаружение вербальных побудителей (причем к о ж и д а е м о м у эффекту). Как правило, они составляют крайнюю (интродуктивную или финальную) синтагму высказывания говорящего.

Вот некоторые примеры: а) всепоглощающее ожидание реакции, основанное на стремлении сопоставить самооценку своего высказывания с оценкой адресата и берущее верх над реальным положением дел: "*А? Что?* Вы, кажется, сказали "все равно"? — затрещал Петр Степанович (Николай Всеволодович вовсе ничего не говорил)" в "Бесах" Достоевского; аналогичные реплики Вово́ из "Плодов просвещения" Толстого, которые не имеют ровно никакой содержательной ценности, кроме коммуникативного отзвука, принадлежащего (по Якобсону) коннотативной функции: "*А? Что?*; б) коммуникативно-реактивная роль структур типа: "*А что*?! Возьму и поеду!"; "*Вот так*: никуда не пойдешь, будешь дома весь вечер сидеть. *Вот так*"; других парцеллированных структур междометного характера: "Надо что-то с ней делать. С эндокринологом поговорить... Анализ повторим. *А как же*" (собеседник ничего не спрашивает и не возражает; говорящий убеждает самого себя); в) весь спектр самопроверки качества произведенной речевой продукции, которое должно обеспечить ожидаемый результат (т.е. совпадение задания и эффекта высказывания), выражающийся в метаязыковых коррекциях разной функционально-стилистической принадлежности: *Та́к я говорю*?; *Может, я что не так сказал*; *Кажется, я неверно сформулировал свою мысль*? и пр. Ср. телевизионное выступление спортсмена Ю. Власова, предупредившего в начале: "Никаких вопросов заранее". Большинство его ответных реплик содержало вводные модальности (преимущественно интродуктив-

ные) типа *Как бы это сказать, Наверное, кто-то скажет лучше, но..., Можно сказать так...* и пр.

Такие синтагмы — знак обращенности речи внутрь, к самому себе как автору сообщения не в меньшей степени, чем к собеседнику. Благодаря их существованию некоторые исследователи разделяют "коммуникативное сознание говорящего" с внутренней точки зрения участников речевого акта и с внешней, называя последнюю unobservable, а первую undisplayed[37].

Те, кому посчастливилось слушать лекции Л.В. Щербы, никогда не забудут длительной хезитационной паузы, отделяющей все предшествующее высказывание от его финального фрагмента — задумчивого *мм-м-м* (с нарастающим вопросительным повышением тона: говорящий вслушивается в себя, ловит отголосок своей, уже отзвучавшей, речи) — и затем полное искренности восклицательное недоумение: *Черт-те знает, может, так, а может, не так*!

Следует также заметить, что коммуникативные побудители очень характерны для речи детей в случае доминирующего фатического назначения, т.е. для более искреннего и непосредственного речевого поведения. Записи детской речи дали интересный результат при анализе высказываний, не имеющих оценочного содержания (которое тяготеет к спонтанной словесной реакции наиболее естественным образом) — из 40 взятых однотипных реплик большинство (28) представили реплики, завершающиеся "реактивным" отголоском[38]: *я всегда на переднем сиденье сижу* (в машине. — *Т.В.*), *да, Тань*!; *Петер* (игрушечный заяц. — *Т.В.*) *сейчас спать будет, правду*? (сохраняем употребленную ребенком форму, вместо "правда"). Ср. финальные *Да*?, *А*?, вопросительные призвуки, а также богатый набор кинем.

Таким образом, человек, совершая речевое действие, стремится к достижению и содержательного и собственно коммуникативного результата одновременно. Психолингвисты справедливо трактуют мышление, дающее импульс образованию смысла высказывания, как процесс, объективно не наблюдаемый. То же самое можно сказать о феномене интенции/реакции как психологической надстройке над мыслью. Специальный интерес к этим проблемам связан с понятием импликатуры. Упоминание же о них — в дополнение к изучению коммуникативных действий говорящего — имеет целью подчеркнуть возможность непосредственного наблюдения над ними лишь на отрезке осуществления мысли-интенции, получившем вербальный статус благодаря социальным свойствам этих категорий.

С того момента, как мы оказались перед фактом произнесенного (написанного) слова, мы вступили в стилистическую фазу интенций говорящего[39]. А это значит, что говорящий, оценив свою речь, оценил и себя как личность, способную выразить мысль данным способом[40], желающую это сделать и совершившую это. Выбранный им языковой знак выполнил роль о з н а ч а ю щ е г о такой категории как о т н о ш е н и е ч е л о в е к а к я з ы к у[41]. Оно и дало лингвостилистический показатель "крупного плана", который должен отразить следующий этап анализа. Это индивидуально-

дифференцированное речевое поведение в предлагаемых обстоятельствах, как конкретизирующее выражение коммуникативных сущностей (интенции и реакции), отвечающих деятельностной характеристике говорящей личности в целом.

---

[1] Ср. мнение Е.А. Кибрика, высказанное им в докладе "Говорящий и текст" 27.XI.86. в Институте языкознания АН СССР, об иллюзорности автономного существования текста по отношению к говорящему и слушающему, так как он хранится в их сознании. Ср. также: "Речь не может возникать посредством самозарождения, ее во всех случаях кто-то <...> "(*Винокур Г.О. Я* и *Ты* в лирике Баратынского: Рукопись // ЦГАЛИ, ф. 2163, оп. 1, ед. хр. 78, л. 1—2).

[2] "Если есть в личной жизни что-либо подлинно безыскусственное, не выносящее никакого самоанализа и рефлексии — то это именно стиль" (*Винокур Г.О.* Биография и культура. М., 1927. С. 50).

[3] См.: *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 11.

[4] Прибегнув к англоязычным формулировкам можно было бы, правда весьма приблизительно, выражить это содержание грамматическим противопоставлением временных значений who speaks и who is speaking. Но в английской лингвистике существует традиция его социально-характерологического использования. См.: *Halliday M.A.K.* Language as Social Semiotic. L., 1978. P. 178 и сл.

[5] См.: *Караулов Ю.Н.* Указ. соч. С. 211—212.

[6] *Волынский А.Л.* Достоевский. СПб., 1909. С. 331.

[7] Ср. мысль Е.А. Кибрика в цит. докладе о приоритетных свойствах говорящего, хотя "моделировать" нужно и говорящего и слушающего.

[8] См.: *Караулов Ю.Н.* Указ. соч. С. 19, 21.

[9] *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 94—95.

[10] Ср. дискуссии вокруг историко-генетических разысканий в области индивидуального стиля применительно к поэтическому языку, которые осознавались как "подмена поэзии поэтом" (слова Ю.Н. Тынянова). См.: *Чудаков А.П.* В.В. Виноградов и теория художественной речи начала XX в. // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 291—292.

[11] См.: *Бергельсон М.Б., Кибрик Е.А.* Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз. 1981. N 4. С. 254. Предметом внимания авторов является "естественный язык". Но, как кажется, не следует в этом случае ограничиваться представлением об устной спонтанной речи, потому что последовательность деятельностных этапов в формировании речевого акта иной и не может быть. Целесообразно лишь говорить о наборе рекуррентных операций, следствием которых явится данный вербальный облик высказывания.

[12] Ср. мнение Н.И. Жинкина: "Смысл возникает не только в лексемах. Он начинает формироваться еще до языка и речи <...> Образование смысла в речи, надо думать, происходит в особом механизме коммуникации" (*Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982. С. 84).

[13] См.: *Сёрль Дж., Вандевекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 243.

[14] См. четкую характеристику этих понятий в кн.: *Долинин К.А.* Интерпретация текста. М., 1985. С. 8—11.

[15] См.: *Фоллесдаль Д.* Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 144. Ср.: "Фундаментальный социолингвистический вопрос ставится уже самой необходимостью понять, почему человек сказал нечто" (*Лабов У.* Исследования языка в его социальном контексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1976. Вып. 7. С. 119). В глобальном смысле и в применении к личности поэта, творца этот вопрос был поставлен в кн.: *Винокур Г.* Биография и культура.

[16] Ср. с выделением в психологии ребенка "сущностно обусловленного" и "целеобусловленного" общения в аристотелевском понимании причинности. См.: *Бейтс Е.* Интенции, конвенции, символы // Психолингвистика. М., 1984. С. 51.

[17] *Вежбицка А.* Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 253.

[18] *Шпет Г.* Внутренняя форма слова. М., 1927. С. 130—131.

[19] *Delacroix H.* Le langage et la pensée. Paris, 1924. P. 409.

[20] См.: *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 251—269.

[21] Ср. оценку исполнительского момента в риторической речи В.В. Виноградовым как такой коммуникативной роли, в которой говорящий обязан не демонстрировать, а, наоборот, прятать свое актерство. См. об этом: *Караулов Ю.Н.* Указ. соч. С. 32.

[22] *Петров В.В.* Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 16.

[23] Ср.: "Делать доклад он шел, как на праздник. В этом для него было больше самовыражения, чем в написании статьи" (Д. Гранин. Зубр).

[24] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1912. Ч. 2. С. 243.

[25] *Gabelentz G.von der.* Die Sprachwissenschaft. Leipzig, 1981. P. 86.

[26] Ученые считают, что даже "автоматизированность разговорной речи не должна обманывать, потому что и такая речь несомненно предполагает активное отношение к средствам языка, как бы механически не совершался этот отбор на практике". См.: *Винокур Г.О.* О проблемах культуры речи // Рус. яз. в совет. шк. 1929. N 5. С. 86).

[27] О значении этого термина, лишенного сем "эстетически значимый, искусственный, специально придуманный" — см.: *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. С. 69—86.

[28] Вопрос о том, надо ли включать в описание языка фактор цели (т.е., следовательно, весь круг локутивно-иллокутивно-перлокутивных отношений), стилисту кажется праздным. Ср. замечание, сделанное еще в 1923 г.: "... структура данного высказывания — соотношением, сопоставлением, композицией своих элементов вскрывает стилистическое задание, обусловливающее все высказывание в целом. Вскрыть это задание поэтому можно не психологическим анализом, а только методом интерпретации, так сказать — методом "критики структуры pendant к филологической критике текста" (*Винокур Г.О.* Поэтика. Лингвистика. Социология (методологическая справка) // ЛЕФ. 1923. N 3. С. 108. Ср. положение Р. Пауэра, приведенное в ст.: *Демьянков В.З.* Теория речевых актов в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 227.

[29] См. об этом понятии: *Винокур Т.Г.* Указ. соч. С. 42—53.

[30] Ср. замечание Горнфельда: "Человек мыслит для себя даже тогда, когда мыслит ради других; но он мыслит всегда при помощи других". См.: *Горнфельд А.Г.* Муки слова. СПб., 1906. С. 19.

[31] *Гумилев Н.* Анатомия стихотворения // Дракон (альманах поэзии), М., 1921. С. 69.

[32] *Якобсон Р.* Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985. С. 319—320, 324, 377; "... Небезразлично <...> говорю ли я себе или другим" (*Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.; Л., 1934. С. 279).

[33] *Выготский Л.С.* Указ. соч.

[34] *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 4.

[35] См.: *Harris R.* The Speech-Communication Model in 20th century. Linguistics and its Sources // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists (Tokyo 1982). Tokyo, 1983. P. 865.

[36] *Гумилев Н.* Указ. соч. С. 69.

[37] См.: *Schorup L.C.* Common discourse particles in English conversation. N.Y.; L., 1985. P. VI.

[38] Не случайно подобная коммуникативная интенция может получать отражение в регулярных свойствах синтаксиса текста. Ср. так называемые "tag" questions (рефрены) в английском языке: The boat has left, *hasn't it*?; The boat left yesterday, *didn't it*?

[39] "Le style est de la nature verbale" (*Riffaterre M.* Vers la définition linguistique du style Review Article // Word. 1961. V. 17, N 3. P. 47.

[40] Имеется в виду так называемое "значение говорящего", т.е. значение высказывания в связи с причиной его употребления (см.: *Брунер Д.С.* Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. С. 23). Ср. вопрос, поставленный Д. Фоллесдалем (сн. 15).

[41] Ср. мысль Ю.С. Степанова о стилистике как "неявном уровне языка" и о том, что весь язык для стилистики служит планом выражения, тогда как планом содержания являются все оттенки значений, которые <...> выражают говорящего" (*Степанов Ю.С.* Семиотика. М., 1971. С. 94—95).

М.В. Ляпон

ОЦЕНОЧНАЯ СИТУАЦИЯ И СЛОВЕСНОЕ САМОМОДЕЛИРОВАНИЕ

Проблематика, связанная с понятием "оценка" и изучаемая, как известно, в рамках особой науки — аксиологии, "ставит любого исследователя, будь то логик, философ или лингвист, в ситуацию с двумя неизвестными: одним неизвестным является природа объекта оценки, другим — природа того свойства (или тех свойств), которые обозначаются оценочными предикатами"[1].

Для построения адекватной модели оценочной ситуации не менее острым и сложным представляется вопрос о главном герое оценочной ситуации — говорящем субъекте, который выступает в качестве производителя текста. Интерес к этому третьему герою стимулирован характерной для современной лингвистики атмосферой внимания к философии "Я" говорящего, которая "сменила две предшествующих — философию "имени" и философию "предиката" и поставила в фокус внимания человеческий фактор, "координату 'Я', рассматривая ее как необходимую основу для всего остального"[2].

В поисках лингвистической специфики понятия "оценка" я использую следующее рабочее определение: оценка есть вербализованный (отраженный, зарегистрированный в речевом акте) результат квалифицирующей деятельности сознания (1) или деятельности сенсорной (чувственной, эмотивной) сферы человеческой психики (2).

Для представления о мире говорящего — а именно о тех компонентах, из которых складывается субъективное состояние оценивания, можно воспользоваться следующим рассуждением Декарта: "Я — вещь мыслящая, то есть сомневающаяся, утверждающая, отрицающая, знающая, весьма немногое и многое не знающая, любящая, ненавидящая, желающая и нежелающая, представляющая и чувствующая. Ибо, как я заметил выше, хотя вещи, которые я ощущаю и представляю может быть, не существуют сами по себе и вне меня, я тем не менее уверен, что виды мышления, называемые мною чувствами и представлениями, поскольку они виды мышления, несомненно встречаются и пребывают во мне"[3]. В этом "метафизическом" рассуждении имплицирована идея целостности человеческой психики, созвучная современным концепциям "интеллектуальных чувств"[4]. Эта идея представляется ценной для определения того информативного вклада, который вносит производитель текста (оценивающий субъект) в акт оценки.

В комплексе признаков, относящихся к психологической сфере производителя текста — оценивающего субъекта — есть один существенный признак, который обычно остается вне поля зрения исследователей, интересующихся аксиологической проблематикой. Это — потребность в самооценке и способность к самооценке. Психологические секреты внутреннего процесса самооценки, по-видимому, скрываются в каких-то сложных закономерностях координации самоутверждения и самоосуждения. Те же два взаимосвязанных про-

цесса регулируют поведение говорящего субъекта и в тех случаях, когда в фокусе его внимания оказываются языковые средства, которыми он пользуется для оформления своих мыслей.

Замысел настоящей статьи возник из попыток осмыслить закономерности рефлектирующей деятельности субъекта в тех случаях, когда он выступает интерпретатором своего конкретного речевого поступка, своего словесного выбора, утверждает свои принципы пользования языком или синтезирует образ себя как носителя языка, производителя текста. Несколько иллюстраций:

Вы говорите, что написали что-то новое. Пришлите, я буду ужасно (женское слово) рада видеть Ваши стихи (Ахматова, Гумилев, 204); Станиславский был очень натуралистичен (я воспользуюсь этим модным термином), а Мейерхольд с его воображением был ... не знаю, как это выразить ... демоничен, что ли ... (Чехов, т. 2, 393); Почему я сказал "демоническое воображение"? Потому что во всем он прежде всего видел зло. Все наши слабости и прегрешения разрастались в его глазах до неимоверных размеров, и, режиссируя, он действовал как беспощадный ... психоаналитик. Вы понимаете, что я имею в виду? Очень трудно найти подходящее слово (там же, 394); Я жду Ваших книг, как грозы, которая — хочу или нет — разразится. Совсем как операция сердца (не метафора! каждое стихотворение (твое) врезается в сердце и режет его по-своему — хочу или нет). Не хотеть! (Дыхание лирики, 248). Первое в Вашем письме, что бросило меня на вершину радости (не — вознесло, не — привело), было слово "май"... (Там же, 247); Позвольте начать сразу с просьбы: заступитесь за меня перед Всеволодом Эмильевичем! Ведь выходит даже неприлично: Всеволод Эмильевич сам зовет меня к себе и уже не в первый и не во второй раз, а я все "нет". Это не "нет", а совсем, совсем другое слово — гораздо более сложное, тяжелое (для меня) и причиняющее страдание при его произношении. Помогите, Зинаида Николаевна, и скажите Всеволоду Эмильевичу, что... (Чехов, т. 1, 429); С тех пор, как друзья мои — хотя это слишком громко, я скажу лучше приятели — вовлекли меня в круг естественнонаучных интересов, в жизни моей образовалась широкая прогалина. Передо мной раскрылся выход в светлое деятельное поле (Мандельштам, Кузин, 128); Стихи Мандельштама — силы необычной. Значит, о них говорить нельзя. Их можно только произносить. Но к этому у меня добавляется еще и то, что его самого я любил, как редко еще кого в своей жизни. Именно — не восхищался им, не преклонялся (для этого есть его творчество), а в самом простом значении — любил (Там же, 134); Е.О. Волошина, рожденная — явно немецкая фамилия, которую сейчас забыла. Внешность — явно германского — говорю германского, а не немецкого — происхождения: Зигфрида, если бы прожил до старости, та внешность, о которой я в каких-то стихах:

— Длинноволосым я и прямоносым
Германцем славила богов (Цветаева, т. 2, 216);

Странно, что от Старого Пимена я получила первый урок легкомыслия — непривившегося... Я сказала: легкомыслия, хотя по содержанию нужно бы сказать: благоразумия (Там же, 61); Да, странные, демонические, безумные (не буквально, конечно, — я просто ищу подходящее слово), создания Мейерхольда были по-своему правдивы. Станиславский и Мейерхольд были олицетворениями двух противоположных крайностей. Но их творения были таковы, что вы постоянно чувствовали: эта правда — очень разная, но всегда правда (Чехов, т. 2, 396).

Приведенные случаи воспроизводят оценочную ситуацию эгоцентрического типа, в которой отражено типичное состояние субъекта — производителя текста, включающего оценочную ремарку — это состояние "блуждания" вокруг денотата в поисках формы, адекватной коммуникативному замыслу. В подобных условиях (они представляют собой частный случай более общего явления "метатекст в тексте"[5]) имплицирован оценочный предикат мнения — такого рода: 'Я выбираю данное слово, потому что считаю, что именно оно адекватно сущности обозначаемого'; либо 'я пользуюсь

данным словом, хотя сомневаюсь, что оно адекватно существу изображаемой картины мира'; либо: 'я нахожусь в состоянии поиска словесной формы, адекватной коммуникативной задаче' и т.п. Говорящий, как бы руководствуясь принципом: всякое определение, давая точный смысл, ограниченно, осложняет процесс номинации заполнением пространства между словом и вещью, между словом и словом, между словом и его потребителем.

В позиции объекта оценки — одна из 3-х сущностей семиотической триады: семантика — синтактика — прагматика.

Информативный материал для изучения проблемы самооценки в этом аспекте дают тексты, языковое оформление которых — результат высокого уровня языкового самосознания и самоконтроля личности-производителя, либо такие речевые произведения, авторы которых страдают потребностью вынести на обсуждение с адресатом принципы своего поведения в знаковой ситуации. Это те случаи, когда говорящий самим актом своего утверждения как "Я", присваивая в момент речи имя "Я" ... тем самым присваивает себе весь язык[6] и отзывается на этот акт присвоения рефлектирующей реакцией.

Идея присвоения, выдвигаемая Ю.С. Степановым как аргумент, мотивирующий замену термина "прагматика" термином "дектика", скрывает в себе проблему этики взаимоотношений между языком и его потребителем[7].

Итак, самооценка — это, во-первых, интерпретация производителем текста (говорящим "Я") своего поведения в знаковой ситуации, объяснение своего конкретного речевого поступка (информация представлена в ином ключе, как бы за скобками описываемого фрагмента действительности, так как проблема выбора словесной формы выступает как самостоятельный пункт в коммуникативной программе говорящего). Во-вторых (это второй аспект проблемы) — словесное самомоделирование.

Словесное самомоделирование — это создание языкового автопортрета. Такой автопортрет может быть полиинформативным, включающим многоаспектную характеристику индивидуального способа языкового осмысления картины мира, стратегии использования слова, или воссоздавать доминантный признак образа своего "Я" как языковой личности как бы в эскизном решении, затушевывающем подробности. Ср., например, приводимую ниже характеристику М. Цветаевой своего способа решения проблемы: смысл — адекватная форма его языкового воплощения.

Знаешь, я долго не понимала твоего письма о Крысолове, — дня два. Читаю — расплывается. (У нас разный словарь). Когда перестала его читать, оно выяснилось, проступило, встало. Самое меткое, мне кажется, о разнообразии поэтической ткани, отвлекающей от фабулы ... Да все верно, ни с чем я не спорю. И о том, что я как-то докрикиваюсь, доскакиваюсь, докатываюсь до *смысла*, который затем овладевает мною на целый ряд строк. Прыжок с разбегом. Об этом ты говорил? (Дыхание лирики, 267).

Моделирование своего языкового образа может осуществляться в противопоставлении себя и языковой личности другого психоло-

гического склада. Проиллюстрирую два способа введения нового слова в индивидуальный лексикон личности.

Одно из первых моих впечатлений о музее — закладка. *Слово* — закладка, вошедшее в нашу жизнь, как многие другие слова, и утвердившееся в ней самостоятельно, вне смыслового наполнения, либо с иносмысловым. Мама и Лёра шьют платья к закладке. Дедушка приедет на закладку из Карлсбада. Дай бог, чтобы в день закладки была хорошая погода. На закладке будет государь и обе государыни. В конце концов, кто-то из нас (не я, всегда отличавшаяся обратным любознательности, то есть абсолютным фатализмом): "Мама, а что такое закладка?" — "Будет молебен, потом государь положит под камень монету, и музей будет заложен". — "А зачем монету?" — "На счастье" (Цветаева, т. 2, 8—9).

Оценочные ситуации подобного типа интересны тем, что здесь вечная проблема семасиологии — немотивированность знака и вопрос о внутренней форме слова — представлена сквозь призму наивного сознания двух носителей языка, позиции которых принципиального различны: Первая позиция — фаталистическая: готовность воспринимающего словесный знак принять идею немотивированности; отсюда — полная субъективная удовлетворенность набором любых (случайных) контекстов, из которых ни один никак не подсказывает значения лексемы; вторая позиция — антифаталистическая: убежденность в том, что мотивация смысла всегда имеет место, что включение языкового знака в коммуникативный актив говорящего невозможно без знания его этимологической истории. Отсюда — стремление разглядеть реальную ситуацию, которая скрыта за звуковой оболочкой слова.

Как известно из методики обучения иностранному языку, тот и другой способ обогащения лексикона имеет свои резоны; но в данном случае производитель текста как будто утверждает свой — фаталистический принцип, оценивая второй путь как некоторую вульгаризацию.

Один из самых специфически человеческих и, может быть, самых действенных операторов оценки — принцип "люблю — не люблю", подсказывающий изнутри выбор тех или иных лексических средств, влияющий на выбор той или иной грамматической модели, на композиционный рисунок фразы, ее синтаксический строй, определяющий потребность в модальном корригировании (или отказ от такого корригирования), диктующий ту или иную стратегию воздействия на адресата и т.д. Совокупность прихотей и пристрастий отдельных индивидов может определить языковой образ целого поколения; в этом смысле принцип "люблю — не люблю" способен сформировать общественно значимый эталон, регулирующий оценку результатов словесного творчества[8].

Специфику оценки по принципу "люблю — не люблю" усматривают в том, что она обладает параметром субъективной истины, не нуждается в мотивировке и не пользуется понятием нормы[9]. Неоднозначная (контаминированная) природа этого принципа, его парадоксальный характер, дает основания для того, чтобы рассматривать "люблю — не люблю" как интеллектуальное чувство, вооруженное как бы двойной оптикой. Субъективное пристрастие,

например, к какому-то слову, обогащает пользователя языка трезвым знанием его смыслообразующих возможностей.

Борис, но одно: я не люблю моря... Его нельзя погладить (мокрое). На него нельзя молиться (страшное) ... Море — диктатура, Борис. Гора — божество. Гора разная... Гора дорастает до гётевского лба и, чтобы не смущать, превышает его. Гора с ручьями, с норами, с играми. Гора — это прежде всего мои ноги, Борис. Моя точная стоимость. Гора — большое тире, Борис, которое заполняется глубоким вздохом (Дыхание лирики, 247).

Эмотивное начало обогащает рациональное, стимулирует обостренное видение слова, т.е. активизирует способность полностью ощутить его образный и смысловой потенциал, использовать синтагматические возможности.

Установка на самомоделирование своего языкового образа может скрываться в комментарии, цель которого — не столько разъяснить индивидуальное словоупотребление или осмысление слова, сколько информировать о некоторой существенной для самооценки (для самоутверждения) черте психологического автопортрета:

В жизни я отродясь никого не боялась. Кроме двух людей: князя Сергея Михайловича Волконского... и Бальмонта. Боялась, боюсь, и счастлива, что боюсь. Что означает — *боюсь* — для такого свободного человека, как я?

Мое "боюсь" — страх не угадать, не повредить самой себе, упасть в глазах — высшего. Но что общего между кн. Волконским и Бальмонтом? Ничего, кроме моего страха. Страха, который есть — восхищение (Цветаева, т. 2, 316).

Интересно, что рефлектирующая ситуация типа цветаевской ("моё боюсь"...) не содержит никаких необоснованных притязаний, никакого произвола; это в конечном счете, оценка своей языковой интуиции, уловившей не фиксируемую словарями семантическую модификацию слова, существующую в сознании других носителей языка. Проблема самооценки языковой интуиции — особая тема, требующая специального обсуждения.

Высшая ступень языкового самосознания личности, — это, по-видимому, способность анализировать своеобразие своего речевого почерка, поиск мотивов, реально обусловивших те или иные принципы употребления языка. При воссоздании облика своего "Я — говорящего" рефлектирующая личность естественным образом обращается ко времени своего детства — к первым впечатлениям, связанным с языковым освоением картины мира. В автобиографической прозе М. Цветаева неоднократно останавливается на эпизодах, иллюстрирующих первое столкновение наивного детского сознания с проблемой "язык — действительность".

Приведу один отрывок, раскрывающий тайну пристрастия М. Цветаевой к тире. (Период овладения навыками чтения совпал с периодом знакомства с нотной азбукой и с записями текстов, предназначенных для пения,— романсов).

Нотная этажерка делилась на "мамино" и "Лёрино". Мамино: Бетховен, Шуман, опусы, Dur'ы, Moll'и, Сонаты, Симфонии, Allegro... и Лёрино... — Романсы (через французское an). И я, конечно, предпочитала "ансы". Во-первых, в них вдвое больше слов, чем нот (на одну нотную строчку — две буквенные), во-вторых, я всю Лёрину библиотеку могла прочесть подстрочно, минуя ноты. (Когда я потом, вынужденная необходимостью *своей* ритмики, стала разбивать, разрывать слова на слога путем

непривычного в стихах тире, и все меня за это, годами ругали, а редкие — хвалили (и те и другие за "современность") и я ничего не умела сказать, кроме: "так нужно", — я вдруг однажды глазами увидела те, младенчества своего, *романсные тексты* в сплошных законных тире — и почувствовала себя омытой: всей Музыкой от всякой "современности": омытой, поддержанной, подтвержденной и узаконенной...

Но, может быть, прав и Бальмонт, укоризненно-восхищенно говоря мне: "Ты требуешь от стихов того, что может дать — только музыка!"). Романсы были те же книги, только с нотами. Под видом нот — книги. Только жаль, что такие короткие. Распахнешь — и конец (Там же, 107—108).

Аргументами, подтверждающими тот факт, что данный признак (пристрастие к тире) следует считать доминантным (может быть даже — ключевым), раскрывающим своеобразие данного пользователя языка, — является следующее:

1) тире — неотъемлемый атрибут цветаевских текстов различного функционального качества (стихи, проза, письма);

2) М. Цветаева признает эту черту своей в специфическом смысле, т.е. вошедшей в историю ее внутренней жизни[10]; она осознает ее неслучайность и отстаивает как один из принципов своего членения и формирования синтагмы, принципа, координирующего с другими составляющими индивидуального способа языкового осмысления картины мира;

3) М. Цветаева утверждает реальную обусловленность этой черты и вскрывает ее глубокие корни. Принцип самооценки, демонстрируемый М. Цветаевой, привлекателен реалистичностью позиции: стремлением осмыслить закономерности "генетического кода" себя как "личности — потребителя языка", поставить в фокус внимания то, что Б. Пастернак, определяя сущность реалистического метода осмысления действительности, называл "глубиной биографического отпечатка"[11].

Информативность автобиографических ситуаций подобного рода заключается в том, что они подсказывают ответ на один из сложных и спорных вопросов человековедения: как биографический отпечаток формирует языковую оригинальность индивида, неординарность конкретной языковой личности[12], и почему глубина этого биографического отпечатка остается мерой (критерием) подлинного реализма (если говорить о реализме как о способе воспроизведения картины мира конкретным субъектом, потребителем языка и производителем конкретных текстов).

Образ тире у М. Цветаевой — это не только пауза, "заполняемая глубоким вздохом"[13] Очень часто цветаевское тире — это отказ от вербализации в тех случаях, когда автор боится неадекватности, это уход от искажающей однозначности, скрывающей убежденность в том, что всякое определение, давая точный смысл, ограниченно ; это ощущение реальности смысловых пустот, всегда остающихся между словом — и словом, между словом — и вещью, между словом — и пользователем языка; это, может быть, уважение к адресату, которому не нужна разжеванная однозначная истина; это, наконец, утверждение поискового (блуждающего вокруг денотата) способа языкового осмысления и отражения мира.

Самооценка, если она реализуется в виде самоутверждения, всегда

так или иначе есть потребность творчески осмыслить, оригинально модифицировать закономерности функционирования языка, существующего в 3-х измерениях (семантика — синтактика — прагматика). В сфере синтактики это может быть, например, попытка модифицировать привычные, стабильные правила формирования синтагмы, нарушить грамматические нормы соположения ее членов. Обратимся к примерам:

Правда, и Маяковский и Мейерхольд закрывают глаза на некоторые ... недостатки. На некоторую грубоватость, граничащую с пошлостью, *за, порой, вульгарные отсебятины* (Ильинский, 125); Мать была в нем, он умирал с нею внутри, как *с, внутри, собственным сердцем* (Цветаева, т. 2, 64); Вот ее изустный рассказ: — Стою на лесенке в зале и белю потолок — я очень любила белить сама — чтобы не замазаться, *в похуже — штанах,* конечно, и *в похуже — рубашке.* Звонок. Кого-то вводят... (Там же, 218); Понятен теперь возглас Павлика?

Знай, что готов я на любой костер взойти,
Лишь только бы мне знать, что будут на меня глядеть —
Твои глаза...

Мое же, скромное: Глаза карие, цвета конского каштана, с чем-то золотым на дне, темно-карие *с — на дне — янтарем;* не балтийским: восточным: красным. Почти черным, *с — на дне — красным золотом,* которое временами всплывало; янтарь — растапливался: глаза *с — на дне — топленым,* потопленным янтарем (Цветаева, 177).

Приведенные случаи иллюстрируют нарушение грамматического правила: предлог должен быть в непосредственном позиционном контакте с падежной словоформой, которой он управляет (*за вульгарные отсебятины; с собственным сердцем; в рубашке; с янтарем* и т.п.). За языковой формой, в которой преподносится адресату информация о фрагменте действительности, ясно просматривается установка говорящего на пересмотр привычных, нормальных представлений о структуре синтагмы. Насильственный разрыв членов синтагмы образует специальный пункт коммуникативной программы: синтагма разрывается в такой точке, где вставка не может остаться незамеченной.

Вставка вынесена в сильную, как бы надстрочную позицию (это может подчеркиваться пунктуационным средством); такое выделение способствует функциональному сближению наблюдаемых фактов с таким оформлением оценки, когда субъективный (гетерогенный) характер квалификации прямо отражен в семантике вводно-модальной единицы специального метаязыкового назначения:

Сильный драматизм, смелые дерзания, блеск и темпераментность музыки Скрябина ... никак не вяжутся *с его, если можно так сказать, лирически-теноровой внешностью* (Пресман, 170); Диалоги и монологи опер, игранных мною, все-таки были написаны в известной степени по "старооперному", а Сальери целиком приходилось вести *в, так сказать, мелодическом речитативе* (Шаляпин, 200).

Разъединение членов синтагмы (в нормальных условиях находящихся в контактной позиции) может иметь целью дать копию фрагмента действительности, создать у адресата иллюзию изображаемого в динамике (как бы кадр за кадром). Комментирующая ремарка заполняет паузу, которая физически прерывает речь говорящего в изображаемой ситуации:

Вы — Мише ведь? [обращение к пишущему письмо. — *М.Л.*]. Напишите, чтобы и папку мою, — он укусил тартинку и продолжал, глотая и жуя, — послали (Пастернак, 55).

"Надстрочная" вставка может работать одновременно на две коммуникативные программы: 1) называть дополнительный признак характеризуемого объекта, 2) содержать аппеляцию к адресату, т.е. актуализировать скрытый элемент оценочной ситуации:

Вот и узелок со всякой дрянью, вот и корзина, вот и денежки шелестят приятно *от срочно проданного высокого* (*знаешь, такой глиняный, расписной*) *горшка* (Зощенко, 221).

Подобные способы синтагматического оформления высказывания (если они зафиксированы в разговорной речи или в тексте пи́сьма) могут быть осмыслены как корригирующая реакция с запозданием (не предусмотренная коммуникативным замыслом).

Эксперименты в синтагматической сфере языка, продиктованные сознательным намерением субъекта оригинально модифицировать правила членения и комбинирования составляющих фразы, конечно, могут привести к тому, что фраза предстает как бы механически "составленной из кубиков", которые можно передвигать в разные места для воссоздания одной и той же картины[14]. Вместе с тем изучение проблемы самоутверждения через синтагматику привлекательно и для выявления оценочного потенциала этой сферы, и для уточнения структуры оценочного акта.

* * *

Проблема оценки, даже если она решается с позиций узколингвистических, остается одной из ключевых проблем человековедения. За этим тезисом стоит убежденность в том, что адекватная постановка проблемы оценки ставит исследователя в ситуацию с тремя неизвестными: 1) объект оценки; 2) оценочное средство; 3) оценивающий субъект.

Объяснительная сила оценочной ситуации эгоцентрического типа состоит в том, что она иллюстрирует модель оценочного акта оптимальным образом, т.е. дает представление об элементарной оценочной ситуации с необходимым минимумом составляющих, каждое из которых находится в сильной позиции. Открывается возможность воспользоваться аналогией между процессом оценивания и творческим актом вообще. Эта аналогия не только расширяет диапазон проблемы, но и обогащает методику поиска ответа на вопрос, "кто из троих и в чью пользу проявляет себя всего деятельнее... исполнитель, исполнение или предмет исполнения" (Пастернак, т. 2, 20—21).

Отношение субъект-адресат приобретает особый ракурс, если поставить вопрос о степени включенности того и другого в процесс словесной обработки картины мира. Для разъяснения своей мысли воспользуюсь следующим высказыванием М. Цветаевой о Б. Пастернаке: "Над пастернаковской строкой густейшая и тройная аура — пастернаковских, читательских и самой вещи — возможностей... Чтение Пастернака надстрочное, — параллельное и перпендикулярное. Меньше читаешь, чем глядишь (думаешь, идешь) от... можно сказать, что Пастернака читатель пишет сам" (Цветаева, т. 2, 413). В этой мысли М. Цветаевой поставлен один из интригующих вопросов

о принципах координации 3-х программ: 1) субъективной программы производителя текста; 2) программы "объект" (картина мира, которую он означивает) и 3) программы воспринимающего текст (адресата). Проблема координации этих программ — одна из ключевых задач теории оценки.

В рамках типологии оценочных ситуаций, если такая типология строится на основе сравнения функций ее составляющих, пастернаковский тип оценочной ситуации может быть охарактеризован такими признаками: 1) информация о субъективных ощущениях субъекта (производителя текста) редуцирована; 2) в фокусе внимания — вещь, предмет (объект оценки); 3) воображение адресата, дорисовывающего картину мира, домысливающего изображаемую ситуацию — в состоянии максимальной творческой активности. Сущность антипастернаковского типа оценочной ситуации (гипертрофия эгоцентризма, сдвиг в сторону субъекта в ущерб объекту) в лаконичной и образной форме выражена О. Мандельштамом в его рецензии на книгу А. Белого "Записки чудака": "Книга хочет поведать о каких-то огромных событиях душевной жизни [зона субъекта], а вовсе не рассказать о путешествии [объект]. Получается приблизительно такая картина: Человек, переходя улицу, расшибся о фонарь и написал целую книгу о том, как у него искры посыпались из глаз" (Мандельштам, 255).

Исследование типов оценочных ситуаций и их модификаций методологически значимо для поиска сущности оценочного акта. Анализ структуры оценочной ситуации эгоцентрического типа, в рамках которой субъект, объект, оценочное средство расчленены и занимают сильную позицию, стратегически облегчает разработку сложного вопроса об оценочных критериях: черно-белая логика, принцип "плюс/минус" (оценка типа "хорошо/плохо") или шире, т.е. принимая во внимание фиксируемые языком разные виды логической и сенсорной реакции на действительность?

---

[1] *Арутюнова Н.Д.* Об объекте общей оценки // ВЯ. 1985. N 3. С. 13.

[2] *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. М., 1985. С. 217.

[3] *Декарт Р.* Метафизические размышления // Избр. произведения. М., 1980. С. 352.

[4] Ср. дискутируемый в современной психологии мышления вопрос о содержании интеллектуальных состояний, обозначаемых такими словами как *надежда, опасение, подозрение, сомнение, любопытство, уверенность, разочарование* и т.п. (*Клапаред Э.* Чувства и эмоции // Психология эмоций. М., 1984).

[5] Термин А. Вежбицкой (см.: *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. с. 413); см. также: *Ляпон М.В.* Смысловая структура сложного предложения и текст: (К типологии внутритекстовых отношений). М., 1985 (гл. 2. Реляционно-оценочные и метаязыковые свойства вводных компонентов текста).

[6] *Степанов Ю.С.* Указ. соч. С. 224.

[7] Иллюстрацией тезиса о том, что такая этика существует, может служить, например, характеристика, данная О. Мандельштамом Андрею Белому (его принципу пользования языком): "Андрей Белый, например, — болезненное и отрицательное явление в жизни русского языка только потому, что он нещадно и бесцеремонно гоняет слово, сообразуясь исключительно с темпераментом своего спекулятивного мышления. Захлебываясь в изощренном многословии, он не может пожертвовать ни одним оттенком, ни одним изломом своей капризной мысли и взрывает мосты, по которым ему лень пройти. В результате, после мгновенного фейерверка, — куча щебня, унылая картина разрушения, вместо полноты жизни, органической целости и деятельного равновесия. Основной

грех писателей вроде Андрея Белого — неуважение к эллинистической природе слова, беспощадная эксплуатация его для своих интуитивных целей" (Мандельштам, 59).

[8] За принципом "люблю — не люблю" стоит понятие вкуса, объяснительная сила которого очень точно определена в следующих словах О. Мандельштама: "Литературные школы живут не идеями, а вкусами; принести с собой целый ворох новых идей, но не принести новых вкусов значит не сделать новой школы, а лишь основать поэтику. Наоборот, можно создать школу одними только вкусами, без всяких идей. Говорят, вера движет горы, и я скажу, в применении к поэзии: горами движет вкус. Благодаря тому, что в России, в начале столетия, возник новый вкус, такие громады, как Рабле, Шекспир, Расин, снялись с места и двинулись к нам в гости" (Мандельштам, 67).

[9] "Высказывания сенсорной оценки в своих основных (исходных) формах не имеют выраженного модуса. Их не может вводить пропозициональная установка мнения. Не говорят* *Я думаю* (*считаю*), *что мне хорошо спалось* (*что я вкусно поел*). Такие предложения не может вводить и предикат знания, поскольку в области ощущений нет противопоставления знания незнанию. *Я знаю* (*не знаю*), *что вкусно ем*" (*Арутюнова Н.Д.* Об объекте общей оценки // ВЯ. 1985. N 3. С. 16).

[10] "В каком-то очень широком смысле все переживаемое человеком, все психическое содержание его жизни входит в состав личности. Но в более специфическом смысле своим, относящимся к его Я, человек признает не все, что отразилось в его психике, а только то, что было им пережито в специфическом смысле этого слова, войдя в историю его внутренней жизни" (*Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Цит. по: Психология личности: Тексты. М., 1982. С. 129).

[11] Приводимое ниже рассуждение Б. Пастернака о сущности реализма и об оригинальности индивида как орудии познания общих закономерностей представляется методологически значимым не только для искусствоведения, но и для решения спорных вопросов, связанных с изучением человеческого фактора в языке: "Что делает художника реалистом, что его создает? Ранняя впечатлительность в детстве, думается нам, — и своевременная добросовестность в зрелости. Именно эти две силы сажают его за работу, романтическому художнику неведомую и для него необязательную. Его собственные воспоминания гонят его в область технических открытий, необходимых для их воспроизведения. Художественный реализм, как нам кажется, есть глубина биографического отпечатка, ставшего главной движущей силой художника и толкающего его на новаторство и оригинальность" (Пастернак, т. 2, 302).

[12] "... каждый человек для выражения даже простейших личностных (хотя и социально детерминированных, но индивидуально переживаемых) интенциональностей, таких, как, скажем, досада, возмущение, подобострастие, удивление, всегда находит собственные, неординарные средства и способы. Потому человек и выступает как творец языка практически в каждый момент построения высказываний..." (*Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 240).

[13] Ср. письмо к Б. Пастернаку, цитируемое выше. В связи с идеей об эмоциональном характере этого знака интересно следующее рассуждение Л. Гинзбург: «Л.В. Щерба рассказал, что Бодуэн де Куртене вычеркивал в работах своих учеников тире, которое он называл "дамским знаком". Вслед за Бодуэном Щерба полагает, что тире, равно как и подчеркивания (в печати курсив), попало в литературу из эмоциональных форм: письма, дневника. "Сейчас письма не пишут, а прежде писали много, особенно женщины, — и многие очень хорошо писали". Он усматривает в употреблении тире и курсивов признак нелогичности или лености пишущего, который пользуется не прямыми, а добавочными средствами выражения мысли.

Я очень огорчилась: при моей орфографической нечувствительности тире было единственным знаком, кое-что говорившим моему уму и сердцу. Неужели у меня "дамская психология"!!

Корн. Ив. Чуковский дал мне как-то менее уничижительное толкование этому пристрастию: "Тире — знак нервный, знак девятнадцатого века. Невозможно вообразить прозу восемнадцатого века, изобилующую тире"» (Гинзбург, 156).

[14] От такого механического понимания синтагматических возможностей русской фразы предостерегал В.В. Виноградов (*Виноградов В.В.* Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // Виноградов В.В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 148).

ИСТОЧНИКИ

Ахматова А., Гумилев Н. Стихи и письма // Новый мир. 1986. N 9.

Гинзбург Л. Литература в поисках реальности. Л., 1987.

Дыхание лирики: Из переписки Р.-М. Рильке, М. Цветаевой и Б. Пастернака в 1926 году // Дружба народов. 1987. N 7.

Зощенко М. Из писем и дневниковых записей (1917—1921 гг.) // Новый мир. 1984. N 11.

Ильинский И. Сам о себе. М., 1961.

Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987.

Мандельштам О.Э., Кузин Б.С. Материалы из архивов // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1987. N 3.

Пастернак Б. Воздушные пути. М., 1982.

Пастернак Б. Избранное. В 2-х т. М., 1985.

Пресман М.Л. Уголок музыкальной Москвы восьмидесятых годов // Воспоминания о Рахманинове. М., 1974. Т. 1.

Цветаева М. Повесть о Сонечке // Новый мир. 1976. N 3.

Цветаева М. Сочинения. В 2-х т. М., 1984.

Чехов М. Литературное наследие. В 2-х т. М., 1986.

Шаляпин Ф. Страницы из моей жизни. Киев, 1956.

С.Е. Никитина

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Начнем с вопроса: создает ли рожденное В.В. Виноградовым, почившее в эпоху "бесчеловечной" лингвистики и воскресшее ныне понятие языковой личности новую проблематику в лингвистике или только переформулирует старую? Книга Ю.Н. Караулова[1] заставляет, пожалуй, утвердительно ответить на первую часть предложенной альтернативы. А может быть, такая постановка вопроса не совсем правомерна, и надо говорить о том, как переструктурируется, переакцентируется множество уже известных проблем, соединенных в единое целое понятием языковой личности?

Как известно из психологии, главным признаком личности является наличие сознания и самосознания. Тогда главным признаком языковой личности является наличие языкового сознания и языкового самосознания.

Понятие языкового сознания весьма неопределенно. Его сближают с такими понятиями как языковая картина мира, стратегия и тактика речевого поведения. В любом случае языковое сознание реализуется в речевом поведении. Поэтому, говоря о языковом сознании личности, мы должны иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности. Одним из способов представления языкового сознания является тезаурус.

В выборе языковых средств и в процессах понимания текста участвуют как бессознательные механизмы, так и осознанные действия[2]. Граница между осознанным и неосознанным индивидуальна и ситуативно обусловлена. Личность, как правило, осознает лишь небольшую часть своего языкового поведения.

Будем употреблять термины "осознание" и "самосознание" как синонимы. Действительно, осознание своего языкового поведения и есть самосознание. Правда, осознавать можно не только свое, но и чужое языковое поведение (например, оценивать). Однако и в том и в другом случае мы подразумеваем способность квалифицировать и интерпретировать элементы языкового сознания. Заметим, что этим же занимается лингвистика, содержанием которой является научное осознание и описание языкового сознания. Языковое же самосознание рядовых носителей языка получило название "народного языкознания"[3].

Языковое самосознание можно считать частью языкового сознания, его верхним автономным слоем. Если объектом языкового сознания является весь универсум, то объектом языкового самосознания является язык в целом и его отдельные элементы, языковое поведение и его продукт — тексты. Как мы уже отметили, языковое сознание реализуется в вербальном поведении. Способы же реализации языкового самосознания могут быть разными — вербальными и невербальными. Именно в первом случае мы говорим о метаязыковой функции языка. Однако осознание может выражаться и невербальными способами. Так, определенные языковые выражения люди квалифицируют как ругательства и реагируют на них поведением, далеко не всегда вербальным (например, брезгливым или возмущенным взглядом, жестом и т.д.).

Языковое самосознание является частью культурного самосознания. Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы. Достаточно напомнить, что в переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания. Существенно также, что осознание элементов языка или языковой структуры текстов совершается теми средствами и идет по тем путям, которые предоставляет личности культура.

Обратимся теперь к рассмотрению вопросов, связанных с языковой личностью в русской народной культуре. Мы будем говорить о личности в традиционной крестьянской культуре и укажем такие ее свойства, которые отложились в языке, сказались на ее речевом поведении, т.е. проявились в языковом сознании и самосознании. Главное — это невыделенность личности из социума, обусловленная прежде всего традиционным образом жизни, т.е. воспроизведением опыта предшествующих поколений без существенных изменений, одинаковостью занятий, подчинением миру — общине, регламентировавшей практически все проявления личной жизни, коллективными производственными и этическими традициями. Деревня могла ощущать себя единым целым, происходящим от одного родоначальника. Об этом часто говорят названия деревень. Так, старообряд-

ческие поселения в Верхокамье сплошь носят производные названия от собственных мужских имен (форманты *онки/енки, ата/ята, ы*): Степанёнки, Абрамёнки, Евтёнки, Киршонки, Абросята, Нифонята, Андронята, Трошата, Егоры́, Макары́, Сидоры́. Замечательно, что эта древняя патронимическая идея отражается не только в названиях, но и в синтаксических оборотах, их включающих: — Где была? — У Карпушат. — Куда сходила? — К Евтёнкам).

Глубокую зависимость личности от социума создавали, сохраняли и укрепляли коллективные представления и коллективные тексты, их выражающие. Коллективные тексты участвовали в организации жизненного и годового циклов, давали людям веками отработанные формы и способы регулирования поведения человека во время тяжелых эмоциональных потрясений (например, похоронные плачи). Коллективные фольклорные тексты были достоянием каждого члена традиционного социума. В особом взаимоотношении человека и текстов в народной культуре кроется существенное отличие традиционного крестьянина от современного горожанина. На языковом уровне это проявляется в специфическом взаимодействии в языковом сознании и речевом поведении двух стилей, или языков — диалекта (соответственно, диалектной речи) и языка фольклора (соответственно, фольклорных текстов). Горожанин, не писатель и не поэт, знающий художественную литературу, сознательно отделяет свою речь от авторских художественных текстов. Цитируя — точно или приблизительно, трансформируя первоначальный текст художественного произведения, он осознает грань между своим (бытовым или даже художественным) и чужим авторским текстом.

Носители народной культуры этой грани так резко не ощущают, и перетекание фольклорной речи в бытовую и обратно — естественное явление. Особенно это касается малых жанров — пословиц и поговорок, которые по природе своей — ничьи и являются достоянием всего общества (не только носителей традиционного фольклора). Фольклорные произведения — песни, сказки, былины — также ничьи и одновременно принадлежат всем, кто их исполняет и является сотворцом. Эти произведения — творения одного удивительного автора, чьи бесчисленные произведения существуют в бесконечном количестве вариантов и множестве диалектных разновидностей. Этот автор — коллективная языковая личность, фольклорный социум, субъект, творящий свое мироздание, свою эстетику, свою аксиологию, свой поэтический язык и свои коллективные культурные тексты. Последнее обстоятельство — производство коллективных текстов, коллективное авторство представляется нам весьма существенным. Этот признак отделяет коллективную языковую личность от языкового коллектива. Языковой коллектив — таким, например, является деревенский социум — объединен общностью диалекта и ценностной картины мира, запечатленной в общем тезаурусе. Однако существенный признак коллективной языковой личности — производство общих текстов — присутствует здесь спорадически. Так, всем "миром" деревня может сочинять письма, жалобы, соборные постановления (у старообрядцев). Бытовые же тексты, как правило, индивидуальны.

Можно предположить, что во времена складывания основных традиционных фольклорных жанров фольклорная коллективная языковая личность и бытовой языковой коллектив по мироощущению, системе ценностей, а также по языку были близки друг другу (как известно, язык русского фольклора хранит множество древнерусских элементов на всех уровнях). Это значит, что близки были и тезаурусы, содержащие регулярные семантические связи между словами и понятиями, посредством которых фиксировалась языковая "картина мира", т.е. существенная часть языкового сознания. Время, изменения в укладе, натиск цивилизации неуклонно разводили их. Разрушалась община, "мир", переставал быть непререкаемым судьей, менялся лексикон крестьянина и даже его синтаксис.

Фольклор реагировал на это возникновнием новых форм (например, частушек, где диалект и фольклорный язык образуют своеобразную смесь или привлечением в фольклорный обиход городского романса, в котором ценностная картина мира и стилистика иные, чем в традиционном фольклоре). Происходили изменения в соответствующих тезаурусах.

Глубинная связь между двумя тезаурусами — бытовым и фольклорным — осуществлялась и осуществляется в тех представителях народной культуры, которые владеют фольклорным богатством. Думается, что одной из главных задач в исследовании языкового сознания в народной культуре является параллельное составление словарей тезаурусного типа как отдельной личности[4], так и целого сообщества (деревни, например), как для говора, так и для языка фольклора.

Как известно, народная культура — преимущественно устная. Тезаурусы фольклорной и бытовой речи относятся к сфере устной коммуникации. Но издавна существовал стиль, реализовавшийся в письменной форме, которым однако, владели и грамотные и неграмотные — это эпистолярный стиль. Деревенские письма — любимая тема в русской литературе, но кто из лингвистов изучал их как определенный стилистический пласт в народной культуре?

Кроме того, существует такой тип народной культуры, где письменный книжный язык и соответствующие тексты являются для этой культуры, наряду с устными, ее полноправными формами. Это культура русского старообрядчества, более трех веков культивировавшего старую книгу.

Традиционные книжные христианские тексты, жившие в народной среде, формировали стиль мышления старообрядца, обусловливали выбор языковых средств для выражения определенного круга идей. К бытовому и фольклорному тезаурусам присоединялся еще и тезаурус книжной письменной культуры. Одно и то же слово в разных тезаурусах попадает в разные семантические поля. Так, слово *корабль* в бытовом языке попадает в поле средств передвижения и связано прежде всего со словами *лодка, пароход, море, океан* и т.д. В языке фольклора слово *корабль* связывается прежде всего со свадебной темой и такими словами, как *невеста, корабельщики,*

перевоз, матушка и т.д., в книжной культуре и духовных стихах корабль выступает прежде всего как символ церкви.

Книжная форма культуры определяла во многом речевое поведение личности. Люди, грамотные "по-церковному", т.е. знающие церковнославянский язык, могут в разговоре легко переходить от бытового диалектного языка в церковнославянскому, перемежая просторечие цитатами из поучений отцов церкви, т.е. обращаясь к процедентным текстам. Письменные тексты старообрядцев — полемические сочинения, описания истории своего согласия, соборные постановления — ориентированы на книжные образцы, однако обильно включают и элементы диалектной речи[5]. Большой интерес представляют тексты старообрядческих писем: здесь смешение книжного стиля и разговорного языка особенно очевидно, например, *Поздравляем с прошедшим праздником Пасхой Христовой и купно поздравляем вас всех праздником весны 1-ым Маем*[6]. Стиль писем определяется интенциями отправителя и представлением об адресате. Так, в письмах, направленных сотрудникам Археографической группы МГУ, людям, знающим церковнославянскую грамоту и книги и все-таки "чужим" по культуре, стиль, особенно в начале письма, может быть торжественно-дидактическим: *Благодарственно воздаем богу, и оттого нам бывает веселее, ибо мы так научены родителями и традиции их неизменно хочется соблюсти. Жалких и дорогих девочек* приглашают отдохнуть от *многосуетного московского мятежа.* Но при самом ярко выраженном в тексте чувстве собственного достоинства письма обычно кончаются этикетной уничижительной формулой: *не осудите меня грешную за письмо мое маломольное.*

До сих пор мы говорили о проблеме языкового сознания в народной культуре. Остановимся теперь на вопросах, связанных с самосознанием.

Народное языкознание стало предметом самостоятельного исследования около двух десятилетий назад. Количество публикаций на эту тему за рубежом растет[7]. В отечественных же лингвистических исследованиях сведения о народном языковом самосознании, как правило, являются лишь сопутствующей информацией. Между тем в народной культуре существует своя система взглядов на речевое поведение, объединяющее народное языкознание и народную фольклористику ("народная филология"), которая находит свое выражение в метаязыке ("народная терминология") и метатекстах — как индивидуальных, так и коллективных (вспомним пословицы о языке). Мы остановимся здесь на метатекстах.

Как мы уже отметили, языковое самосознание заключается в способности интерпретировать и квалифицировать элементы языкового сознания. Интерпретация состоит в изложении понимания текста или языковых единиц. Квалификация — в указании на их функции, значимость. Частным видом квалификации является оценка. В народной лингвистике оценочные высказывания являются наиболее распространенными.

Примером интерпретации языковых единиц являются многочисленные образцы народной этимологии. Примером квалификации — рас-

суждения о правильности/неправильности языковых выражений или форм. Так, услышав от своего отца форму *выспау* (перфект от *выспаться*), его сын, обращаясь к диалектологам, сказал: *Конечно, что с него взять, он в старом виде это говорит, а мы с вами, как люди культурные, скажем* **выспамшись.** Оценочные высказывания такого типа особенно часты в ситуации столкновения двух культур.

Когда объектом осознания являются традиционные культурные тексты (фольклорные и книжные), то это осознание выражается в метатекстах, которые тоже можно разделить на тексты-интерпретации и тексты-квалификации. Объектом текстов-интерпретаций является содержание каких-либо культурных текстов. Объектом текстов-квалификаций является сам текст — его структура и функции. Тексты-квалификации могут указывать на структурное членение фольклорного текста, на статус его частей: *А заключительное слово колдун про себя сказал, его нам знать не должно* (из рассказов о заговорах, записанных в экспедициях). Тексты-квалификации указывают на функции фольклорных текстов в обряде, их локальную и временную приуроченность, например, *Эта песня обидная, ее поют, чтобы у невесты слезу вышибить, эту песную поют, когда невесту из-за столя выводят* и т.п.

Тексты-интерпретации отражают понимание культурного текста на самых различных уровнях, начиная с грамматического. Иногда неверное понимание на уровне грамматики дает толчок к изменению всей структуры текста. Ю.М. Соколов[8], исследуя текст духовного стиха "Разговор царевича Иоасафа с пустыней", показал, что первоначальный текст был не диалогом, а монологом Иоасафа, прославляющего пустыню. Но слова строфы *придет весна... тогда я выйду навеселюся* были интерпретированы народными исполнителями как намерения Иоасафа выйти из пустыни, хотя имелось в виду *выйти в пустыню* (был найден текст, который это подтверждал), в результате чего возник диалог, где слова *Ты из пустыни выйдешь, меня, мати прекрасную, покинешь* были отданы пустыне, убеждающей Иосафа, что он не сможет прожить в ней.

Многочисленные тексты-интерпретации возникают при разрушении фольклорных текстов. Пересказы былин, стихов являются текстами, где перемешаны индивидуальные и коллективные интерпретации. Конечно, почти во всех текстах-интерпретациях есть элементы квалификации, но квалификация (главным образом, оценка) относится, как правило, не к структуре текста, а к элементам содержания.

Существует интересная разновидность интерпретации и оценки текстов, которую можно назвать народной герменевтикой. Она развита в старообрядческой среде и состоит в устном изложении книжных христианских текстов. В перерыве соборной службы или после воскресного молитвенного общения грамотная уставщица читает "душеполезные" тексты, главным образом, жития святых и иноков или поучения отцов церкви. Считается, что текст с церковнославянского языка переводится на русский. На самом деле, перевода как такового практически нет: есть интерпретация (толкование) текста и оценка лиц и событий в нем. В процессе толкования выясня-

ется, что самому толкователю непонятно в тексте (в смысле языка, внеязыковых реалий или рассуждений), что ему представляется необходимым объяснить слушателям, какого типа мысли и чувства он старается у них вызвать и какими способами он этого достигает или пытается достичь. Так, жительница старообрядческого уральского села при чтении "Жития Кирика и Улиты" ставила перед собой задачу обратить внимание слушателей на абсолютную внутреннюю невозможность для героев лгать и на их стойкость и бесстрашие. Это достигалось введением в интерпретацию текста эмотивных оценок и сравнениями достоинств героев с душевными качествами присутствующих. Чтение обнаружило также неверный перевод слов (*язык плотян* перевела как *язык плотный*), незнание некоторых реалий (*вепрь — что такое?*), неясное представление о поле Афродиты и Аполлона (*богов хулили християны — Афродиту, Аполлону*). Ниже приводятся отрывки текста Жития (так, как он звучал в магнитофонной записи, т.е. с возможными ошибками) и их интерпретация: ...И приведоша святую Улиту пред Мучителя и рече царь-мучитель: Какого бы еси роду? — *Какого, грит, ты роду, кто такая есь? Давай, сказывай, говорит, что за человек.* — Аз есмь Улита, от Икония — града. *Я, грит, Улита меня звать, из такого-то места.* — И бежах от тебя, а ныне есть в твоих руках. — *Я, грит, бежала из такого-то места, а ныне, грит, все равно в твои руки попала, все равно не могла скрыться.* (*Она ему всю правду говорит, врать не соврет. Мы бы да вздумали скривить душою, чтобы неправда была — она уже нет*). В процессе чтения давались толкования отдельным словам: — Принесоша же слуги котел широтою двунадесяти локтей. — *Вот какой котел принесли — двенадцати локтей! Локоть — ведь это аршин называется. Теперь нету аршин, теперь метр.*

Исследование народного речевого самосознания, направленного на культурные тексты, неминуемо выводит нас в область народной этики, эстетики, философии, связывая лингвистическую проблематику с целым рядом культурологических вопросов.

---

[1] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

[2] *Якобсон Р.* К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978.

[3] *Hoenigswald H.M.* A proposal for the study of folk-linguistics // Sociolinguistics. The Hague; P., 1966.

[4] См.: *Тимофеев В.П.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.

[5] См.: Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 247—265.

[6] Примеры взяты из писем, адресованных сотрудникам археографической группы МГУ и автору статьи.

[7] *Ромашко С.А.* Культура, структура коммуникации и языковое сознание // Язык и культура: Сборник обзоров. М., 1987.

[8] *Соколов Ю.М.* Весна и народный аскетический идеал // Русский филологический вестник. 1910. Т. 62. Вып. 3.

ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Р.Ф. Пауфошима

ЖИТЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

В статье делается попытка охарактеризовать современного сельского жителя — носителя диалекта — как языковую личность. Диалектологи обычно имеют дело с носителями традиционного слоя говора, то есть с представителями старшего поколения сельского населения. Как правило, ставится задача описания наиболее архаичных диалектных систем, что приводит исследователей в те деревни, где традиционный уклад в какой-то мере сохраняется до сих пор. Следовательно, в качестве центральной фигуры исследования выступает представитель старшего поколения деревни с остатками традиционного уклада. В статье рассматриваются отношения диалектной личности и общества и отражение этих отношений в речи, отражение в диалекте знаний о мире, эстетическая сторона диалектной речи. Исследование проведено на материале, собранном автором в диалектологических экспедициях (1970—1988) в следующие пункты: д. Белощелье и Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл. (далее Бел., Смол.), д. Афанасьевка Алексеевского р-на Белгородской обл. (Аф.), д. Елховка Собинского р-на Владимирской обл. (Елх.), деревни Слободского сельсовета Харовского р-на Вологодской обл. (Сл.), с. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл. (Боян.), с. Старица Свечинского р-на Кировской обл. (Стар.), д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. (Деул.).

Отношения в пределах малого, замкнутого социума, каким является сельское общество, иные, чем внутри сложного, развитого и, по существу, открытого социума современного города, что, естественно, накладывает определенный отпечаток на индивида. Следствием этого является более крепкие связи сельского жителя со своим обществом. Он очень хорошо осознает свою принадлежность к определенному сообществу, к населению своей деревни. Лингвистическим свидетельством этой социальной особенности может служить развитая система групповых прозвищ[1], представленная в говоре каждой деревни. Весьма распространены и в наше время оттопонимические прозвища. Например, жители деревень: *Мака́ровская, Арзу́биха, Полутиха, Заха́риха* (Сл.) именуют себя так: *макаря́та, арзубя́та, полутя́на, захаря́та*. Жители мезенских деревень Белощелье, Палащелье называют себя *белощёла, палащёла*. Возможны также прозвища и от микротопонимов. Так, в деревне Арзубиха (Сл.) существует несколько улиц. Название самой древней из них — Ма́йга (по преданию, так называлось и первоначальное поселение в этом месте). Жители этой улицы называют себя *маежа́на*.

Известны местные песни-дразнилки, в которых жителям сосед-

них деревень приписывается какой-либо групповой признак, как правило, отрицательный. Например, жители деревни Захариха так в шуточной песне характеризуют своих соседей: *Арзубя́та все безбожники, дегеля́на все завистники, полутя́на запасливы* и т.п., при этом жителям своей деревни обычно приписывается положительный признак: *Захаря́та хоро́ши мужики.*

Это постоянное сознание своей тесной связи с социумом до сих пор, несмотря на огромные социальные изменения, происшедшие в деревне, пронизывает бытовое и речевое поведение сельского жителя.

До недавнего времени в обследованных нами деревнях существовали коллективные работы, так называемые *по́мочи.* В некоторых деревнях этот обычай жив до сих пор так же, как и другие коллективные обычаи. Например, в Сл. женщины, согласно давнему обычаю, в одно и то же время затапливают утром печи. Хозяйка, опоздавшая затопить печь вовремя, предпочитает этого не делать вовсе, чтобы ее не осудили всей деревней.

Из этого основного положения о доминантной роли социума по отношению к деревенскому индивиду вытекает целый ряд следствий, некоторые из них находят отражение в системе диалекта.

Как в любом замкнутом социуме[2], в современной деревне существует развитая система прозвищ, "уличных фамилий", которая как бы противопоставлена системе официальных именований. Исследователи антропонимики обычно с удивлением констатируют живучесть системы русских прозвиц не только в XIX в., но и в середине XX. В.А. Никонов пишет о том, что подавляющее большинство русских крестьян до середины XIX в. не имели фамилий. Однако даже и после введения паспортных фамилий, в конце XIX в. уличные фамилии были употребительнее паспортных[3].

С.С. Высотский[4] отмечает необыкновенную сохранность системы "уличных фамилий" в ближнем юго-западном Подмосковье. Следует признать, что за прошедшие десятилетия, несмотря на существенные социальные сдвиги, ситуация с прозвищами в деревне почти не изменилась. Параллельно с официальной антропонимической системой в современной деревне существует система прозвищ, что составляет как бы теневую антропонимику.

Большой материал, подкрепляющий это положение, находим в произведениях писателей, пишущих о деревне. Ср. примеры из романа Б. Можаева "Мужики и бабы":

В лощине было полно лошадей и ребятни, правда, больше все подсоски, как зовет *Чувал* десятилетних школьников. Из больших парней приехал только Васька *Махим.* Ни *Ковяка,* ни Натолия *Сопатого,* ни Шурки *Пышонкова,* никого не было; *Махим,* пошли с нами? — позвал *Маклак* рослого увальня. — В лаптях, что ли? — пробасил тот. — А ты скинь лапти-то, — сказал *Чувал;* И в это время напротив, в избе бабы Насти Гредной, щелкнула задвижка волкового окна, — Тихо, *Телефон* слушает! — цыкнул *Чувал.* И все замерли ... Настасья Гредная — баба вредная, говорили про нее на селе. И носила она новейшее прозвище "*Телефон*"; Стали протокол составлять: ты чей? Он испугался... И говорит — я чужой. С тех пор и прозвали его *Чужим;* Иван Жадов, сунув за пазуху литровку водки, бушлат нараспашку, пошел задами к Илларион Сипунову, по прозвищу "*Сообразило*", ...; На стук в сени вышла Евдокия, за свою высоту и погибистость прозванная "*Верстой*"; Андрей Колокольцев, по прозвищу "*Ельтого*"...; Иван Бородин, по-уличному *Ванятка*...

Митька *Ботик, Салыга, Страшный, Горелый,* Вася *Соса,* Федька *Маклак,* Вася *Белоногий,* Сенька *Кнут, Матрос,* Васька *Жук, Барабошка, Орёха* — вот далеко не полный перечень прозвищ действующих лиц романа Б. Можаева. Это роман о жизни рязанской деревни. Севернорусский материал, отраженный в произведениях В. Белова, Ф. Абрамова, Б. Шергина, не уступает по количеству прозвищ южнорусскому. Ср., примеры из романа "Кануны" В. Белова:

Петька Гирин, по прозвищу *Штырь,* знал толк в политике; Главная жизнь началась на игрище, в громадной зимовке вдовы *Самоварихи;* Один из секретарей Михаила Ивановича Калинина (*Чухонос,* как его мысленно называл Петька) пришел на работу после Гирина, и пришел с понижением в должности... *Чухонос* все время злил Гирина и ехидно посмеивался над гиринским пристрастием к форсу; Народ, кто на дровнях с подсанками, кто с одними топорами, уже подъезжал и подходил к дому. Пришел даже *Носопырь,* в лаптях, с кошелем на плече. — Ну, теперь дело будет, — сказал *Жучок* своим сиротским голосом и привязал лошадь к чужим дровням; Тоня — бойкая черноглазая девушка, по прозвищу *Пигалица.*

Этот список могут дополнить и другие прозвища: *Гривенник, Рыжко, Микулёнок, Ондрюшонок.*

Вопрос о прозвищах нас интересует только с двух точек зрения, не освещавшихся в ономастической литературе: 1) система теневой антропонимики современной деревни как отражение особых социальных отношений и 2) диалектные различия в этом плане. Наши наблюдения показывают, что паспортные фамилии в деревне употребительны только в определенном стиле, связанном с официальной стороной жизни: во время избирательной кампании, на собраниях (да и то не всегда), при регистрации браков в сельсовете и т.п. В повседневном общении фамилии неупотребительны. В связи с этим нередко возникают ситуации взаимного недопонимания между экспло-раторами и информантами, например: *Вчера мы были у Марьи Ивановны Федотовой. — У Федотовой? А кто это? — Ну, у нее дом с голубыми наличниками. — А-а, у Солдатихи, понятно* (Сл.).

Отметим также, что рядовой житель деревни, как правило, не привык к именованию по отчеству. Обращение по полной формуле русского именования принято только по отношению к представителям сельской интеллигенции — учителю, библиотекарю, фельдшеру, или к руководителям колхоза, работникам сельсовета. Именование по полной формуле издавна принято в таком торжественном действе, каким является традиционный свадебный обряд. При величании жениха и невесты их торжественно именуют по имени-отчеству: *Еще кто в пиру хорош-пригож, а хорош-пригож приезжой гость, Александр да Васильевич!* (Сл.). *Не сама ясна светлица на пяту растворилася, не верба в избу клонится, не шелковый клуб катится, клонится-поклоняется дворянин да отецкий сын Павел да свет Данилович.* (В. Белов. Кануны). Вот, например, типичная ситуация знакомства: *Как Вас зовут? — Раиса. — А по отчеству? — Да зачем вам, зовите так. — Ну все-таки, как Ваше отчество? — Ну, отца Николаем кликали.* Раисе Николаевне 65 лет. (Сл.).

В деревне Афанасьевка Белгородской обл. живет народный композитор и исполнитель народных песен Ефим Тарасович Сапелкин, "открытый" собирателем народного творчества и руководителем

фольклорного ансамбля М.В. Щуровым. Ефиму Тарасовичу 70 лет. В родной деревне и в округе он известен только под именем *Яхимка*. Возможно, что в связи с непринятостью номинации по отчеству возникают и неправильные, искаженные образования типа: *Фрося Кузьмовна, Настя Никитовна, Агафья Иудовна, Анна Лу́ковна* (sic!) и т.п.

В современной деревне, как и в прошлом веке, бытуют и в качестве самоназваний, и при обращении, и при именовании в 3 л. уменьшительные, а зачастую уничижительные формы личных имен: *Илюха, Христа́ха* (от Христофор), *Рашка* (от Рафаил), *Семак* (от Семен), *Анка* (не Нюра: *Нюра — больно благородно*). Все эти примеры из вологодского говора. Есть и еще более необычные формы. Например, от имени *Александр* нам встретились такие образования: *Олька, Сашня́, Санко, Шу́рица*[5]. Отмечены также имена: *Гена́ха, Наталю́ха, Вихторя́га*. Весьма внушительный корпус именований составляют прозвища: *Мака́ка, Цику́ля, Колоколе́ц, Привезе́нец* и множество отыменных прозвищ: *Урва́ниха, Мака́риха, Цикулёнок, Ехремёнок, Христа́хишна, Колокольця́та, Тараси́ха, Вихторя́гины, Привезенята, Семако́вы, Илю́кины* и др. (Сл.).

Отметим в этой связи лишь два обстоятельства, имеющие прямое отношение к теме "личность и общество": 1) преобладание в приведенном списке прозвищ пейоративного характера[6] и 2) обилие групповых прозвищ[7]. Оба эти факта подтверждают наш основной тезис о сниженной ценности личности в составе особого замкнутого сообщества, каким является социум деревни. Наблюдения над севернорусской и южнорусской социолингвистичекой ситуацией позволили сделать некоторые выводы о различиях в этом плане между двумя диалектными зонами. Так, отыменные образования пейоративного характера (*Манька, Ванька, Илюха, Настёха* и др.) в вокативной функции на севере менее употребительны, чем в других диалектных зонах. Севернорусский речевой этикет требует употребления в качестве обращения полного имени. Ср. у В. Белова: *Анна,* ты что, сдурела?; *Екатерина,* ты это... все ладно-то?; Что, *Федор,* не бывал этим летом за тетерами-то? (Привычное дело); Ты, *Евдокия,* не в лавку пошла-то?; Антиресно ты, *Митрей,* рассуждаешь (Плотницкие рассказы). Полная форма имени употребительна здесь даже при обращении к ребенку: *Влодимер,* отдай колесо *Юрью*! (В. Белов. По 206-й ...); ... Игоряшка, ешь тоже, не куксись, бери пример с *Левонида* (В. Белов. Колоколёна). Речевой этикет средней и южной России позволяет использовать пейоративы в функции обращения, ср. примеры: И ты, *Кузька,* не скотничай...; А вот быть, *Касьянка,* быть; Пьян, пьян ты, *Касьяшка* (Е. Носов. Усвятские шлемоносцы); *Ванька,* женись первым делом; *Нёшка,* дай чашку под огурцы!; Ты чего это, *Санька,* робят обижаешь? (Б. Можаев. Мужики и бабы).

Есть еще одна существенная черта, различающая речевой этикет северной России и других областей. В севернорусских языковых социумах система теневой антропонимики скрывается от глаз постороннего наблюдателя и служит только для внутреннего употребления. Северяне, как правило, неохотно сообщают диалектологам

неофициальные, уличные прозвища. Писатели-севернорусы, пребывающие как бы внутри своего социума, делают эту теневую антропонимику видимой стороннему глазу. Внутри севернорусского социума сферы употребления официального и "уличного" имени разграничены. Так, например, прозвища не используются в функции обращения. У В. Белова находим пример обучения речевому этикету, предписывающему разграничение сфер употребления официального и уличного имени: "Еще мы очень подружились с одной семьей по фамилии Смирновы. Но их почему-то все называли *Феклухиными,* потому что у бабы Густи было прозвище *Феклуха*... Я пришла и говорю: Тетя *Феклуха,* дай ножницы" ... Она дала ножницы ... и говорит: Ты, матушка, меня так не зови. Зови Августой либо бабушкой" (Моя жизнь. Автобиография).

В средней и южной России сферы употребления официальной и неофициальной номинации представляются слабо разграниченными. Это проявляется как в открытости неофициальной антропонимики стороннему наблюдателю, так и в широком использовании прозвищ в вокативной функции, ср. например: "Пей, *Сообразило*!" "*Кнут,* а ты когда-нибудь влюблялся?" "Мотри, *Маклак,* держись дальше... (Б. Можаев. Мужики и бабы).

Своеобразие социолингвистической ситуации в деревне подтверждается и такой характеристикой языковой личности, как ролевое поведение. В деревне личность не имеет таких возможностей для ролевого перевоплощения, как в городе, или количество ролей ничтожно мало. В то же время ролевое распределение свойственно самому сельскому социуму: вот деревенский колдун, вот праведница, этот — деревенский дурачок, этот — балагур, а вот лидер (зачастую не совпадающий с официальным). Очевидно, различие между городом и деревней заключается еще и в том, что в деревенском обществе количество возможных ролей конечно, а в городском, по существу, открытый список.

По-видимому, еще не так давно в русской деревне существовало особое социальное явление, которое можно обозначить термином "коллективная личность". Отголоски этого состояния, т.е. более сильная включенность индивида в общество, наблюдаются в архаических говорах и теперь. Это подтверждается и лингвистическими фактами.

В системе личных местоимений большинства говоров русского языка отсутствует форма вежливости Вы. Полагаем, что этот факт равноценен широкой употребительности прозвищ и пейоративных форм имени. Следует также отметить предпочтительность формы мн. ч. 1 л. личного местоимения при ответе на вопрос, например, *Как Вы лён обрабатывали? — Мы делали так....* Или: *Как у вас тут капусту солят? — Мы солим так.* Крайне редко на подобные вопросы можно услышать следующее: *Не знаю, кто как, а я солю так...* (Елх). В архаических севернорусских говорах, где сохраняются элементы древней акцентуации, формы 3 л. личных местоимений обнаруживают акцентную несамостоятельность, ср. например, *И́ он пришел, он пришёл, и́ она знает, а́ они-то* (Сл.). Возможно, тот же характер

связи "личность — общество" отражается и в архаическом оформлении категории посессивности в вологодских говорах: в соответствии с притяжательными местоимениями там широко представлены формы род. п. личных местоимений с предлогом *у*: вместо *мой — у меня* и т.д. Ср. примеры: *У меня отец у сестры живет. У меня тётушка пришла. Наталья, беги скоряе, у тебя Пашку убило*! (Сл.).

Следует также принять во внимание еще одну черту диалекта, накладывающую отпечаток на психологический портрет сельского жителя. Сами носители диалекта осознают его непрестижность. При соприкосновении с системой литературного языка или даже с койне ближайших городов неизменно возникают комплексы. Вот высказывания на эту тему жителей Харовского р-на: *Наше-то наречие худоё; Я стесняюсь и говорить-то; Молодые уедут в город, там поживут, и говорят совсем по-другому; Наша-то речь внуку не понравилась: бабушка, да ты не эдак говоришь*! Это ощущение некоторой неполноценности родного говора еще больше отъединяет общество деревни от внешнего мира и служит его сплочению.

В диалекте мы сталкиваемся с иной, чем в литературном языке, гносеологической базой. Эта база складывается и из традиционных знаний крестьянина, в течение столетий связанного с землей, и из архаических представлений об устройстве мира, и из обобщения многовекового опыта деревенской жизни. Было бы неправильно преувеличивать влияние школьного образования на представителей старшего поколения деревни — до сих пор диалектологам чаще приходится иметь дело с людьми неграмотными или окончившими только начальную школу. Современные средства массовой информации тоже не оказывают заметного влияния на этот слой населения.

Существенный пласт представлений сельского жителя связан с христианской традицией. Это и сельский календарь, и народные приметы, и циклы сельскохозяйственных работ. Ср. примеры: *Овода-те да мухи-ти от Ива́на-дни до Петрова́-дни сильные, а как придет Ильи́н день, тут они куды-то сгинут; Завтра Кири́ков день, праздник большой, на него, бывает, зароды горят* (Сл.); *Скоро Пронька* (Прокопьев день), *раньше пива́ варили* (Бел.); *П'ир'ит П'атровым дн'ом Ива́н-травн'ик. Фс'а́кыйу съб'ира́йут траву́. А хто с'м'е́лай - ид'и́ за зо́лытам ... ф са́муйу по́лнач'...*[8]; *Дело было о Паске, которого дьни богомать ходит; Молния-то скачет, богушко ругайецци*[9]. В архангельских говорах до сих пор бытуют рыболовецкие термины, связанные с церковным календарем, например, *богосло́вка, покро́вка*[10] — семга, которую ловят осенью (Иоанн-Богослов, Покров—осенние церковные праздники). Ср.также: *божья травка, богородицкая трава* (чебрец), богов конек (кузнечик), *божьева птичка* (голубь)[11]; названия растений: *богов батожок, боговы грабельки, богова ручка, богова рябинка, богова слезка, боговые слезки, боговы хлебцы, боговы яблочки* (помидоры), а также компонент *богов, божий* в многочисленных названиях птиц, насекомых[12].

Тем не менее, активное вытеснение христианского мировоззрения из жизни советского общества сказалось и на воззрениях старшего поколения деревни. Так, с утратой многих реалий религиозной

жизни происходит разрушение внутренней формы ряда названий и их десемантизация. Ср., например, *Утули́ма* — название престольного праздника, происходит от названия иконы "Утоли моя печали" (Белозерский р-н Вологодской обл.); *Ко́нная огра́да* — день Кононаградаря (Сл.), *Спажа́, Спажи́нки* — от "госпожа" — название праздника Успенье богородицы (Аф.), *Спо́жка* — Успенье богородицы (Боян.). *Никола, Илья* — почти повсеместно некие мифические существа женского пола: *У нас две Миколы: одна́ вёшна, друга́ зи́мна* (Сл.); *Вот идет она, Илья, серпик у ней маленький, а стёжка за ней узенькая-узенькая.* — А кто это Илья? — *Как кто? Божья мать!* (Боян.).

В повседневной жизни современной деревни существенное место занимают языческие верования. Сильна вера в *"нечистую силу"*, в *сглаз, порчу, "призо́р"* (мезенск.); на Мезени и Пинеге стойко сохраняется обычай приношения даров на могилы местных святых. *Домово́й, домове́юшко, доброхо́тушко* (с *матушкой-доброхотицей"*), *ба́нник, ба́ннушко, ба́енной, полево́й* (с *матушкой полево́ю и с малыми полевятами"*), *ле́ший, водяно́й* и другие персонажи, ставшие для горожан сказочными, для деревенских людей — вполне реальные обитатели деревни.

На все случаи жизни существуют заговоры: от болезни, от дурного глаза, от удара молнии, от грыжи. Вот заговор, который необходимо произнести при переезде в новую деревню: *Захожу в деревню неспроста. Собаки, не лайте, Люди, не ругайте, А любите до ста лет, аминь* (Сл.). Заговор от клопов: *Клоп клопа ешьте, Меня не задешьте. Клоп — сладкая малинка, А я — горькая осинка* (Бел.). В Сл. до сих пор существует такой обычай: если пропадет скотина (корова, овца), то следует пойти к *колдуну* (по-местному *"знатку́"*), он возьмет *берёсту*, напишет на ней *левой* рукой *углем* какие-то *письмена* (*"кривульки"*), эту *грамотку* нужно положить под *вереси́ну* (можжевельник), тогда пропажа найдется. Много рассказов нам довелось услышать о *"блазе"*, о том, как *"блазнилось"* (мерещилось). Ср. пример из Деулина: — *А что это было? — Блас ... а хто́ жа? — Блас. А ры́ба, йа п ыйо́ пайма́ла... а вот пабла́жн'илас', и он нам н'и да́лс'и и н'ика́к.*

В заключение остановимся на эстетической стороне диалектной речи. Речь представителей старшего поколения деревни, как правило, отличается плавностью и хорошим построением. Способность произносить длительные монологи, редкая у современных горожан, свойственна многим пожилым людям (преимущественно женщинам), живущим в деревне. В речи наших информантов редки самоперебивы, паузы хезитации, которыми изобилует речь городских жителей. Высокая ритмическая и мелодическая организация отличает эту речь, приближая ее к сказовой. Ср. примеры: *И стал он мне помогать — и в поле и в доме, и в путе-дороге; Выташшыли мы карася, а перья у няво — колесом, колесом"* (Деул.); *Я ему: ты где был? — А он: где был, там нет, а где шёл, там след"* (Сл.); *В войну-ту все было: и босой, и нагой, и всяко походил* (Бел.); *Тут приехали с рыбой, стали делить, так он на лодку — пай, ды на нёвод — пай, да на мотор — пай, да на себя — пай, дак мне-ка там — шиш!* (Смол.).

Часты в этой речи образные сравнения: *Он весь был, как верятно́м свяденай: тоненькай, так маленькай*!; *А сама-то она глаже гладкого, как лося гладкая*! (Деул.); *Жили мы, как мизгири в тенете* (Стар.). Пословицы и поговорки делают диалектную речь еще более выразительной: *Пойдем, Матренк*! *Бох ня выдаст, враг ни побядить*! (Деул.); *После Ильина-дни сера коня под кустом не видать* (Бел.); *Когда лыко дерется, и драть хорошо — надо все вовремя делать* (См.).

Высокая степень художественной организации речи, в которой используются все эстетические средства: ритмизация, рифма, тропы, цитация пословиц и поговорок — оказывается индивидуализирующим фактором. Информанты, владеющие всеми этими речевыми приемами, выделяются из среды своих односельчан. Магнитофонные записи, сделанные от этих рассказчиков, составляют золотой фонд нашей фонотеки. Это Евдокия Александровна Корнюшина (по прозвищу *Суко́нка*) (Деул.), Александра Павловна Панкрашкина (*тетя Саша*) (Боян.), Нина Леонидовна Лопатина, Ольга Ивановна Фокина, Александра Христофоровна Макарова (Сл.), Александра Филипповна Чурсанова (Бел.) и многие-многие другие.

---

[1] О групповых и индивидуальных прозвищах см. *Ванюшечкин В.Т.* Семантическая и словообразовательная структура диалектных прозвищ // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. 2.

[2] В.А. Никонов полагает, что "прозвища нужны как условный знак маленькой замкнутой корпорации" (*Никонов В.А.* Имя и общество. М., 1974. С. 22).

[3] Там же. С. 172.

[4] *Высотский С.С.* Юго-Западные подмосковные говоры. 1941. Дис. .. канд. филол. наук. Имена уменьшительные на *-иц-а* — наиболее архаичны. Некоторые специалисты полагают, что подобные формы уже ушли из языка (см.: *Тагунова В.И.* Категория уменьшительности и ласкательности в диалектной антропонимии // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. 2. По данным А.А. Зализняка, этот суффикс даже в древненовгородских именах был редким (см.: *Янин В.Л., Зализняк А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 годов). М., 1986. С. 149).

[5] Уничижительный оттенок может иметь сама производящая основа (*Мака́ка, Цику́ля, Христа́ха*), либо суффикс (*Хрема́ёнок* вместо *Ефремович, Мака́ришна* вместо *Мака́ровна*), либо и то, и другое (*Цикулёнок, Илючёнок*).

[6] Кроме оттопонимических групповых прозвищ, о которых шла речь выше, отметим семейные прозвища типа *Колокольцята, Привезенята, Вихторягины*, которые можно рассматривать как своеобразные патронимы, а также семейные триады типа: *Урва́н — Урва́ниха — Урванёнок; Мака́р — Мака́риха — Макарёнок.*

[7] Этот тезис не следует понимать таким образом, что деревенским жителям присуще неуважительное отношение друг к другу. Это не так. Многие стороны сельской жизни как раз свидетельствуют об обратном: например, уважение к старикам, обычай здороваться на улице даже с незнакомыми людьми.

[8] Словарь современного русского народного говора / Ред. И.А. Оссовецкий. М., 1969. С. 203.

[9] Архангельский областной словарь / Ред. О.Г. Гецова. Т. 2. С. 44, 45.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Словарь современного русского народного говора. С. 57.

О.Б. Сиротинина, Т.В. Ларькина

УСТНАЯ РЕЧЬ РАБОЧИХ В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКЕ

В статье представлена попытка анализа устной речи рабочих г. Саратова на материале магнитофонных записей объемом 5000 словоупотреблений. Основной информант — радиорегулировщик 45 лет. Ситуация общения: диалог и полилог, разговоры между товарищами по работе, в семье. Все записи сделаны в домашней обстановке, т.е. по параметрам неподготовленности, непринужденности и неофициальности отношений и обстановки — это речь разговорная. В процессе анализа материала ставилась задача выяснить степень ее близости к литературной разговорной речи.

Темы разговоров никогда не планировались (о записи участники разговора узнавали только после ее окочания). Значительное место независимо от возраста занимают разговоры о работе, зарплате, среди мужчин — о футболе. Молодежь много говорит о планах на вечер (танцы, свидание), о девушках, о "вчерашнем бурном вечере" и о будущем образовании. Людей среднего возраста (35—46 лет) больше волнует семья. В полилогах люди разных поколений много говорят о транспорте, недостатках как отдельных лиц, так и в жизни города. Часто толчком для этих разговоров является статья в газете, телепередача. В семейных темах преобладают бытовые разговоры (семья, дом, цены на рынке, сад, полив деревьев), между знакомыми по работе — разговоры о производстве, зарплате общих знакомых. При сравнении речи рабочих с разговорной речью саратовцев, полностью владеющих нормами литературного языка, обнаруживается очень мало различий и очень много общего.

В фонетике — свойственная разговорной речи нечеткость произношения при отсутствии нелитературных явлений, т.е. наблюдается обычное для литературного языка аканье, иканье, произношение *г* взрывного и т.д. *Г* фрикативное встретилось только однажды в слове *гуляю* в языковой игре (*Я там на лыжах гуляю*). Наблюдается типичное для Саратова произношение *гър'т, ч'о* (из *чего* вместо *что*), в последнее время распространяется в языковой игре *ваще*.

Что касается морфологии, то здесь наблюдается близкое к типичному распределение частей речи (глаголов 19%, существительных 11, прилагательных 4, местоимений 21, частиц и заполнителей пауз 20%). Как и у лиц, владеющих нормами литературного языка, господствуют частицы *вот* и *ну*, практически отсутствуют причастия, деепричастия и краткие прилагательные. Однако в отличие от литературной разговорной речи, в речи рабочих употребляются ненормативные образования некоторых глагольных форм (*поехай, ездиют*), наречий (*теперича*). В синтаксисе особых отличий тоже нет. Обращает на себя внимание только однообразие заполнителей пауз (в основном *это самое*).

Основные отличия наблюдаются в лексике. В РР лиц, владеющих нормами литературного языка, жаргонная, просторечная и даже диа-

лектная лексика в основном встречается в языковой игре или используется отдельными вкраплениями. В речи рабочих просторечная лексика используется без особых целей, она обычна для их речи: *припрет, прошибет, мозги канифолишь, вертались, порем туфту, нажрусь, шухали, шастаешь, клепаешь, на бутылку пива нашкабали, шманялись, сдох телевизор* и т.д. Пожалуй, чаще встречаются различные фразеологизмы (*гол как сокол, отчего казак гладок — наелся да на бок* и т.д.).

Однако больших отличий от литературной РР нет и в лексике. Рабочие свободно оперируют терминами, связанными с их профессией (*дециметровый диапазон, ювелирная припайка, триод, экспериментировать, контакты, фрезерный станок, фонд зарплаты, аппаратура, вольт, осциллограф* и т.д.), но радиорегулировщик говорит и о детективной литературе, *детективщине* А — радиорегулировщик, В — его дочь): А: Вот все шкафы/ вся детективная и приключенческая литература// Там ничего вот чтоб такое вот было — В: Ну вообще ума много не наберешься от этих детективов — А: Не наберешься/ вот — В.: Ну у него самомнение такое ужасное // А кем он работает? — А: Он работает монтажником где делают этот пресловутый "Парус" — В: Ясно // — А: В общем как погряз там/ и всю жизнь так и вкалывает// И Всё// Образования никакого нет// Вот/ а суждения еще/ вот это вот/ да вот это всё/ это/ я/ говорю/ ну вот она детективщина/ больше ну ничего/ ни политической никакой...

Как и в любой другой среде, глубокий отпечаток накладывает на речь возраст и уровень образования говорящих. Ср. диалог 26-летнего моториста, учащегося вечерней школы (М) и его ученика 16 лет с восьмилетним образованием (У). М.: Это точно... у нас один техником работает/ а в машине дурак дураком... институт кончил// — У: А кто? Кто? — М: Да Лешка Сорокин // Вал на заточку отдал новый/ а старый так и валяется// — У: Вчера с девицей в парке его видел/ Путевая// — М: На это и хват только... Какая дура с ним пошла... Куда ни приткнется...всё не при деле/ авария случилась недавно// Нужно было срочно гнать цемент в баки// Машина... сломалась/ а он покрутился около нее и ничего толком не смог сделать// Нам-то плевать... за простой денежка идет/ сидели весь день судака ловили// Заработок-то не тот// — У: Мне-то где больше платить будут// Сказал бы хоть мастеру/ все машины тру... — М.: Так и будешь... тереть всю жизнь/ если учиться не будешь// — У: Пристал с учебой своей... Восемь лет отгрохал... Хватит// — М: Дело не только в учебе// Вот у нас мужик с четырьмя классами/ дело знает... уважают его и начальство ценит// — У: Дядя Костя что ль? — М: Вот мужик/ за что бы ни взялся/ всё может// Мужик телевизор себе собрал — В: Сколько ему лет? — М: Скоро на пенсию/ уж старый/ но мужик-то крепкий// Протянет долго еще и наш человек/ выпить не любит//.

Конечно, наш материал не так велик, чтобы можно было сделать вывод о речи рабочих в целом. Но он и не так мал, чтобы расценивать его как случайный. Основной материал записан от мужчин 44—46 лет, рабочих высокой квалификации. Их речь нельзя назвать

полностью литературной, но все же она ближе к литературной РР, чем к просторечию, отличаясь от РР только единичными случаями ненарочитого употребления слов и форм, не свойственных литературному языку. Явных признаков просторечия в их речи нет. Говорят *в магази́не, отдала́, слу́чай,* из нелитературных морфологических форм встретились только *поехай, ездиют* (не в речи радиорегулировщика), *теперича*, нет и просторечного синтаксиса. Не обнаруживается в речи наших рабочих и свойственная просторечию монотонность, отсутствие жанровых подразделений, утверждение, что "носитель просторечия никогда не задумывается о норме речи"[1] (суждения о нормативности того или иного произношения характерны и для диалектной речи). В нашем материале представлен спор о нормативности произношения *ведер* или *вёдер*.

Речь радиорегулировщика явно жанрово не монотонна. Из просторечных элементов в его речи встретилось только *вертались* (чтобы ко мне приборы эти не *вертались* в течение заездки), *теперича* (2 раза), *оклемался, сдох телевизор*. В основном же — это литературная разговорная речь. В его речи явно чувствуется и ирония (суждение о речи рабочего, читающего только детективную литературу), и умение популяризировать (с товарищами по работе он говорит совершенно иначе, чем с дочерью, называя детали и элементы осциллограммы терминами или номенклатурными знаками, а не *точками, кривулечками,* как в разговоре с дочерью-филологом. Есть в его речи различия по степени официальности (обращения по имени или имени-отчеству, на *ты* или на *вы* и т.д.), в разговоре с женщинами его речь более литературна, при них он никогда не употребляет непечатных слов, хотя вообще в его речи они возможны.

Характер его речи меняется в зависимости от степени ее опоры на ситуацию. В разговоре о детали, которая передается из рук в руки, ситуация настолько вплавлена в речь, что постороннему ничего не понятно. Речь идет также об известных собеседникам людях, поэтому слова произносятся нечетко, почти проглатываются, много местоимений, заполнителей пауз (Б — фрезеровщик): А: Ну вот я ему и сказал... я говорю/ это самое... у меня полтора киловольта/ я говорю это самое тащу там это/ на связках// Я говорю/ прошибет/ через передатчик... — Б: А я говорю... — А: А я позвонил ему/ его уже дома нет// Он бедный чинится... кошмар какой — Б: Чинится... В общем слушай/ картина такая... А: Давай — Б: То у меня пятый канал отказал... — А: Ну — Б: Значит, Васька у меня вчера... три двадцать восьмых/ говорит/ это уже устарели// В общем/ он дал тридцать один двадцать семь а// — А: Это вот новые наверно// Ну у нас щас они еще нет — Б: Ну говорит/ вместо это/ говорит/ ну их/ это вместо/ говорит/ значит/ были вчера/ Витальк свистнул (показывает деталь) — А: Хорошо паял? — Б: Да Витальк паял/ я не сам паял// Я принес — А: Ну ладно/ аллах с ним — Б: Ну не знаю// В общем они его приклеили вот сюда/ к нему приклеили сюда//.

Но когда радиорегулировщик в этом же разговоре рассказывает о том, что фрезеровщику неизвестно, его речь меняется, слова про-

износятся гораздо более четко, фразы более закончены, с логической связью и без бесконечных заполнителей пауз: А: Ну а остальное что? Летом грибы есть/ ягоды пока есть// Видел тетеревов/ буквально вот/ сидят// Потому что там без ружья все ходят// Вот/ спокойненько// Всё сле-/ зайцев/ следов всё// Белок мы ловили/ всё/ теперича мы не ловили — Б: Что всё? Пройденный этап — А: Пройденный этап// Подошли к сосне/ раскачиваем/ она — Б: (жест) — А: Да/ падает// Друг ловит и кричит/ Александр/ она кусается? Тот кричит: Не-е/ не кусается//.

Радиорегулировщик любит музыку, противопоставляет сложные симфонии и сонаты Баха, Листа, Прокофьева, Бетховена и т.д. менее сложной, с его точки зрения, музыке Чайковского, т.е. только работой и семьей его интересы не исчерпываются. В речи этого рабочего явно отражается его личность: чувствуется рассудительность, уважение к людям, их интересам. Так, в споре с 40-летним слесарем (С), который возмущен музыкой металлического рока, явно чувствуется уважение радиорегулировщика к интересам и вкусам молодежи: А: Принес кассету что ль? — С: Да. Сплошной металл// Так и дребезжит// — А: По ушам бьет? Да? — С.: Нет/ не в том дело// Если б по ушам било/ групп-то много// Чего-тс не хватает/ не пойму чего/ — А: Здесь не нужна// Здесь всё грохот// Это/ для них вон — С: Да на фиг это нужно? — А: Как это? — С: Оглохнешь просто — А: Это тебе/ эт/ не нужно/ а им нужно — С: Ну извини/ мне/ ну/ мне нужно вот чтоб всё играло// Я люблю инструменты послушать/ а здесь что? Молотком по голове тоже можно стучать/ тоже будет музыка//.

В речи радиорегулировщика ощущается уважение к "настоящей" (не детективной) литературе, к творческой работе, умению мыслить: В: А сейчас он по делам что ль? — А: Да// Там сдох телевизор/ грамотности-то нет у него// Ведь он сейчас работает на конвейере/ как попугай// У них где завод/ там что дается? Вот// Там что? Вот аппаратуру дают/ дается карта/ точка номер пять — двести двадцать вольт/ всё// Вот он сидит и меряет/ Раз — тут двадцать вольт/ а там десять/ всё// Они сами уж ничего не сделают/ опять хватают — и туда/ и всё// Вот когда всё совпало/ тогда вот он и ценится// Вот такая кривулечка/ покрутить вот эту/ вот он смотрит на этот осциллограф/ подкрутил/ эту кривулечку прямую сделал/ теперича следующий/ вот этим они занимаются/ то есть ума никакого// — В: Понятно// — А: Сопротивление от кондесатора-а / очень тяжело отличает//.

Определенное влияние на речь радиорегулировщика и его интересы оказало поступление его дочери на филологический факультет университета: в доме появились словари, к которым он проявляет явный интерес. Но и поступление дочери на филфак в какой-то степени — следствие любви отца к хорошей литературе, того, что в доме есть неплохая библиотека, пластинки классической музыки и т.д.

---

[1] Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984. С. 10.

Н.Б. Можаева

СВАХА У ОСТРОВСКОГО КАК ПРОСТОРЕЧНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТИП СТАРОЙ МОСКВЫ

Речевая партия персонажа реалистического произведения состоит из трех ярусов: 1) элементы общеразговорные, назначение которых — создать эффект достоверности устного, преимущественно неофициального, общения; 2) элементы социально-групповые, территориальные, определяющие общественное лицо говорящего. Это "статусные (групповые) нормы речевого поведения, не зависящие от ролевых (жанровых) норм, постольку, поскольку в речи большинства носителей того или иного статуса (членов той или иной группы) обнаруживаются постоянные черты и к их речи обращены определенные ожидания. Эти черты проявляются прежде всего в стиле (потому что предметно-логическое содержание больше всего зависит от ситуации и роли); на этой основе выделяются, в частности, территориальные и социальные диалекты)[1]; 3) элементы, создающие неповторимую индивидуальность речевой системы конкретного лица. Это — ролевые (жанровые) нормы речевого поведения, при том, что под социальной ролью понимается "функция, нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию"[2].

На основе социолингвистической интерпретации речи персонажей художественных произведений реалистического направления можно с большей степенью достоверности судить о тех особенностях функционирования речевых единиц, которые обусловлены специфичной для конкретного общества системой социальных статусов и ролей. Эти единицы дают возможность восстановить языковой облик людей, принадлежащих к тем или иным слоям населения в определенные периоды развития общенационального и литературного русского языка. Драматургия Островского, отразившая целую эпоху этого развития, — один из наиболее богатых источников для изучения социальной дифференциации речевых навыков русского общества второй половины прошлого века. Настоящие наблюдения хотелось бы считать откликом на намерение Г.О. Винокура рассмотреть язык персонажей Островского как отражение языка Москвы[3]. Первый шаг в этом направлении — описание лексикона свах. Сваха у Островского — социальное занятие, которое можно квалифицировать как профессию. Драматург выделяет "свах по дворянству" и "свах по купечеству".

"Свахи по дворянству" (свахи "в чепчике") говорят бесцветным языком безликого московского обывателя. Ср. Панкратьевну из "Бедной невесты", Гурьевну из "Блажи". Их постоянный речевой адресат — дворянство, не ждущее от свахи ни многоречивости, ни цветистости языка. Коммуникативно-речевые отношения свахи и ее клиента из дворянской среды — неравные. Сваха, "работавшая" на такого клиента — мещанка, горожанка, но корнями уходящая в крестьянство — ниже его по общественному положению. Ее язык скуп. Глав-

ное, что ее заботит — показать свою воспитанность, свое "вежество".

"Свахи по купечеству" находятся в иной коммуникативно-речевой и социальной ситуации. Их обычный адресат — купечество, люди того же круга, того же класса. Между свахой и клиентом возникают равные двусторонние отношения.

Лексикон двух этих типов имеет и сходства и различия. Рассмотрим с этой точки зрения профессиональную лексику и фразеологию[4], включающую названия сословий, чинов, положения в обществе и в семье. Располагаем материал по двум рубрикам, соответствующим двум выделенным социально-речевым типам свах и показывающим сходство и различие.

"Свахи по дворянству": 1. Нейтральная лексика: *чины, служащие, купечество, жених, жениться, благородный.* 2. Лексика с пометами: *кавалер* (простореч.), *барышня* (уст.).

"Свахи по купечеству": 1. Нейтральная лексика: *чины, служащие, купечество, жених, жениться, благородный, вдоветь, вдовец, овдоветь, неженатый, холостой, мужчина, муж, жена, невеста, вдова, богатая, приданое, ревность, замуж, быть замужем, идти замуж, сваха, свадьба, дворянин, дворянство, 14-й класс, купец, чиновник, чиновница, необразование.* 2. Лексика с пометами: а) разг.: Такой *туз,* что рукой не достанешь, *достатки, звание, капитал* (приданое), ищи себе под *пару, совет да любовь,* Вот я тебя чем *утешила* — обрадовала, *дама с званием, с чином;* б) простореч.: *девка, сударушка*[5], *мужик, мамзелька, обвертеть, обзнакомиться, сочинить сватовство, амурное* (письмо), *баба, выгореть, краля, под масть* (подходит, годится), *красавица-патрет, звание* (Всему вашему званию мараль), *наша сестра;* в) уст.: *звание, сударушка, мамзелька, обвертеть* (обвенчать), *амурное, жалованный, высватать, лапотница, образованная, чадочко, выйти* (выпасть на долю), *должность* (служба), *голь* (беднота), *заполонить* (подчинить своему влиянию, обаянию); г) обл.: *девка, высватать, заполонить.*

Интересно, что лексика "свах по дворянству" и "свах по купечеству" пересекается только в нейтральных словах, не имеющих ограничительных помет в словаре. В профессиональной лексике "свах по дворянству" находим минимальное количество слов с пометами.

В непрофессиональной лексике свах можно выделить лексико-тематические группы в соответствии с названными выше тремя ярусами. В речи "свах по дворянству" с достаточной определенностью выделяется одна группа (аксиологические слова): *учтивые, красавцы, влюбчивые, невежа, невоспитанная, дура, хорошенькая.* Первые три слова указывают на принадлежность говорящего к городскому просторечию: употребление мн. числа вместо единственного. В речи "свах по купечеству" лексико-тематических групп значительно больше. В них преобладает просторечная лексика, она несет на себе печать происхождения — "языка городских масс, находящихся во взаимодействии с крестьянским языком"[6]. Ср.:[7]

1. Имена животных и слова, тематически связанные с ними: ...у меня женихов-то, что *борзых*[8]; Уперся, как *лошадь,* — ни тпру, ни ну...; Я ведь не краденая какая, не *овца* без имени; Пишет-то, как *слон* брюхом ползает; А, *лягушка* его заклюй, нешто мы другого не найдем; Уж и где же это видано, Уж и где же это слыхано; Чтобы *курочка бычка* родила, *Поросеночек яичко* снес! (из песни).

2. Действия, связанные с хлопотами: Как же *не беспокоиться;* Ну да уж я за всю провинность теперь *заслужу;* ...какую я тебе сударушку *подсдобила*!; Все *справила* и ответ принесла; Сам, серебряный, не хочешь, — приятелю *удружу;* Ну, уж *хлопотала, хлопотала* я для тебя, Аграфена Кондратьевна; Первое дело — *хлопоты* даром пропадают.

3. Передвижения: Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, *гранила, гранила мостовую-то,* да уже и выкопала жениха; *Забежала-то* так, на минуточку; С раннего утра словно отымалка какая *мычуся;* Кругом *обегу* 30 верст; Где с утра до ночи *основу-то снуешь...; Побегу* теперь к жениху; Мне тоже по Москве-то даром *трепаться* нужда невелика; *Ходит-бродит* он, добрый молодец, по таким палестинам.

4. Мера: Да я коли захочу, так в *пол-аршина* взбодрю; Кругом обегу *тридцать верст; ...* и так *вороха* наготовлены; ...да у него своих *девать некуды; ...*а у меня еще *дела-то по уши.*

5. Деньги: Одних только *денег* и *билетов* мы две считали-считали, счесть не могли; ...она ему сейчас в руку *три целковых бумажку;* Да тебе что за дело до *достатков?* Золотая невеста! У нее своих *денег* — после отца достались — *300 тыс. руб.;* Она вдова и с большим *капиталом;* Ни за какие *сокровища* и водиться с вами не соглашусь; Аль нашел на дороге *сумму* какую *значительную; Тысяч до десяти* сочтет, а больше не сумеет; *2 тыс. целковых, 3 целковых бумажка, 2 тыс. рублей, 300 тысяч серебра, 200 миллионтов;*

6. Разговор: Что *говорить,* матушка, что *говорить*!; Ишь ты, бог с тобой, сколько *нагородила;* Тятенька-то твой *ладит* за богатого; Отчего ж не *побеседовать*! *Наговорила* им с три короба. *Язык-то ломать;* Вот с маменькой-то *покалякаем* прежде; Да, очень мне нужно на старости лет *язык-то ломать* по-твому; Как *сказалось,* так и живет. ...ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то *потолкуем* об этом деле; Да вот с Самсон Силычем надо *потолковать,* может он его знает; Стало быть и *губы трепать* нечего; А вот мне тут, по соседству, нужно *бобы развести;* Иногда колокол льют, так нарочно *пустую молву пускают,* чтоб звончее был; Да что ты все про пастухов *наладил?* Ну да, влюблен. Так точно. Это он верно *говорит.* Вот и *потолкуйте,* а я по саду погуляю; Ты и слов-то не найдешь; а найдешь, так *складу* не подберешь! Надо *толком поговорить.* Мало ли *разговору.*

7. Внешность: ...так ваша братья, *бородастые,* рты разинете; ...и *благородный, и рослый, и брюле;* Ты вот с дворянами водишься, а ходишь *ощипанная да обдерганная;* Ох, *глаза* твои *плутовские,* больно завистливы! Собой-то уж очень *красавица: телом сахар,* из себя *солидна, во всей полноте; Посолидней* али *поподжаристей;* Что это ты, как будто *похорошела, поприпухла;* Что это ты словно *потолстела...; ...* от этакой-то жизни стала она *толстеть...;* Так *пышна,* что нынче мало можно найти таких женщин, вот как; Мы дамы *тучные,* долго ли до греха!

8. Чувства: Ты ведь *заполонил-то,* так должен знать; Так он ей *понравился,* что говорит: "Сейчас подавай его сюда!"; От этого письма она и *приди в чувство;* Она вдова и с большим капиталом, от этого самого и *скучает;* А девка-то теперь *сохнет,* по стенам *мечется; ...* от этакой-то жизни стала *... тоску чувствовать.*

9. Бранные слова: *Анафема* хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение; ... и платье-то твое *дрянь;* Ах я, *дура, дура,* с кем связалась; ... да и я-то, *дура бестолковая,* связалась с вами; Вот он ходил-ходил мимо окон-то, да не будь *дурен,* амурное письмо и напиши; Что ж ты, *курицын сын,* шутить, что ли, со мной вздумал?; Врешь, *купоросная душа,* не уйдешь!; Разве я *хулю* твое платье?; ... с богатым мужиком, что с *чертом,* не скоро сообразишь.

10. Трапеза: Известное дело — *адмиральский час* — самое настоящее время; ...уж коли тебе такой *апекит...; ...*чтобы *вина* побольше разного, хорошего; *...вишенье, орешенье щипать; ...поднесли* вместо *водки рюмку* ладиколону!; Где это вы берете *зелье* этакое?; И *кофию* велел, и *ромку-то...; Кушайте,* говорит, Устинья Наумовна!; Коли жарко, ты бы *пивца* велела подать с леднику...; Вот у нас теперь и *пированье* пойдет — дым коромыслом; *Покушает* да почиватьляжет. Уж ты меня лучше ужо как следует *попотчуй,* я к тебе вечерком зайду; Видно, хорошо приняли, да может, и *угостили* чем-нибудь?; *Шенпанским,* что ли, чем ворота запирают!; ...а уж *употчевал* — можно чести приписать; А то *чайку.*

11. Административно-государственная лексика: *... артитехторы считали,* считали, *цыфирю* не хватило; ...а *атаман* в турецком платье; Ты завтра в *суд* пойдешь, так принеси *лист гербовой бумаги;* Нами только и *государство-то* держится, без нас никакое *государство* стоять не сможет; *...документы* там ваши и *законы* всякие; Ведь ты при *должности? Войны* не слыхать; Давай *судиться*! Подавай на меня *просьбу*!; Она по всем *правилам* на тебя *прошение* за свое бесчестье подаст; А *судиться* так

судиться. Нет, матушка, *счет* мудреное дело. Захочу — прощу, захочу — *под уголовную* подведу; Так что же придумали, до каких пор *сочтут*, это запишут, да опять *цыфирь-то* сначала и оборотят.

В этих лексико-тематических группах наблюдается столкновение двух видов просторечия — нелитературных, ненормированных элементов старого мещанского просторечия с элементами современного, с точки зрения Островского, канцелярско-обиходного словоупотребления, т.е. "нового" просторечия, — в его экспрессивной функции по отношению к литературной норме — и сближение второго (речи свах, недостаточно овладевших литературным языком) с полудиалектами.

С точки зрения экспрессивно-эмоциональной окраски особенно характерны уменьшительно-ласкательные слова — «сквозной прием стилизации часто образуют уменьшительные имена, употребленные в стилистическом значении "ситуативно-бытовой вежливости", одном из наиболее отчетливых для разговорного общения». "Связь такой уменьшительности с мещанской речевой характерологией устойчива и имеет длительную традицию отражения в литературе"[9].

Экспрессивная группа уменьшительно-ласкательных в непрофессиональной лексике "свах по купечеству": *курочка, бычок, поросеночек, яичко, саночки, чепчик, чадочко, худенькие, голубенькие, тятенька, сударушка, ромок, платьице* (ср. там же — *платье*), *матушка, денежки, окошко, луканька* (от "лукавый" — простонар. слово, по примечанию Островского), *крылышко, избушка, ножка, чаек, сынок, пивцо, чепчик, новенький.*

Как отмечает А. Вежбицкая, "частое употребление экспрессивных уменьшительных в роли аргументов — характерная черта народной поэзии. Возможно, что этот факт связан с такими типичными для фольклора явлениями, как отождествление точки зрения героя и рассказчика, сплетение в повествовании эпического третьего лица и лирического второго лица" ... "уменьшительные, функционирующие в качестве субъектов, не что иное, как цитаты"[10]. Примером может служить народно-поэтическая речь Красавиной (Трилогия о Бальзаминове).

Особого рассмотрения заслуживает широкий лексико-тематический диапазон слов, играющих текстовую роль "обращения". Здесь оказываются противопоставленными лексиконы не только "свах по дворянству" и "свах по купечеству", но и лексиконы отдельных свах внутри группы "свахи по купечеству", ибо они создают неповторимый колорит каждой пьесы. Надо отметить, что диапазон прилагательных более широк, чем это принято в этикете.

а) Устинья Наумовна ("Свои люди — сочтемся"): *бралиянтовые, алмазный, изумрудный, жемчужная, яхонтовая, серебряный, золотой, брат, голубчик, матушка, живая душа.* Ср. некоторые примеры: Ишь ведь, как сладко рассказывает, *бралиянтовый;* Как живете-можете, *бралиянтовые?;* ...ты, *алмазный,* либо пьян, либо вовсе с ума свихнул; Вот и улыбнулась, *изумрудная*!; Известное дело, *жемчужная;* Что ты, здоров ли, *яхонтовый?;* Да как же мне с женихом-то быть, *серебряный;* Что это у вас, *серебряные,* лестница-то какая крутая; Здравствуйте, *золотые*!; Здравствуй, *живая душа,* каково попрыгиваешь?

б) Красавина (трилогия о Бальзаминове): *красота ты моя писаная, разрисованная, красавица ты моя писаная, красавица моя, красота моя неописанная, младой*

вьюнош, сокол — вороньи крылья, мой друг, сударыня ты моя, матушка, матушка моя, милая, брат, окаянный, башмачник, варвар, победитель. Примеры: Ах ты, батюшки мои, как перепугал, *окаянный*!; *Красота ты моя писаная, разрисованная*!; А это я к тому говорю, *красавица ты моя писаная*, что ... Лень тебе, *красавица моя*, а то как бы не придумать; Прощай, *сокол — вороньи крылья*! Уж я к тебе больше не пойду; потому, *мой друг*, что хлеб за брюхом не ходит; Ну таким-то родом, *сударыня ты моя*, от этакой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать; Пила, *матушка*, раза четыре уж нынче пила; И как, *матушка моя*, овдовела...; Хоша оно в нынешнем свете с такой добродетелью жить трудно, *милая...*; Я, *брат*, и теперь от своих слов не отступлюсь; Скажи ты мне, *варвар*, что ты с нами сделал?; Прощай, *победитель*!

в) Карповна ("Бедная невеста"): *душа, девка, матушка, девушка.* Примеры: В людях жить, *душа*, кому сладко; Ишь ты, *девка*!а!; Да что, *матушка*, дети одолели.

"Сваха по дворянству" Панкратьевна ("Бедная невеста") использует также обращение *милушка.*

Все эти примеры (за некоторыми исключениями: *девушка, матушка, брат, мой друг* и подобные) не употребляются вне позиции "обращение" и не могут идентифицировать своих носителей, т.к. они подчинены лишь экспрессивной функции. Экспрессия делает эти обращения настолько неординарными, что их нейтрализованная замена невозможна. Смысл этих обращений заключается не в характеристике обозначаемого лица, а в характеристике отношения свахи к тому лицу, о котором идет речь. Иногда, в формулах речевого этикета экспрессивное содержание подобных обращений выступает как инверсия. Ср. обращение Устиньи Наумовны к Подхалюзину и Липочке: "Уж я вас, *золотые*, распечатаю: будете знать!" Здесь экспрессия обращения не соответствует смыслу всего высказывания. Это трафарет обращения "свахи по купечеству" к представителям купечества как класса. "...такое необычное употребление...основано на намеренном, сознательном отходе от соблюдения имплицитных семантических правил ради достижения особых целей разговорной и художественной выразительности"[11].

Показателен и количественный состав в лексико-тематической группе "обращение": "сваха по дворянству" использует экспрессивные обращения сравнительно редко (38% от общего количества реплик), тогда как "сваха по купечеству" использует образные и экспрессивные обращения, постоянно повторяющиеся — 61%. Некоторые обращения могут повторяться до 20 раз в одной пьесе. У каждой "свахи по купечеству" есть излюбленная лексико-тематическая группа, которая как бы продолжает ряд, активно действующий в роли "обращение". У Устиньи Наумовны — это название платьев и одежды. Причем как и в обращениях, она часто по ассоциации использует название дорогих камней и тканей: *атласный, гродафриковый, трепрашельчатый, жемчуг, шитое жемчугом, золотое платье, шелковый, шерстяной, шуба соболья, бахрома, соболий салоп, вырядиться, модный, голица, материя, наряд, настряпать, платье, платьице, опояска, смастерить, состряпать, чепчик, шаль, шлафорк, штаны.* (Ср. эту же группу у Красавиной, насчитывающую лишь 4—5 слов: *материя, платок, платок пукетовый, французский, турецкое платье*). Ее излюбленная тема — сказочная: *нов-высок, венец, гаркнул, королевишна, король, край-Москва, луканька, неминучая, по щучьему велению, моему хотению, сокол, терем, птица вещая, птичье моло-*

ко, уста сахарные, ерцогиня, прынц, царь Фараон. Некоторые лексико-тематические группы выделяются в языке только одной свахи. Например, у Красавиной — это "нормы общественного поведения": *лабет, афронт, бесчестье, прилик, провинность, страм,* у Устиньи Наумовны — "титулы": *вельможа, Бонапарт, комиссар, по-княжески, прынцесса.*

Как отдельный вопрос следовало бы рассмотреть освоение просторечными лексиконами свах иноязычных заимствований, имеющее не только лексический, но и фонетический аспект[12]. Но это уже тема специального исследования.

---

[1] *Долинин К.А.* Интерпретация текста. М., 1985. С. 45.

[2] *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967. С. 23.

[3] *Цейтлин Р.М.* Лингвистические труды Г.О. Винокура и современное языкознание: (К 90-летию со дня рождения) // ВЯ. 1986. N 6. С. 21

[4] В рамках профессионального лексикона с неизбежностью рассматривается ряд словосочетаний и грамматических форм.

[5] Пометы даются с точки зрения современного носителя и современного состояния языка. В случае двойной или тройной словарной пометы единицы лексикона воспроизводятся соответственное количество раз в выделенных рубриках.

[6] *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка 17—19 вв. М., 1982. С. 439.

[7] Слова, входящие в состав лексиконов исследованных персонажей, даются сразу в контексте. Во внутреннем расположении примеров не следует усматривать иного порядка, кроме алфавитного.

[8] *Островский А.Н.* Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1949—1953.

[9] *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. С. 206—207.

[10] *Вежбицкая А.* Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 245—246.

[11] Там же. С. 262.

[12] См.: *Журавлев А.Ф.* Иноязычные заимствования в русском просторечии // Городское просторечие. М., 1984. С. 104.

А.И. Девятайкин

УСТНАЯ РЕЧЬ ПИСАТЕЛЯ

В качестве основного материала для анализа взяты магнитофонные записи устной диалогической и монологической речи 70-летней писательницы из г. Саратова Е.М. Рязановой. Е.М. Рязанова (далее — Р.) — член СП СССР, пишет для юношества. Повести "На пороге юности" (1956), "Замок с секретом" (1963), "Как это все не просто" (1973) и др. Мы записали рассказ Р. в домашней обстановке, ее выступление перед студенческой аудиторией, несколько диалогов.

В устной речи Р. прежде всего обращает внимание отсутствие образных средств, столь характерных для ее художественной речи, где есть и сравнения, и эпитеты, и метафоры (например: *смуглые щеки проталин, снежная пудра, белые и шелковистые, как первые*

завитки у ягнят, пушинки, молодое солнышко посмеивается, ножи-сосульки начинают плакать крупными каплями-слезами, желто-зеленые пряди сена и т.д.). В устной речи Р. в отличие от ее письменной художественной речи незначительно число синонимов. Средняя частотность их употребления — 2—3 на 1000 слов. В записях двух продолжительных разговоров (каждый по часу) встретились лишь следующие синонимические пары: *предмет — вещь, думать — кумекать*. Большинство диалогов синонимов не содержит. Приведем для примера отрывок из одного разговора писательницы с Н. (друг с семьи, женщина 38 лет, доцент):

Р.: Нет/ нет// Она вы знаете/ все-тки (все-таки) это...э-э несколько замкнутая семья// — Н.: Ага// — Р.: Не столь я бы сказала (пауза) а-а общительная как скажем я с-с (не заканчивает мысль) // Ну она (пауза) э-э/ очень хороший человек// Вы знаете она очень честная// — Н.: Да да// — Р.: Немножко суровый (характер)// Как это/ холодный чуть-чуть// Нет/ холодный даже может слово неподходящее// — Н.: Ну вот именно суровый// — Р.: Для восточного /да-а // Темперамента // Нет скорей вот суровый / да // И-и... (не договаривает) / — Н.: А у кого восточный темперамент?// — Р.: Она должна быть восточным // — Н.: В смысле э-э /... (не договаривает) — Р.: Национальности// Н.: В смысле национальности// Ну я восток воспринимаю азиатский // — Р.: А-а / так? / да // — Н.: Ну ясно/ ясно// — Р.: Нет/ я так думаю //. — Н.: В смысле южного темперамента // — Р.: Южного / да да да // Но сколько мы с ней не... (не заканчивает мысль) / мы с ней очень давно знакомы / еще родился / при мне родился Боря // — Н.: Да-а?// — Р.: Да да // — Н.: Ясно // Слушайте / вы тут (пауза) как это называется — Р.: (вставляет) Да мы родня // — Н.: (продолжает) Матер фамилиас // — Р.: (смеется) Да да // Именно // При мне родился Боря // И мы жили на даче / э-э в садах гос... горсовета / а (пауза) они жили / (пауза) на шестой дачной / какое-то время // И ходили гулять в тот же лес / куда мы ходили гулять // Мы там часто встречались // — Н.: А что это за сады госсовета? // — Р.: Это очень хорошее место / вы знаете // — Н.: Да? — Р.: (продолжает) у-у горсовета есть... — Н.: (перебивает) а-а горсовета // — Р.: Горсовета // Да // Я невнятно произнесла очевидно // У-у них есть дачи // Щас (сейчас) эти дачи есть и у обкома/ и у горкома / а-а раньше было только горсовет имел эти дачи// — Н.: Ага // — Р.: Которые он отдавал в аренду// — Н.: (вставляет) У-у-у// — Р.: (продолжает) уважаемым людям // (смеется).

Что касается неологизмов, то в РР нашего основного информанта встретилось лишь одно новообразование *чивичивик* (обращение к воробью). Р. свойственно употребление (часто без необходимости) слов с эмоционально-оценочными суффиксами: возьмите *колбаски; петрушечку* купила; *укропцу* дать; берет *тарелочку;* возьми *огурчик; кусочек огурчика* и пр. Количество слов с подобными суффиксами возрастает, когда Р. говорит о внуке или дочери: *Инночка, Костик, Коська.* Р. человек общительный, добрый, расположенный к людям. Может быть, поэтому в ее речи много проявлений эмоциональности, восторженности. Эмоциональные оценки распространяются на людей,

животных, предметы обихода (У. — муж писательницы, профессор, 70 лет):

Р.: Да что вы говорите?! / — Н.: Да // — Р.: *Ой какая лапушка*! // У.: А-а / ну хорошо // Ну там еще у меня есть рецепт // — Р.: *Ну вот умница* //; Р.: *Что мой хороший*? // *Что мой хороший котик*// *Что моя хорошая коша? а?* // *Кисуля* // Вот в чем дело // (пауза) Что ты сюда притащила? // Рыбу?//; Р.: *Ах ты голубчик* / прилетел // (воробью) ... Есть / есть / чивичивик / есть хлебушко тебе //; Н.: А там у них была облепиха / и я там впервые вообще увидела облепиху / как она цветет / и как она... (не заканчивает мысль) / — Р.: *Прекра-а-сно!!* //; Н.: Тада (тогда) давайте делать салат // — Р.: Салат / да // *Салат это прекрасно* //; Р.: А у нас стол хорош? // — Н.: Хорош // — Р.: *Прелестный стол* //; У.: Она называется так еще / мазь от ушибов // — Р.: *Великолепная* (мазь) угу / — У.: Да // Лавровый лист...там (не договаривает) — Р.: Нужна корица // Нужна гвоздика // А это не всегда возможно в наших условиях // *Но очаровательное получается* / э-это... (пастила) / (не договаривает).

В разговорной речи Р. встретились слова, не относящиеся к РР по своей стилистической окраске, например: Выключили *электроэнергию* / *кончился газ* / *мы независимы* // (речь идет о том, что на даче Р. в летней кухне имеется печь). Вместо слова *электроэнергия* в РР должно было бы прозвучать слово *свет*. В другой раз (дома) Р. говорит: А мы платим *за свет* семь рублей // (участники бесед были те же). Еще пример: Я ведь *не регулирую* / *не регулирую*...э-э пробку // Надо / када (когда) сильный мороз / надо закрыть // (речь идет о пробке, которой закрывается вентиляционное отверстие в погребе); Щас (сейчас) я посмотрю // Вот у меня кусок мяса // Но он *мал* // И вот кусок мяса // Но он *велик* // ха-ха-ха //. Слова такого рода нередко встречаются в РР писательницы: возможно потому, что она долгое время работала учителем в школе и это до сих пор сказывается на речи.

В домашнем монологе Р. встретился случай звукоподражания: И действительно / когда я на него (товарный поезд) посмотрела / как он так скать(сказать) / *чух-чух-чух* / *чух-чух-чух* // Довольно медленно тада (тогда) ходили товарняки //.

В разговорной речи Р. встречаются фразы с элементами языковой игры. Например: Речь идет только *об здесь* //; Конечно // Так это *на кады?* (К какому времени) // На завтра? //; Это колбаса // Тока (только) надо ее сегодня достать // Чтобы она к *завтрему* оттаяла //. Мы спросили Р., обычно ли для нее слово *завтрему*. Р. ответила, что употребила его в шутку. Факт, что это слово в такой форме употребляется только в языковой игре, подтверждает наш материал. Буквально следующая фраза Р. выглядит так: ... и вот заранее нужно доставать / чтобы она только / *до завтра*... (не договаривает, но смысл такой: чтобы колбаса полежала и оттаяла). Р. охотно подхватывает за собеседником понравившиеся элементы языковой игры: Р.: А второй раз мы клеили *с Полиной* // — У.: *С исполином* конечно / да //; — Р.: *Исполина* у нас такя была // *Исполина* прелесть // Ага //; У.: Ты видишь К-на / не хватает твоих *жердёв* // —

Р.: Ну там же еще есть по-моему / нет? // *Жердёв?* // — У.: Хотела *стра́пила* поднять (стропила) // Р.: И *страпила* да // Были они у нас / да // Я думала сделать мансарду //; У.: Мы сами настилали пол в кухне // — Н.: Да что вы!? // — У.: Да // Когда пришел э-э сторож / он тут рядом живет / посмотрел и говорит да вы плотника́ (плотники) // Р.: (смеется) Да да // Плотника́ //.

Более показателен для выявления общих и индивидуальных черт синтаксис разговорной речи Р. Как и для РР других носителей языка для речи Р. характерно наличие негладких конструкций, например: Или на-а...лист э-э промасленной бумаги / на доске же // Пер... пергамент хорошо // Намазывается и высыхает в этом виде //; Нет / там уже нас они радешеньки / что мы едем //; Она южного (темперамента) да да да // Но сколько мы с ней не / мы с ней очень давно знакомы / еще родился / при мне родился Боря //.

В РР и непубличном монологе Р зафиксированы построения с разрывом словосочетаний, чего не было замечено в публичном монологе, например: Спортивные новости читает у нас... (не договаривает) — Николай Озеров? // Нет //; И кормила нас грибными / понимаете /п-э...щами//; И вот в моей памяти / застраяла такая история // которая очень (пауза) по настроению / отвечает тому времени //.

Как только разговор заходит о чем-то близком, волнующем, речь Р. становится отрывистой и, если не знать о чем беседа, даже непонятной, поскольку многие слова пропускаются (речь идет о годовалом внуке Р., который спал в коляске на улице. Р. на некоторое время отлучилась домой, в примере для собеседников было ясно из ситуации, что она быстро собралась и спустилась вниз): Вдруг ко мне звонят // Вы что?! // Кричит / он уже целый час / значит / это самое // Боже мой!! // Как я испугалась // Тронула нос / ледяной // Лицо совершенно ледяное // Ну думаю / будет воспаление легких //.

Нам удалось дважды записать неподготовленный рассказ писательницы об истории создания одной из ее повестей: первый раз дело происходило в домашней обстановке, второй раз — в университете: писательница выступала перед группой студентов. Основу лексики в обоих случаях составляют общеупотребительные слова. Около трети из них — незнаменательная лексика, причем с одинаковым распределением частиц и предлогов. Бо́льшее по сравнению с диалогической РР писательницы количество предлогов в монологической речи сближает последнюю с кодифицированным литературным языком. Частиц в монологической речи вдвое меньше, чем в диалогической. Наиболее употребительны — *вот* и *ну* (но их тоже немного). В монологах Р. частицы служат главным образом для передачи оттенков значений, иногда используются в роли заполнителей пауз (в основном паузы заполнены всякого рода междометными словечками типа э-э, э-эм, м-мм).

В неофициальной обстановке Р. строит свой рассказ непринужденнее, отчего в ее речи больше разного рода частиц, "лишних" слов вроде *значит, так скать* (сказать), *понимаете, скажем, словом, в общем* и пр.: ... заставило меня писать / *в общем-то* (пауза) заста-

вили / мои воспоминания //; Это саратовский писатель / участник (пауза) э-э революции // (пауза) м-м Бывший *так скать* (сказать) мастеровой / старый рабочий... /: Это в моей памяти застряло / Как кинокадры // *Понимаете* // Картины //; Вот эти вот эти самые комиссары / *понимаете ли* // комиссары в детских домах //.

В официальной обстановке Р. контролирует свою речь: в ней в два раза меньше, чем в неофициальном монологе незнаменательной лексики, "лишних" слов в роли заполнителей пауз. Анализ дал такую картину: пауз колебания в домашнем монологе в два раза меньше, чем в официальном, а вот заполнителей пауз — в два раза больше. Ясно, что официальность обстановки заставляет Р. контролировать речь на всех уровнях. И в том и в другом монологах Р. довольно много книжной лексики, использование которой может быть следствием самой писательской профессии. Р. употребляет сугубо книжный союз *ибо*. Например: Сдала тетрадку / и побежала готовить математику // *Ибо* в те поры / гуманитарные вузы / м-м в гуманитарные вузы // приходилось сдавать все предметы / которые были в школе //; Словом / не будь у меня вот этого вот опыта / (пауза) он бы пострадал очень сильно // *Ибо* это... (не договаривает) домашний рассказ; Один подсказал мне что я неправильно избираю себе профессию / *ибо* я собиралась обязательно в технический вуз // — официальное выступление.

В публичном монологе Р. не встретилось ни одного слова с экспрессивными суффиксами; в домашнем — их немало, например: *билетик, местечко, колышек, бугорок, листик, крошечка* и пр. Оба монолога содержат примерно одинаковое число прилагательных. Существительных в публичном монологе больше, чем в домашнем, что является следствием большей официальности первого и указывает на его большую близость к КЛЯ. В неофициальном монологе Р. гораздо шире и свободнее использует невербальные средства коммуникации: прежде всего жесты, например: И когда мы приехали в этот день на работу / снова пришлось чесать в затылках (показывает); Да-а / но тут я соскочила с велосипеда на ходу // Подняла его за рога вверх (показывает) так что колесо / переднее / завертелось (пауза) //; Я заревела публично // Слезы / знаете вот как в цирке у клоуна / вот так вот брызнули у меня / понимаете ли вперед // (показывает); А это был преподаватель / причем (пауза) с бородкой клинышком (показывает) / с усами (показывает) // — домашний диалог;

Такого типа знаете / э-эм с бородкой / типа (пауза) Чехова // Чеховская физиономия //; Вот она и (пауза) стуча кулаком перед носом своего мужа / кричала / ... (Р. стучит кулаком по столу) — выступление перед студентами.

Синтаксические построения двух вариантов рассказа также имеют различия. В домашнем монологе больше разного рода шероховатостей, в публичном мы встретили лишь несколько случае перестройки фраз на ходу: Н-н по одну сторону / э-эм прогулочные дорожки / дорожка в одну ... туда-а / а в противоположную сторону / по другую сторону / прогулочной дорожки //; И в один

прекрасный / вернее один из таких вот / тяжелых ж дней/ Андрейка Поляков / то ли зазевавшись / то ли еще что-нибудь / м-м произошло //; И-и / в общем-то / э-эм "Ватага" (повесть) произвела в свое время / большим успехом // — домашний монолог;

Вот када (когда/ э-э / нет виновата немножко раньше / (пауза, не заканчивает мысль); Потом када (когда) объединили и-и МИФЛИ сы (пауза) университетом московским / в период войны / был ректором университета / (пауза) Илья Саввич Галкин // — официальное выступление.

В целом же синтаксис публичного монолога Р. нормативен. Р. строит речь применительно к обстановке и ситуации. В монологах Р. синтаксические построения состоят, как правило, из 10—14 единиц. Кстати, синтаксис ее письменной художественной речи также не отличается сложностью. Возможно, это связано с индивидуальной особенностью писательского стиля, с тем, что книги Р. в основном обращены к школьникам. Особенностью морфологии устной речи Р. является равное количество прилагательных в монологах и диалогах. В использовании существительных значительных отклонений от РР обычных носителей не выявлено: в монологах существительных больше, чем в диалогах; значительно их число возрастает в публичном монологе в силу его большей официальности.

Анализ монологической и диалогической речи Р. позволяет отметить следующее: небезразличие к форме и средствам выражения, владение нормами литературного языка и использование их в зависимости от обстановки и ситуации; пристрастие к эмоционально-оценочным суффиксам, незначительное использование образных средств, малое количество синонимов.

С.И. Гиндин

БИОГРАФИЯ В СТРУКТУРЕ ПИСЕМ И ЭПИСТОЛЯРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Различные речевые жанры в разной степени пригодны для изучения языковой специфики личности. И дело тут не только в том, что некоторые жанры регламентированы настолько, что практически не оставляют места для проявления личностных особенностей, да и не нуждаются в таком проявлении[1]. Не менее важно то обстоятельство, что речевые жанры в своем бытии привязаны к конкретным сферам речевой деятельности. Поэтому в пределах каждого такого жанра может проявиться лишь часть спектра языковых навыков и умений человека, а именно те, которые нужны в данной сфере речевой деятельности. Для того, чтобы описать весь спектр, нужно изучать речевую деятельность личности в достаточно представительном наборе жанров. Конечно, сам набор жанров, которыми владеет и пользуется человек, является одной из важнейших характеристик

его "языковой личности". Но необходимость исследовать языковые навыки по совокупности разнородных, иногда несовместимых между собой жанров ставит исследователя перед нелегкими и не всегда очевидными методологическими проблемами.

Однако внимательный анализ реального многообразия речевых жанров показывает, что среди них есть небольшое количество таких, для которых введенная М.М. Бахтиным в определение жесткая привязка к сферам речевой деятельности оказывается неправомерной. Границы речевых сфер оказываются для таких жанров проницаемыми, благодаря чему жанры эти приобретают определенную универсальность (чем, кстати, вносят немалый вклад в обеспечение единства общенародного языка, которое вовсе не так индифферентно к разнородности и множественности жанров, как то представлялось М.М. Бахтину[2]). Именно универсальные жанры являются особенно благоприятным полигоном для исследования языковой личности во всем богатстве ее проявлений.

К числу подобных жанров, обладающих большой степенью универсальности, безусловно принадлежат и письма. Но у них есть еще одно немаловажное для нас свойство. Жанр писем замкнут относительно ответной коммуникативной реакции: ответ на письмо, если пишется, то также в жанре письма. Благодаря этому письма легко и естественно выстраиваются в различные единицы более высокого уровня: пара "письмо — ответ", цепь взаимосвязанных писем двух корреспондентов между интервалами в переписке, полная переписка двух лиц, корпус писем одного автора к разным адресатам. С ростом ранга этих единиц в их структуру все более вторгается такая переменная, как биографическое время. В результате опора на письма позволяет лингвисту увидеть и реконструировать динамику языковых навыков и умений — вне которой, по-видимому, нечего думать о постижении языковой личности в реальности и полнокровности ее исторического бытия.

Предлагаемая работа представляет собой попытку именно такой реконструкции биографической динамики речевого поведения и языковой личности на основе писем. Материалом исследования послужили черновые письма В.Я. Брюсова, сохранившиеся в его рабочих тетрадях 1893—1899 гг. и ниже называемые "тетрадными письмами", или "тетрадным массивом"[3]. Во внешней биографии Брюсова названные годы — время учебы в Московском университете и шумных литературных дебютов, во внутренней — время духовного созревания, становления миросозерцания, непосредственной подготовки вершинных творческих достижений. Значение тетрадных писем как источника для изучения этого важнейшего периода жизни и творчества Брюсова трудно переоценить. В частности, учет изменений, происходивших в структуре писем, в запечатленном в них эпистолярном поведении позволяет наметить периодизацию биографии поэта, его духовного и языкового развития. За пять с небольшим лет, представленных в нашей публикации, общий характер брюсовских писем дважды претерпевал кардинальные изменения. Первый раз это произошло в начале осени 1896 г., второй раз — на исходе лета

1897 г. Изменению подвергались самые существенные особенности строя писем: коммуникативные, структурно-композиционные, содержательно-тематические.

Для первого периода (осень 1893 — август 1896 г., пп. 1—48) характерно, что большинство писем (28 из 48) являются ответными, т.е. были написаны в ответ на некоторое встречное письмо адресата. Инициативные письма, написанные Брюсовым без какого-либо встречного коммуникативного стимула со стороны адресата, нередко (из 20—8) оставались неотправленными, а, возможно, и с самого начала не предназначались к отправке и писались лишь как "воображаемая беседа" с адресатом. В п. 29 к Фриче это сказано прямо в тексте, но вряд ли Брюсов сколько-нибудь всерьез думал и об отправке достаточно экстравагантных и весьма резких писем к Ясинскому (п. 4) и к Герье (п. 6). П. 1 к Верлену, в отличие от писем к Ясинскому и Герье, не содержит ничего, что принципиально затрудняло бы его отправку к адресату. Но отсутствие в рукописи (в противоположность более поздним письмам к тому же Верлену и к Приске де Ландель) следов перевода на французский язык свидетельствует, что подготовка письма к отправке даже не была начата. Показательно, что в том единственном известном в данный период случае, когда реально состоявшаяся переписка с отечественным корреспондентом (Ф. Зариным) началась всецело по инициативе Брюсова, в тетрадь попадает и обработке подвергается не первое, инициативное, а лишь второе, ответное письмо.

С преобладанием в тетрадях в первый период ответных, а не инициативных писем связаны еще две важных коммуникативных особенности писем этого периода: сравнительное обилие адресатов (многоадресность массива) и заданность круга адресатов извне. 48 тетрадных писем этого периода адресованы 27 различным адресатам, т.е. на каждого из адресатов приходится в среднем по 2 письма. Ни к кому из этой массы адресатов не устанавливается никаких устойчивых тяготений. Брюсов, в основном, отвечает тем, кто пишет ему, а, значит, не выбирает адресатов по свободной прихоти или особому влечению.

Таковы наиболее существенные внешние, коммуникативные особенности тетрадного массива в первый период. Из характерных особенностей внутренней структуры писем этого периода остановимся прежде всего на их диалогичности. Во всяком письме явно или неявно присутствует некоторый образ адресата, представление о нем. В частности, коммуникативное представление об адресате создается благодаря тому, цитируются ли и упоминаются ли в письме какие-либо высказывания адресата и содержатся ли в письме прямые побуждения адресата к продолжению общения. В письмах монологических адресат предстает лишь как молчаливый восприемник сообщаемого, его высказывания не цитируются и не упоминаются, нет в нем и вопросов, предполагающих последующий ответ адресата. Чем больше высказываний адресата использовано в письме и чем больше побуждений адресата к высказыванию в

нем содержится, тем оно диалогичнее. Признаками такой диалогичности могут быть: 1) сочетания личных и притяжательных местоимений второго лица со всевозможными глаголами говорения и письма: *Вы пишете..., Ты спрашиваешь..., В Вашем письме говорится...* и т.п.; 2) обращенные к адресату повелительные и сослагательные формы глаголов письма и говорения: *Напишите мне..., Если б Вы написали мне..., Расскажите...*, особенно важны случаи, когда эти формы сочетаются с косвенными вопросами: *Напишите, что Вы думаете...;* 3) вопросы к адресату. В первом случае автор письма предстает как участник диалога, отвечающий на стимул со стороны адресата, принявший от последнего инициативу в ведении диалога, во втором и третьем — как создатель нового стимула, побуждающий к диалогу и передающий инициативу общения адресату. Во втором и третьем случае всегда предполагается, что дальнейший диалог будет (если адресат подхватит инициативу) реальным. В первом же случае диалогичность может быть реальной, когда цитируются те или иные высказывания, действительно ранее сделанные адресатом, например, в предшествующих письмах; а может быть и изображаемой, упреждающей, когда приводятся те высказывания, с которыми адресат мог бы выступить, если б он уже знал те или иные положения того письма, которое ему еще только предстоит получить и прочесть. Сигналом такой изображаемой диалогичности служит постановка глаголов говорения при местоимениях второго лица в будущем времени: *Вы мне ответите, что...* и т.п.

Степень диалогичности брюсовских тетрадных писем первого периода различна, но в значительном большинстве этих писем она выражена достаточно ярко. Хороший пример реальной диалогичности находим в п.9 к Зарину, где сфера действия таких выражений, как *Относительно Ваших условий..., Вы пишете, что боитесь показаться солидарным с некоторыми крайностями декадентства* и отсылающее к последнему *Что касается того, что Вы боитесь оказаться в соседстве бесцветного поэта,* в совокупности охватывает практически весь текст письма.

П.15 к Добролюбову начинается прямой ссылкой на вызвавшее его к жизни письмо адресата: *Ваше письмо дышит упреком....* Затем идет последовательный разбор конкретных высказываний из письма Добролюбова и ответ на них: *Вы говорите, что... — как же могло быть иначе, Вы просите прислать... но у меня.* В сущности вся основная часть брюсовского письма есть такой непосредственный диалог с письмом Добролюбова, а последний ее абзац перед постскриптумами соединяет этот разговор на бумаге с собственно разговорами, происходившими во время пребывания Добролюбова в Москве.

До этого момента характер диалогичности п.15 по сути не отличается от диалогичности п.9 к Зарину. Первый постскриптум существенно обогащает диалогическую палитру: от ответа и защиты Брюсов переходит к "нападению". Сначала следует серия вопросов *Читали ли Вы...*, провоцирующая адресата к продолжению диалога, а затем —

прямое побуждение: *Так Вы пишите.* Из ретроспективной диалогичность становится здесь проспективной. Третий постскриптум как бы совмещает в себе особенности основной части и первого постскриптума. Сначала Брюсов обращается к адресату с пожеланиями об интерпретации своего письма: *Не прочтите моих слов в ином смысле, чем я им придаю.* Потом он возвращается к анализу прошлых высказываний адресата (*Вы во многом упрекаете нас...*), и, наконец, в завершении письма следует новое и беспрецедентное по энергичности побуждение к продолжению эпистолярного диалога: *Отвечайте или будете прокляты.*

Для тетрадных писем первого периода характерным является и проникновение диалогичности в такие письма, которые по замыслу и обстоятельствам своего написания могли бы оказаться стопроцентно монологичными. Скажем, самое раннее из писем к Верлену (п.1) по своему жанру является запросом и потому, естественно, содержит побуждение адресата к продолжению диалога: *Не сообщите ли Вы мне...*, в конце письма еще и усиленное: *Пожалуйста, поскорее...* . Но вот последнее из писем к Верлену, по своему жанру — сопроводительное, вовсе не предполагало никаких элементов диалога. В первом варианте (п.19А), никаких явных признаков диалогичности, действительно, нет. Зато во втором варианте Брюсов вводит просьбу об ответном письме: *Если б Вы нашли пять минут...* (цитирую перевод письма). Еще важнее, что во втором варианте появляется ретроспективный диалог с адресатом. Не имея возможности сослаться на какие-либо высказывания из писем, которые были бы адресованы лично ему, Брюсов отвечает на положения, содержавшиеся в статье Верлена: *У Верлена нет последователей, сказали Вы однажды....* Тем самым неэпистолярное произведение выступает в качестве эпистолярного стимула, а малоизвестность источника как бы дает понять, что все творчество Верлена его юным корреспондентом было воспринято как личное послание ему, Брюсову. Внимательно присмотревшись к первому варианту п.19, мы увидим, что скрытое зерно этого ретроспективного диалога было уже и в нем — слова *в той мере, в какой Верлен может иметь учеников* были скрытой отсылкой к тому же высказыванию Верлена, на которое Брюсов явно ссылался во втором варианте. Диалогичность этого места в первом варианте могла быть замечена и оценена только адресатом, во втором варианте она сознательно декларирована автором.

С превращением неэпистолярного речевого произведения в эпистолярный стимул имеем дело и в п.21 к Ф-ву. Если в письме к Верлену такое превращение создавало лишь один из фрагментов письма, то здесь оно становится основой конструкции всего письма. Брюсов не разбирает неудачный, с его точки зрения, перевод из Верлена как готовое литературное произведение — такой ход, гораздо более привычный в писательских письмах, дал бы в итоге письмо монологическое. Брюсов же представляет шаг за шагом процесс создания перевода: 1) *уничтожить размер,* 2) *из 4 строф сделав две,* 3) *исказить смысл стихотворения,* 4) *сверху напи-*

сать "из Поля Верлена". Перевод превращается в высказывание переводчика, акт его коммуникативного поведения, и вот на это высказывание и отвечает в своем письме Брюсов, вдобавок еще и приглашая адресата к авто-оценке.

Выше, при разговоре о первом варианте письма к Верлену (п.19), мы обнаружили, что диалогичность письма может не объявляться автором, а быть скрытой, проявляясь лишь в неоговоренном и неотмеченном никакими знаками типа кавычек использовании высказываний адресата или в также неоговоренной, но очевидной для самого адресата отсылке к такому высказыванию. Скрытой диалогичности во многом родственна настройка монологического письма на тематику того письма от адресата, ответом на которое служит данное письмо. Если встречное письмо адресата содержало какие-либо вопросы (и эквивалентные им просьбы-пожелания), то настройка должна проявиться прежде всего в наличии ответов на эти вопросы. Если вопросов не было, то настройка должна проявиться прежде всего в развитии (например, обсуждении, о других видах развития см. ниже при рассмотрении писем третьего периода) той тематики, о которой писал адресат. Без такой настройки новое письмо автора, хотя бы оно и было формально объявлено как ответное, фактически функций ответа не выполняет — это инициативное сообщение, начинающее новый виток эпистолярного общения или, точнее, открывающее возможность такого витка. Формальным проявлением настройки является высокая степень лексико-тематической общности между ответным письмом и письмом адресата, на которое дается ответ.

Если скрытая диалогичность — неотмеченное цитирование высказываний адресата и различные скрытые отсылки к ним —для тетрадных писем первого периода нехарактерна, то степень настройки всех ответных писем этого периода очень высока, в чем легко убедиться, сопоставив, например, письма к Н.Н. Бахтину или И.О. Лялечкину с приводимыми в комментариях к этим письмам фрагментами из писем адресатов. Иными словами, отвечая своим корреспондентам, Брюсов в этот период действительно отвечает им, а не использует их письма лишь как повод для собственных излияний. Не случайно даже в инициативном п.29 к В.М. Фриче Брюсов пытается создать некий аналог настройки на адресата. С этой целью в самом начале письма дается специальная мотивировка обращения именно к данному адресату: *Живу сейчас в области эпопеи — мире Ваших знаний,* а значит, пишу о том, что Вам будет интересно и о чем можно написать только Вам.

Перейдем от характеристик структуры писем к характеристикам, также объективным, их содержательной стороны. Высокая степень настройки подсказывает, что при большом количестве адресатов конкретная тематика писем первого периода должна отличаться, во-первых, заданностью, зависимостью от тематики встречных писем и, во-вторых, значительным разнообразием. Разнообразие и дробность конкретных тем не исключает, однако, возможности существования каких-то общих тематических направлений,

предпочтений, общих если не для всех писем, то для значительной их части. В этом плане самой существенной особенностью содержания писем первого периода является их экстравертность, объективированность их тематики. За исключением пронзительных по искренности признаний в п.15 и 46 к Добролюбову, а также письма к Поливанову (п.14), Брюсов почти не касается своей внутренней душевной жизни, избегает посвящать адресатов в подробности своих человеческих взаимоотношений. Даже говоря о себе, о своем творчестве, он говорит преимущественно о внешней, объективируемой стороне своей деятельности — о произведениях, об обстоятельствах работы над ними. Сообщение о собственных новых стихотворениях в п.32 к Бальмонту по тону и характеру практически не отличается от следующего затем сообщения о новых стихах Курсинского, и даже связь их с сильными личными переживаниями упоминается здесь не для рассказа о переживаниях, а для констатации общеэстетического вывода о зависимости поэзии от жизни.

В то же время в пределах возможного круга таких объективированных тем письма первого периода обнаруживают стойкое тематическое тяготение лишь к одной из сфер жизни — к литературе (прежде всего — поэзии) и к литературной жизни. Письма типа п.12 к Биндасовой, дающего разностороннюю характеристику бытовой стороны жизни, или п.3 к ней же, излагающего мировоззренческо-этическую проблематику, в первый период можно пересчитать по пальцам. Брюсов оценивает произведения корреспондентов, высказывает свое мнение о печатных новинках литературы, наблюдения над классическими произведениями и суждения о проблемах дальнейшего развития поэзии, сообщает о своих новых стихах и стихах своих знакомых, дает теоретические советы начинающим, выступает как организатор альманаха.

Еще одной очень существенной особенностью тетрадных писем первого периода является их прозаичность. Это их свойство интуитивно легко ощутимое, труднее, чем предыдущие, поддается словесному определению. По-видимому, оно слагается из двух более элементарных свойств. Первое из этих двух составляющих свойств кроется в особенностях содержательно-тематической стороны писем (как и обсуждавшаяся выше экстравертированность) и заключается в реальном существовании объектов, о которых ведет речь автор. Область, из которой берутся факты и события, может быть любой, от быта до поэтики, но во всех случаях речь идет о фактах, объектах, лицах, существующих или существовавших в действительности, а не изобретенных фантазией и воображением автора, как то будет в письмах поэтических.

Чтобы сказать об этих последних, нам придется немного забежать вперед и воспользоваться примерами из писем других периодов, так как в первом периоде письма поэтические решительно отсутствуют. Поэтические письма отличаются прежде всего тем, что в них речь идет как правило об объектах и событиях либо вымышленных, либо поставленных в воображаемую ситуацию, выра-

женных сослагательным наклонением. Так, вымышлены *великаны изо льда и пламени* и *звенящая ночь* в п.59 к Павловской. Поводом к "письму Бальмонту о чуме" (п. 88) послужили сообщения газет о реальных случаях заболеваний, но предмет описания — целиком в сослагательном наклонении: а вот что было бы, если б настоящая эпидемия, подобная тем, что случались в средневековье, пришла в большой современный город. Конечно, и такие письма соотнесены с автором и адресатом, и в них появляются реальные объекты, но и они либо предстают перенесенными в ту же воображаемую ситуацию (а вот как бы я, Брюсов, чувствовал себя, приди к нам эпидемия), либо интересуют автора только в своем отношении к вымышленным героям и событиям (*мы* в п. 59 возникает как элемент сравнения с *великанами*).

Несколько труднее отделяются от прозаических те поэтические письма, что посвящены некоторым общим темам, универсальным положениям (таково, например, п. 82, в разных источниках адресовавшееся и Бальмонту, и Добролюбову, о *познании самого себя* и письмо к Самыгину о невозможности *искать предел*). Ведь такие темы и положения могут быть и предметом вполне прозаических писем. Ощутимый водораздел в данном случае определяется, как кажется, композицией писем. В прозаических письмах тезисы, претендующие на универсальность, подлежат последовательному почастному разбору и верификации. Так в п.3 сначала демонстрируется, что разделение поступков на добрые и злые изменяется с течением времени, затем — что хорошие по замыслу поступки часто приводят к безусловно дурным последствиям. Из этих двух посылок делается общий вывод, что разделение поступков по двум указанным классам есть лишь некоторая условная норма, функционирующая в силу своего общественного признания, "общепринятости". Из этой же максимы делается вывод о праве личности не считаться с этой условностью и действовать, опираясь на собственные представления об этом разграничении. Совершенно иначе строится поэтическое письмо, например, указанное выше письмо к Самыгину. Каждое "положение" здесь не выводится из предыдущего по законам логики, но лишь продолжает одну из тем, намеченных в предшествующей части письма (ср. ниже анализ п. 59 и п.66). Если здесь и действует какая-либо закономерность изложения, то это семантическое варьирование и эмоциональное нарастание.

Сказав об эмоциональном нарастании как одном из принципов композиции поэтических писем, мы фактически подошли к еще одному признаку, крайне существенному для характеристики писем первого периода: это их интонационная сбалансированность и эмоциональная уравновешенность. Преобладающий тон и одновременно жанр писем первого периода — спокойная беседа, автор сообщает или спрашивает, но не проклинает и не обличает, не воспевает и не славит, не проповедует и не агитирует. Интонационно это выражается в малом количестве восклицательных предложений и усилительных конструкций, лексически —

в редкости экспрессивно-оценочных выражений, содержательно — в сравнительной редкости душевных излияний и мировоззренческих высказываний, а также в их нейтральной модальности (последнее связано, конечно, с обсуждавшейся выше экстравертированностью содержания писем первого периода).

Итак, письма первого периода характеризуются многоадресностью, ответностью, диалогичностью, настроенностью на тематику встречных писем, экстравертированностью тематики, прозаичностью, интонационно-экспрессивной и эмоциональной сбалансированностью, модально-оценочной нейтральностью. Иными словами, перед нами о б ъ е к т и в н а я э п и с т о л я р н а я м а н е р а в лучшем смысле этого слова.

Письма второго периода, с октября 1896 г. по август 1897 г. (п.49—72, п.73 является уже переходным к третьему периоду), напротив, в массе своей воплощают резко выраженную с у б ъ е к т и в н у ю манеру. Конечно, она устанавливается не сразу. За п.49 к Бальмонту, которое при чтении тетрадного массива в хронологическом порядке поражает своим контрастом с письмами первого периода, следует п.50 к Сологубу, которое вполне могло быть написано и в первый период. Однако затем новые черты, сказавшиеся в п.49, все более закрепляются и развиваются, оттесняют объективную манеру и начинают на некоторое время восприниматься читателем как доминирующие.

Прежде всего меняются внешние коммуникативные условия. Бросается в глаза заметное о г р а н и ч е н и е к р у г а а д р е с а т о в. В первый период этот круг был принципиально открытым и его размеры во многом определялись фактором, лежавшим вне автора: притоком встречных писем, требовавших ответа. Во второй период перечень адресатов тетрадных писем становится по-существу закрытым и определяется прежде всего личными тяготениями автора: он пишет тем, с кем ему необходимо общаться. Подавляющее большинство тетрадных писем адресовано во второй период лишь трем людям — Бальмонту, Самыгину и Павловской.

С ограничением круга собеседников меняются и поводы к конкретным письмам. Заметно у в е л и ч и в а е т с я д о л я и н и ц и а т и в н ы х писем, и эти письма уже не остаются достоянием эпистолярного дневника, как бывало в первый период, а предназначаются к реальной отправке. По своей инициативе Брюсов пишет письма не только к Бальмонту и к Павловской, но и к такому "разовому" адресату, как Облеухов. Инициативным было и первое письмо к И.М. Рунт (п. 69), сыгравшее важную роль в личной судьбе поэта.

В тех же письмах, которые написаны в ответ на встречные письма адресатов, по сравнению с первым периодом резко у м е н ь ш а е т с я н а с т р о й к а на тематику встречного письма. Часть письма, содержащая действительные ответы адресату или разработку заданных адресатом тем, как правило, значительно меньше той части, что отведена вполне "инициативным" излияниям и сообщениям Брюсова.

Во внутренней структуре писем росту инициативности соответствует резкая убыль, почти полное исчезновение диалогичности. Коммуникативный образ адресата из писем практически исчезает. В письме к Бальмонту это с пронзительной искренностью признает сам Брюсов: *Занятый своими печалями, я как-то теряю Вашу душу. Только изредка возвращают мне Вас стихи в журналах* (п.71Б). Образ адресата возникает не из переписки с ним, а из его опубликованных произведений, отнюдь не адресованных лично Брюсову! Письма Брюсова становятся в это время личным монологом по преимуществу. Цитаты из встречных писем встречаются в этот период в его письмах в настолько отрывочном, скрытом и зашифрованном виде (например, *бой быков* в п.51), что их с трудом воспринимаешь в качестве чужих высказываний и охотно проецируешь на собственную образную систему автора. Два случая развернутого диалога, представленные в п.52 к Павловской и в п.61 и 65 к Бакулиной, также весьма показательны. В п.52 это целиком упреждающий диалог, в котором автор фактически сам говорит за адресата. В письмах к Бакулиной (если правильна изложенная мною в комментариях к ним гипотеза о составе ответа) основное содержание ответа было изложено в п.61, объявленном черновиком старого письма, как бы даже не обращенным к Бакулиной, а непосредственно обращенное к ней п.65 сделано весьма кратким и в значительной мере формальным.

В прямой связи с инициативностью и монологичностью писем второго периода находится и почти полная интравертированность их тематики. Главная и преобладающая тема большинства писем — сам автор, его переживания и заботы. Даже письма из Германии наполнены не столько описанием увиденного, сколько чувствами по поводу увиденного. Единственное яркое исключение — п.50 к Сологубу, но ведь оно написано в самом начале второго периода и к тому же единственное за весь период фактически не было отправлено, так как отправленный вариант не включал почти ничего из его содержания и был выдержан совсем в другой, формально-официальной манере.

К концу периода в уже цитированной фразе из п.71Б Брюсов сам признал эту эгоцентричность: *Занятый своими печалями...* . В этих словах он одновременно указал и преобладающий эмоциональный тон писем второго периода, и преобладающую в них модальность взгляда на мир. Письма первого периода выше были названы сбалансированными. Письма второго периода вызывающе односторонни: это письма пессимиста, письма-жалобы, письма-ламентации. Это проявляется и в их интонации (*Грустно, без конца грустно!* — п.69), и в лексике, и в прямых констатациях типа *Жить очень горько...* (п.59), *Горько знать, что все возможное бесцельно, на единственное нужное нет сил* (п.62).

Концентрация на собственных переживаниях в жанровом отношении сближает письма второго периода с лирикой, поэтому не случайно, что среди них появляются и образцы поэтических писем. В п.59, о котором уже говорилось выше, центральное место

занимают вымышленные объекты, созданные поэтической фантазией автора. Вместе с тем композиционное строение и развитие этого письма также носит специфически поэтический характер. Начнем с того, что письмо делится на пронумерованные части. Если обычно в письмах границы абзацев лабильны, то здесь нумерация закрепляет их, как бы уподобляя их границам строф в поэзии. Присмотримся и к способам развития тем в письме, например, центральной для письма теме "отсутствия цели". Выдвинув в первой части тезис *Обмануть себя, сказать, что есть цель, все же возможно,* Брюсов не доказывает его последовательно и логически, не приводит и прямых иллюстраций. Вместо этого во второй части вводится образ *сильных волей великанов* и говорится, что *мы,* а значит, и автор, и его адресат, *не сумели им подражать,* т.е. не обладают *сильной волей* — качеством, без которого немыслимо достижение серьезных целей. К тому же автору *кажется, что все умерло,* а в царстве смерти о *цели* говорить бессмысленно. В третьей части выдвигается программа *итти, чтобы не оглянуться* и утверждается, что *другого* выбора *нет.* Это фактически синонимическое перефразирование исходного тезиса об отсутствии цели. Еще одна подобная перефразировка дается в четвертой части: *Не надо, ничего не надо.* Здесь же ведущая тема получает расширение и ударную концовку в заключающей письмо цитате из Тютчева: нет не только *цели,* но и *творца* и, вообще, *смысла.* Сходным образом, но в чем-то даже и более сложно, развиваются параллельная тема "плача" (так же пронизывающая все письмо, но проходящая через частичное отрицание и приводящая в итоге во многом к антонимичной ей теме "мужества"), и связанная и с "плачем", и с "целью" тема "сердца".

Образчиком другого типа поэтического построения — не сквозного развития, а ступенчатого переключения тем — может служить другое письмо к Павловской, п. 66. Темы этого письма условно можно обозначить: 1) *Я люблю тебя и мысленно стремлюсь к тебе,* 2) *Я читал твои письма Самыгину,* 3) *Метерлинк о видимых душах,* 4) *Моя душа недоступна единению,* 5) *Единение на высотах,* 6) *Картина Нестерова "На горах".* Каждая из этих тем в отдельности могла быть разработана в прозаическом письме, но их объединение, притом на малом пространстве, эквивалентном примерно полутора страницам машинописи, возможно лишь при следовании законам ассоциативного семантического нанизывания и переключения, что графически подчеркнуто в авторской рукописи с помощью тире, отделяющих каждую тематическую часть (кроме пятой) от предшествующей.

Тетрадные письма, относимые к третьему периоду (п. 73—102), и сентябрьское письмо из Сорочинец к Самыгину по хронологической смежности соблазнительно было бы отнести ко второму периоду. Между тем в них явственен возврат к объективной манере первого периода. Прежде всего, все три письма представляют собой развернутое прозаическое изложение наблюдений над находящимися вне автора явлениями (лекции и переводная поэма Бальмонта)

и впечатлений от поездки и последней встречи с Павловской. Переживания, вызванные этой встречей, куда глубже и серьезней переживаний, связанных с пребыванием в Германии, и все же передача этих переживаний здесь не заслоняет повествования. Во-вторых, во всех трех письмах снят тот знак мировой скорби, под которым подавалось все в письмах второго периода. К автору как бы вернулась былая сбалансированность эмоционального тона и оценочной модальности его отношения к миру. Поэтому новые письма резоннее расценить не как продолжение и развитие второго этапа, а как начало или, во всяком случае, предвестие нового, третьего этапа.

Тетрадные письма, относимые к третьему период (п.73 — 102), охватывают время с конца августа 1897 г. до конца всего тетрадного массива, т.е. до февраля 1899 г. Возврат к эпистолярным принципам первого периода, который мы готовы были усмотреть в п.73 А-Б, оказывается, как то обычно бывает, неполным: это возврат на новом витке развития, обогащенный наиболее ценным из приобретенного в промежутке между двумя сходными периодами. В письмах третьего периода, как представляется, мы имеем определенный синтез наиболее плодотворных начал обоих предшествующих этапов. Брюсов в целом действительно возвращается к объективной манере первого периода, но и субъективное начало второго не уходит совсем, а предстает как бы в очищенном и преображенном виде.

Количество адресатов в это время по-прежнему невелико, но все же круг их не так замкнут, как во втором периоде. Среди них вновь появляется Перцов, обрыв переписки с которым был одним из ярких проявлений конца первого периода. Входят в число тетрадных адресатов и те лица, общение и переписка с которыми станут важными элементами жизни Брюсова уже в "послететрадную эпоху" — И. Коневской и К. Случевский. Но основных, безусловно доминирующих адресатов по-прежнему трое, только вместо умершей Павловской в этой тройке теперь Добролюбов, отношения с которым именно в это время обретают настоящую внутреннюю наполненость и духовную значимость.

Сохраняется в третий период и сложившееся в предшествующий период относительное равновесие между ответными и инициативными письмами, свидетельствующее о брюсовской активности во взаимоотношениях с корреспондентами. Важно, что инициативными оказываются не только отклики на произведения адресатов: Брюсову (особенно показательны здесь его письма к Добролюбову) далеко не безразличны и жизненные судьбы адресатов. Инициативны и многие реплики в философско-мировоззренческих дискуссиях с Самыгиным.

Объективность манеры, легко ощутимая после писем предыдущего периода, проявляется в двух главных группах писем третьего периода, однако, совершенно по-разному. Одну группу составляют здесь прозаические письма с их экстравертированной тематикой и

www.ruslang.ru

определенной степенью диалогичности, достигающей своего пика в последних письмах к Бакулиной (п.89) и к Перцову (п. 91), а также в некоторых из писем к Самыгину. Другую группу составляют особенно многочисленные в этот период поэтические письма. На первый взгляд они кажутся прямой противоположностью прозаическим письмам: какая уж тут объективность, если все поэтические письма последовательно монологичны. Но содержание этих монологов существенно иное, нежели в монологических излияниях второго периода. Все, о чем говорится в поэтических письмах третьего периода, пропущено через горнило личного опыта, но изложению подлежит не сам опыт, а его итоги, найденные в нем общезначимые истины: *Малый мир человека то же, что великий мир вселенной. <...> Нет ничего иного целого* (п.82); *Но закрытые глаза не избавят от видений. И будь это самый малый из всех, знающий не может не помнить, что кто-то ждет* (п.83; его композиция наглядно воплощает этот переход от индивидуального биографического опыта к общезначимым философско-поэтическим выводам) и т.д. Перед нами не исповедь, как в монологах осени 1896 — лета 1897 г., а проповедь (которую, однако, самое содержание — доказательство равновеликости душ, — а также поэтическая форма избавляют от всякого догматизма и принудительности, присущих обычно жанру проповеди). Объективность поэтических писем третьего периода именно в содержании, а не в структуре.

И еще одно свойство объединяет и прозаические и поэтические тетрадные письма третьего периода, решительно противопоставляя их письмам и первого, и второго периода: их эмоциональная тональность и модальность выраженного в них отношения к миру. Единственное письмо второго периода с подробным разбором чужих произведений (п.50) отсылается в другой редакции, фактически без этого разбора: потеряв *свое место в мире* (п.69), Брюсов не чувствует за собой права на такой разбор. В третий период подобные разборы в изобилии, самое их появление, как мы видели, становится признаком перемены, и если мы сравним первые разборы в п.73 с позднейшими (п.86, 87, 100—102), мы увидим, что замечания и наблюдения в них со временем все больше опираются на формирующиеся общие творческие и эстетические принципы самого Брюсова. И те монологи-проповеди, какими являются поэтические письма, ведь так же опираются на молчаливую презумпцию своего права на проповедь. Отсюда их победительная, мажорная тональность, так гармонирующая с выраженным в них взглядом на мир и жизнь, в конечном счете — безусловно жизнеутверждающим. Эта тональность и это мироотношение — разительный контраст не только с растерянностью и пессимизмом писем осени 1896 — лета 1897 г., но и с эмоциональной и интонационной сбалансированностью писем конца 1893 — лета 1896 г.

Итак, мы видим, что весь тетрадный массив на основании вполне объективных свойств поэтики писем может быть подразделен на три четко выделяющиеся части. Каждая из этих частей ввиду

своей хронологической обособленности соответствует определенному этапу биографии и духовной эволюции Брюсова.

Первый этап: конец 1893 г. — лето 1896 г. Это время символистского "бури и натиска", когда юный поэт предпринимает энергичный штурм российского Парнаса, время его большой творческой активности и одновременно — пик его общественной, литературно-организационной деятельности. Общественное непризнание предопределяет конечную неудачу штурма, разочарование поэта и в собственных силах, и в своих сподвижниках. Конец этапа ознаменован составлением книги "Me eum esse" и отказом от начатых и задуманных издательских предприятий.

Второй этап: осень 1896 г. — август 1897 г. Это время жестокого творческого и душевного кризиса, почти полного отказа от былых надежд, иссякания поэтического творчества, метаний, неуверенности в себе, затворничества, резко контрастирующих с целеустремленным напором и литературно-организаторской активностью первого этапа. Выход из кризиса открывается летом 1897 г. с вызреванием новой поэтической манеры и наметившимся кардинальным поворотом в личной жизни, справедливо воспринимавшимся как выбор судьбы.

Реализация этого выбора открыла новый, третий этап, охватывающий время с августа 1897 г. по начало весны 1899 г. Это время окончательного житейского обустройства Брюсова, границы этапа чуть-чуть опережают два основных события его внешней биографии: женитьбу на И.М. Рунт и завершение университетского образования. Вместе с тем это и время окончательного духовного формирования и поэтического созревания: именно тогда пишется "О искусстве" и складываются брюсовские плюралистические (а точнее, универсалистские) воззрения на мир, человека и историю, именно в это время пишется большая часть книги "Tertia Vigilia", с которой бывший литературный забияка уверенно и уже как власть имеющий войдет в русскую поэзию, открыв новый век ее истории.

Отдельные детали предлагаемой периодизации уже намечались в литературе в применении только к поэтическому творчеству Брюсова. Указывалось на "творческий кризис", наступивший после "Me eum esse", на то, что подлинный свой "поэтический путь" Брюсов нашел именно в стихах 1897 г.[4]. Но полное и точное разделение всех этапов достигается благодаря тетрадным письмам впервые. Также впервые наглядно выявляются и доказываются единство и согласованность биографии, творческой и духовной эволюции поэта с динамикой его речевого поведения. На каждом из выявленных этапов Брюсов с разными целями и по-разному обращался к своим адресатам, иными становились и общая структура, и самый стиль его писем. Подобная согласованность духовной и языковой эволюции, как кажется, свидетельствует о небесполезности предложенного опыта для разработки путей и приемов изучения языковой личности в ее реальном историческом бытии.

[1] См.: *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 241.

[2] Там же. С. 237.

[3] Большая часть этого массива расшифрована и публикуется в работе: *Брюсов В.Я.* Письма из рабочих тетрадей/ Публ. С.И. Гиндина // Лит. наследство. Т. 98: Брюсов и его корреспонденты. 1990. Кн.1. Номера писем, упоминаемые далее в статье, отсылают к этой публикации. Кроме нее в предлагаемом исследовании учитывались еще 14 тетрадных писем к М.В. Самыгину, включенных в этом же томе "Литературного наследства" в подборку писем Брюсова к М.В. Самыгину.

[4] См.: *Максимов Д.Е.* Поэзия Валерия Брюсова. М., 1940. С. 67; *Гиндин С.И.* Поэзия В.Я.Брюсова. М., 1973. С. 6.

ЛИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВОЙ КОЛЛЕКТИВ

Л.П. Крысин

О РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЯХ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

В современной социолингвистике преобладают работы, объектом которых являются процессы и отношения крупного масштаба, присущие либо обществу в целом, либо большим социальным и этническим совокупностям людей — классу, слою, этносу, нации. Таковы, например, исследования, посвященные социальной и функциональной дифференциации современных языков, национально-русскому двуязычию, языковой политике и языковому строительству и ряду других проблем. Языковые процессы и отношения, характеризующие взаимодействие людей в малых общностях, привлекают к себе меньшее внимание. Хотя некоторые социолингвисты высказывают мнение относительно важности изучения малых групп[1], конкретные работы, исследующие особенности общения в тех или иных группах, весьма немногочисленны. В этом отношении социолингвистика почти не использует опыт социологии, психологии и социальной психологии, где в последние десятилетия предложен ряд эффективных методик изучения малых групп и получены интересные результаты[2].

Иногда высказывается мнение, что изучение малых групп почти ничего не дает для выяснения социолингвистической картины данного общества, так как закономерности, свойственные общению людей внутри малочисленных совокупностей, не могут быть распространены на весь социум.

Разумеется, механическое перенесение свойств с одного объекта на другой недопустимо. Однако эта аксиома всякого научного исследования вовсе не отрицает необходимость изучать каждый из объектов со всеми присущими ему характеристиками. Поэтому, нисколько не сомневаясь в полезности и нужности изучения под социальным углом зрения макропроцессов, происходящих в современных языках и обществах, нужно подчеркнуть важность исследования и процессов меньшего масштаба, имеющих место в таких социальных коллективах, как семья, игровые, учебные, производственные, спортивные и т.п. группы. Без такого исследования невозможно правильно судить о многих сторонах речевого поведения человека как существа социального. Кроме того, свойства индивида как говорящего, как "производителя" определенных высказываний обнаруживаются прежде всего в пределах подобных групп (а не в обществе в целом).

В данной статье обсуждается лишь общая постановка вопроса о речевом общении в малых социальных группах и в связи с этим обсуждаются некоторые социальные, лингвистические и социолингви-

стические проблемы, актуальные при изучении названной темы. Эти проблемы таковы: 1) виды малых групп; 2) структура малой группы; проблема лидера и социолингвистический аспект этой проблемы; 3) речевая гомогенность группы; факторы, способствующие ей; 4) групповые шаблоны речи; 5) диглоссность членов малой группы; 6) некоторые особенности устной речи при внутригрупповом общении.

Виды малых групп. Под малой обычно понимают "малочисленную социальную группу, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений в группе (симпатии, неприязни и безразличия), так и особых групповых ценностей и норм поведения. К малым группам относят семью, производственный, научный, спортивный, воинский коллективы и нек. др." (Философская энциклопедия. М. 1975).

Среди социологов и психологов нет единого мнения относительно оптимальной численности малой группы. В зависимости от целей, ради которых формируется данная группа, и от характера ее деятельности она может состоять и из трех-четырех, и из тридцати-сорока человек. Чаще всего, однако, объектом конкретных исследований служат группы, более точно соответствующие смыслу определения "малый" и насчитывающие от трех до десяти-пятнадцати человек.

Выделяется несколько видов малых групп. По характеру связей между их членами различают *формальную* и *неформальную* группы. В формальной положение и поведение отдельных членов более или менее строго регламентируется правилами — официально устанавливаемыми или сохраняемыми по традиции. Примеры формальных групп: бригада на производстве, отдел или сектор в научно-исследовательском учреждении, учебный класс в школе. Неформальная группа возникает чаще всего в рамках формальной на основе психологических симпатий между людьми.

С точки зрения социализации личности важную функцию выполняют *первичные* группы, члены которых находятся в близких взаимоотношениях. Первичная группа может быть как формальной (например, семья), так и неформальной (например, игровые группы детей и подростков). В первичных группах формируется отношение человека к жизни и к людям, происходит усвоение им основных нравственных норм. Оценки и ценности, характерные для той или иной первичной группы, обычно служат членам этой группы своеобразным ориентиром в их поведении и деятельности. Ср.: "За немногими исключениями, человек рассматривает мир с точки зрения, которая разделяется людьми, непосредственно его окружающими. Стандарты первичной группы ощущаются сильнее, если благодаря конъюнктивным (объединительным) чувствам социальная дистанция между членами группы сокращается... Трудно нарушить ожидания тех, с кем человек себя объединяет, ибо понимание их огорчения вызывает острое чувство вины. Чем привлекательнее группа для ее участников, тем выше давление, обеспечивающее единообразие поступков и мнений"[3].

Учебные, производственные, служебные, спортивные, воинские коллективы — это примеры вторичных малых групп, в которые индивиды входят, уже будучи членами групп первичных.

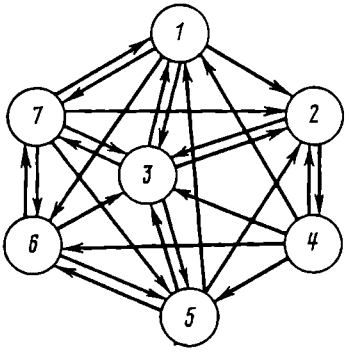
Для типологии группового поведения полезно также разграничение личной и деловой форм взаимодействия людей, предложенное Дж. Гамперцем[4]. Это разграничение имеет явную корреляцию, с одной стороны, с такими группами, как семья, компании друзей и сверстников, а с другой — с такими, как производственные, учебные и т.п. коллективы.

Как правило, человек является одновременно членом нескольких малых групп: например, он член семьи, сотрудник какого-либо учреждения, входит в компанию близких ему друзей и т.п. Нормы и ценности разных групп могут не совпадать, и, следовательно, в своем поведении индивид как бы приспосабливается к различным групповым требованиям. Это приспособление протекает более или менее безболезненно до тех пор, пока требования и ожидания разных групп, членом которых человек себя осознаёт, не вступают в конфликт друг с другом и не ставят человека перед необходимостью выбора. В этом случае индивид часто отдает предпочтение нормам и ценностям той группы, с которой он чувствует себя связанным наиболее тесно и мнением членов которой особенно дорожит. Такая группа называется референтной.

С точки зрения речевого поведения понятия неформальной, первичной и референтной групп являются наиболее существенными, так как в рамках именно этих малых коллективов складываются такие формы речи, которые позволяют говорить о специфике речевого поведения человека при внутригрупповом общении, в отличие от его же поведения вне группы: общность языковых средств и сходство правил их использования, характеризующие разных членов данной группы, приверженность к определенным речевым шаблонам, известная конформность речевого поведения, т.е. следование тем его нормам, которые приняты в данной группе и могут отвергаться иными социальными общностями (ср. речевое поведение подростка в референтной для него группе сверстников: использование жаргона, ненормативных, нередко грубых слов и выражений и т.п. — и его же речевое поведение в семье, школьном классе и др.). См. об этом ниже.

Структура малой группы. Как известно, бóльшая часть малых групп имеет отчетливо выраженную структуру, отношения членов в них иерархизованы по типу "глава — все остальные члены группы" (кроме того, разные члены группы находятся нередко на неодинаковой "дистанции" от главы: одни ближе, другие дальше, что также характерно для структуры малых групп). В современной социальной психологии широко используется понятие лидера группы, причем это понятие применяется не столько к главе формальной группы, сколько к тем членам формальных и неформальных групп, которые чаще, чем остальные, служат объектом положительных эмоций других членов группы. Лидер стоит как бы в центре той сети межличностных связей, которая существует в группе.

Отношения между членами малой группы могут быть представлены в виде графа, в узлах которого — обозначения членов группы, а рёбра указывают на связи между членами. Рёбра ориентированы (они изображаются в виде стрелок), так как для характеристики внутригрупповой коммуникации существенны и односторонние, и двусторонние связи членов группы. Узел, в который входит максимальное число стрелок, соответствует лидеру группы; узел с наименьшим числом вхождений обозначает аутсайдера, т.е индивида, наименее связанного с другими членами группы, находящегося как бы на ее периферии (см. рис.).

На приведенном рисунке лидером является N 3 (число вхождений равно шести), аутсайдером — N 4 (одно вхождение).

У. Лабов называет аутсайдеров "чужаками" (lames) и описывает важные социальные и языковые следствия такого периферийного их положения в группе (У. Лабов изучал игровые группы подростков): обычно они не усваивают культурные и языковые нормы и ценности группы, следуя в своем поведении, в частности — речевом, тем привычкам, которые они приобрели как члены других групп, например, семьи[5].

Попытки формализованного определения понятия лидера[6] привели к признанию важности аспекта, по которому выделяется лидер. В самом деле, связи между членами той или иной группы могут быть различными по своей природе: так, в школьном классе это связи, обусловленные учебными целями, или общественными, или спортивными, или игровыми, или целями самозащиты классного коллектива от других групп и т.п. В соответствии с этим могут выделяться разные лидеры для различных видов ситуаций: лидер в учебе, спортивный лидер, лидер в общественной работе и т.д.

Однако возможны и так называемые универсальные лидеры, главенствующее положение которых в группе не зависит от целей внутригрупповой деятельности и от вида ситуации. Влияние такого лидера на группу бывает обычно особенно велико; лидер служит объектом подражания для людей, составляющих группу, в том числе и в речевом поведении.

"Речевое давление" лидера на группу часто не осознается членами

группы или осознается постфактум. Как правило, результаты такого давления проявляются при внутригрупповом общении, при исполнении индивидом ролей, предписываемых ему его положением в структуре данной группы. Но известны случаи, когда и в отсутствие лидера или членов группы, и в ситуациях, когда членство в данной группе перестает для индивида быть актуальным, речь его сохраняет черты, обусловленные влиянием речи группового лидера. Интенсивность, сила и глубина речевого влияния лидера на других членов группы обычно зависят от яркости личности лидера, от силы его характера, от умения влиять на умы и настроения окружающих и от других подобных личностных его свойств. Ср. следующие свидетельства влияния речи Н.В. Тимофеева-Ресовского на речевое поведение людей, составлявших профессиональную группу, общепризнанным лидером которой он был:

Другие подражали ему с восторгом. Для меня же... Ведь я соприкасался с ним вплотную. Ближайший сотрудник. На меня давила его речь, интонация, словечки. Мы все повторяли за ним: "треп", "душеспасительно", "душеласкательно", "это вам не жук накакал", "досихпорешние опыты", — прелесть, как он умел играть голосом, словами. "Кончай пря!" — в смысле пререкания. "Что касаемо в рассуждении"...

— Сплошной бонжур! — добавил я.

— Заметили? И это тоже. А жесты, а манера говорить. Голосище — труба громовая, все на пределе чувств. Темперамент. При нем нельзя оставаться вялым, спокойным. Все начинает резонировать. Самые упорядоченные, благонравные граждане возбуждаются. Тоже орут, ручками машут.

Сила влияния или обаяния его личности были таковы, что люди, сами того не замечая, перенимали его выражения, его манеры.

— Годами я говорил, интонационно подражая Энвэ, — признался мне Молчанов. — Я даже не сопротивлялся, а активно вживался в эту роль, обезьянничал (Гранин, Зубр).

Речевая гомогенность группы. Изучая деятельность человека в различных условиях, психологи приходят к выводу, что особенно заметно различие между формами индивидуального поведения, с одной стороны, и с другой — тем, как ведет себя человек в присутствии "значимых других", то есть лиц, обществом которых он особенно дорожит и которые составляют ту или иную малую группу.

Дорожа мнением группы и своей репутацией в глазах ее членов, человек в присутствии группы строит свою речь с ориентацией на групповые ожидания, на то, как принято говорить в этом узком кругу. Членом группы в его речевом поведении руководят, как кажется, два взаимосвязанных мотива: с одной стороны, не отличаться по речевой манере от остальных членов группы, не выделяться (даже лидер, который может позволить себе многое, что непозволительно рядовому члену, обязан считаться с ожиданиями группы, в том числе и с речевыми ожиданиями), а с другой, показать, что он принадлежит к данной группе, что он "свой"[7].

В последнем отношении особенно характерна символьная функция языковых знаков: определенные единицы (слова, обороты, конструкции) наряду с номинативной и оценочной функциями приобретают свойство символа принадлежности говорящего к данной группе. Более того, та или иная языковая единица может сильно дефор-

мироваться по смыслу: важно не ее собственное значение, а то, что она — символ[8]. Слова, манера произношения, интонации, играющие роль символов принадлежности к той или иной группе, нередко служат индикаторами, по которым опознается "свой"; напротив, человек, не владеющий подобной манерой речи, определяется членами группы как "чужой".

Можно назвать ряд факторов, способствующих речевой гомогенности группы: *фактор сплоченности*: чем сплоченнее группа, тем вероятнее ее речевая гомогенность; *фактор лидера*: чем больше сила речевого влияния лидера на группу, тем вероятнее "следы" такого влияния в речевой манере всех остальных членов группы; *фактор времени*: чем длительнее контакты членов группы друг с другом, тем вероятнее нивелировка их речевых индивидуальностей, выработка общей манеры общения; *фактор регулярности*: речевая гомогенность прямо пропорциональна частоте и регулярности внутригрупповых контактов; *фактор кода*: выработка общей манеры речевого поведения возможна лишь при условии, что все члены группы владеют одним и тем же языковым кодом (жаргоном, диалектом и т.п.). Во вполне возможной ситуации, когда члены группы владеют разными подсистемами национального языка (скажем, одни — литературным языком, а другие — диалектом), вначале преодолеваются языковые контрасты — путем подавления большинством группы тех речевых особенностей, которые оцениваются этим большинством негативно, — и лишь затем может начаться процесс выработки какой-либо специфической групповой манеры речевого поведения.

Групповые шаблоны речи. Они являются одним из ярких образцов речевой специфики той или иной группы, ее отличий от других социальных общностей. Подобно тому, как в процессе совместной деятельности у людей вырабатываются определенные стереотипы поведения, регулярность коммуникативных контактов между членами группы ведет к выработке определенных речевых шаблонов. В качестве речевых шаблонов могут выступать отдельные языковые единицы, различные фрагменты высказываний или диалогов, имевших место в прошлом группы (или кого-либо из ее членов), своеобразные формы начал и концовок тех или иных речевых актов, также отражающие коммуникативный опыт данной группы, цитаты — как из литературных произведений, так и из устных высказываний какого-либо члена группы, в частности лидера — и т.п.

При этом шаблон (вопреки своему названию!) как правило используется в эмоциональном контексте, специально (шутливо, иронически, с пародийными целями и т.д.) обыгрывается, тем самым к нему привлекается внимание окружающих. Ср. приведенные выше словечки и обороты речи Н.В. Тимофеева-Ресовского, воспринятые его сотрудниками: они представляют собой не что иное, как регулярно воспроизводимые во внутригрупповом общении речевые шаблоны, использовавшиеся и лидером, и остальными членами группы сознательно, с установкой на шутку.

Вообще роль языковой игры в жизни малых групп гораздо

более значительна, чем в деятельности больших человеческих совокупностей. Это характерно не только для таких групп, которые формируются на основе общности интеллектуальных интересов (ср. малые неформальные научные коллективы, кружки и клубы "по интересам" и т.п.), но и, например, для игровых групп детей и подростков, для учебных групп в школах, ПТУ, техникумах, институтах, для спортивных групп и нек. др. Ср. в этом отношении прозвища, дразнилки, любимые присловья (типа: *Наше вам с кисточкой, бонжур-покедова, Здрассте, я ваша тётя* и под.), переделки слов и выражений (*большое пожалуйста* — по аналогии с *большое спасибо, обман опытом* — вместо *обмен опытом, калёной метлой* — как объединение двух словосочетаний: *каленым железом* и *новая метла; Лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но больным* — вмессто известной пословицы. *Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным* и т.п.), бытующие как раз в устном речевом общении членов малых неформальных групп и понятные без комментариев лишь "посвященным".

Диглоссность членов малой группы проявляется в том, что при внутригрупповом общении они используют одни языковые средства, привержены одной манере речевого поведения (в предельном случае это может быть особый групповой жаргон), а при общении вне группы переключаются на иные, общеупотребительные коммуникативные средства. Поскольку, как уже отмечалось выше, человек одновременно является членом нескольких разных групп, постольку можно говорить о его "полиглоссности" или хотя бы об элементах полиглоссии, то есть о таких различиях в его речевом поведении, которые обусловлены принадлежностью говорящего к разным социальным общностям.

Разумеется, подобную полиглоссию не следует преувеличивать. В современном обществе, где контакты между различными социальными слоями и группами регулярны и интенсивны, речевые различия между малыми группами не могут быть резкими. Скорее, можно наблюдать частотные различия в использовании тех или иных языковых средств, предпочтение той или иной группой определенных вариантов (из ряда "разрешаемых" языком) и т.п. Однако в принципе одновременное вхождение индивида в разные малые группы обусловливает совмещение в его идиолекте разных речевых манер, каждая их которых актуализуется при общении в пределах соответствующей группы (семьи, учебной группы, бригады, спортивной команды, компании приятелей и т.п.).

Переключение с одной манеры на другую происходит под влиянием таких факторов, как социальная роль говорящего (например, в роли члена семьи он активизирует одни речевые навыки, в роли члена спортивной команды — иные и т.д.), адресат (общение с членом одной группы — общение с членом другой группы), тема (обсуждение тем, связанных с производственной деятельностью говорящего, может "включать" манеру речи, свойственную ему как члену определенной производственной группы), наличие/отсутствие социального контроля (при наличии социального контроля или при

самоконтроле — в официальных условиях общения — преобладает манера речи, "изобличающая" говорящего как члена формальных социальных групп; в отличие от этого, при снятии социального контроля или ослаблении самоконтроля — в условиях непринужденного общения — активизируется манера речи, свойственная говорящему как члену неформальных объединений) и нек. др.

Некоторые особенности устной речи при внутригрупповом общении. Прежде всего необходимо отметить две тенденции: к свертыванию, элиминации таких средств, которые называют объект речи, и к детализации таких средств, которые характеризуют, оценивают его. Это происходит вследствие того, что общий опыт членов группы, приобретенный в процессе длительной совместной деятельности и взаимного общения, служит надежной опорой для полного взаимопонимания и без эксплицитного называния предмета речи; однако обмен характеристиками этого предмета речи, его оценками со стороны разных членов группы, часто составляет самую суть внутригрупповой коммуникации.

Иначе говоря, для речи человека как члена определенной малой группы характерна предикативность и оценочность, при слабой выраженности чисто номинативного аспекта. В этом отношении устное общение членов малой группы больше, чем какой-либо другой жанр разговорной речи, обнаруживает сходство с внутренней речью: постоянство состава общающихся и их опора на общий опыт делают малую группу как бы единой "коллективной личностью", для которой многое в предмете речи является само собой разумеющимся и поэтому не нуждается в назывании.

Одной из особенностей устного внутригруппового общения является актуализация только некоторых смыслов языковых единиц, в то время как другие смыслы не вовлекаются в речевой оборот. Это связано с речевыми традициями группы, с профилем групповой деятельности, в особенности если это производственная, профессиональная, спортивная группа; соответствующая групповая деятельность может нуждаться в выражении только одного смыслового ряда и оставлять в тени все другие. Например, в семье могут быть актуальными такие лексические значения, которые в общем языке находятся на периферии или не встречаются совсем[9]. Специфика осмысления некоторых единиц внутри той или иной группы иногда служит причиной непонимания при общении члена данной группы с "посторонним". Ср. следующий диалог покупателя с уборщицей в магазине: — *А где продавец-то? — На перевес ушла. На перевес с чем? — Не с чем, а товар перевешивать, говорю, ушла.*

Размеры статьи не дают возможности говорить о других особенностях внутригруппового общения. Это предмет отдельного и при этом достаточно специального обсуждения.

---

[1] Поскольку "членство в группе почти наверняка имеет языковые индикаторы — внутригрупповые признаки фонологического и лексического характера, которые сразу определяют данную группу и исключают "чужаков", постольку... лингвистика должна расширить свою сферу, включив [в себя] описание употребления языка в малых группах", и при этом она не может "игнорировать тот факт, что уже существует экспериментальная

методика, принесшая результаты, которые можно переосмыслить в социолингвистических терминах" (*Белл Р.* Социолингвистика. М., 1980. С. 145, 146. Пер. с англ.).

[2] Обзор наиболее значительных американских работ в этой области см.: *Миллз Т.М.* О социологии малых групп // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972. С. 82—92. Итоги разработки указанной проблематики в советской социальной психологии см. в: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Психология личности и малых групп / Под ред. Е.С. Кузьмина. Л., 1977; *Обозов Н.Н.* Межличностные отношения. Л., 1979; Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976; Проблемы общения в психологии. М., 1981; Психологические исследования общения. М., 1985.

[3] *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 45. Пер. с англ.

[4] *Гамперц Дж.* Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике: Социолингвистика. М., 1975. Вып. 7. С. 313.

[5] *Labov W.* The linguistic consequence of being a lame // Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia, 1972. P. 255—292.

[6] Формальное выделение лидера возможно путем измерения регулярности межиндивидуальных связей в группе. Такое измерение опирается на фиксацию числа взаимодействий членов группы в единицу времени, с учетом таких факторов, как инициатива коммуникативного контакта, его цель, результаты и т.п.

[7] Экспериментальное подтверждение этих постулатов см., например, в: *Hammer M., Polgar S., Salzinger K.* Speech predictability and social contact patterns in an informal group // Fishman J. (ed.). Advances in the Sociology of Language. Paris et al., 1972. Vol. II. P. 36—49.

[8] Ср.: "Все остальные девочки давно уже остриглись и ходили с мальчишескими колючими затылками. Машка мечтала последовать за ними, но была связана честным словом. Еще когда движение "Долой косы" только овладевало девичьими умами в шестых классах "А", "Б" и "В", мама взяла с нее слово, что она оставит косы. Только вчера она последний раз бунтовала дома, добиваясь отмены клятвы.

— Но почему ты хочешь остричь косички? — страдальчески спросила мама. — Ну почему? — У нас все девочки до одной их срезали. Потому что так оригинальнее. — А что, по-твоему, означает это слово — оригинальнее? — Как у всех, как модно, — уверенно сказала Машка" (И. Зверев. Второе апреля).

[9] В одной семье, например, глаголом *гарцевать* обозначается выражающееся в некоторых свойствах поведения стремление мужчины обратить на себя внимание женщины (или женщин); в другой *кутьками* называют не щенят, а маленьких детей, и т.п. О "кружковых, семейных словах" как знаках "глубоких личностных связей" упоминается в: *Красильникова Е.В.* Инвентарь морфем // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 140. Специфические семейные словечки как одна из характерных примет непринужденной разговорной речи рассматриваются в: *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. М., 1981. С. 43—44.

Л.З. Подберезкина

ЯЗЫК СТОЛБИСТОВ

Одна из главных достопримечательностей Красноярска — заповедник "Столбы". Заповедник именуется по названию находящихся на его территории многочисленных скал — Столбов. Район Столбов как место массового спортивного отдыха красноярцев осваивался на протяжении полутора столетий. На Столбах сложилась особая общность людей — столбисты. Это люди разного возраста: рабочие и директора

предприятий, инженеры, врачи, учителя, студенты, научные сотрудники. Династии столбистов насчитывают до пяти поколений. Принадлежность их к социуму, в котором отменяется иерархия официальных отношений, возрастных, социальных и профессиональных противопоставлений (между коммуникантами установлены дружеские отношения — у молодежи и столбистов среднего возраста обращение на *ты*), предполагает максимальную свободу и непосредственность общения. В известном смысле столбисты — это *группа досуга,* но досуга, ставшего определенным образом жизни.

В системе групповых ценностей и норм поведения столбистов сильна власть исторически сложившихся традиций. С конца прошлого века на Столбах собиралась революционно настроенная молодежь (в это время были построены первые столбистские избы), скрывались от полиции профессиональные революционеры. "Столбы" были любимым местом для нелегальных собраний и митингов рабочих.

В традициях столбистов было проведение праздников. В 50—60-е годы на Столбах можно было увидеть своеобразный "народный цирк". Трюки на скалах нередко исполнялись с риском для жизни (например, выполнение стойки на руках на краю вершины скалы). В некоторых компаниях существовал свой "кукольный театр" — состязание на остроумие и выдумку двух чучел, которыми управляли столбисты. Близость к народным играм, "зрелищам", проявилась и в проведении соревнований: У нас свои соревнования были // На Слоника надо было зайти с ложкой во рту / в ложке яйцо / без рук // Гудвиль заходила//.

Своеобразный знак групповой принадлежности — экипировка столбистов, которая на разных этапах освоения скал существенно отличалась от современной. В целом для столбистов характерно стремление к ярким одеждам. На брюки нашивались большие цветные заплаты. В 30-е годы появились шаровары, рубашки одевали яркие, пестрые. Почетные атрибуты экипировки некоторых компаний — фески (шапочки, расшитые бисером), развилки (яркие жилетки с отличительными знаками) — разрешалось носить лишь сумевшим покорить сложную вершину. Для страховки применялись длинные кушаки. Позднее появились *калоши* — наиболее удобная для лазания по скалам обувь, кушаки сменились прочными веревками, пестрые одежды — легким трико[1].

От обычных туристов столбисты отличаются прежде всего умением хорошо лазить по скалам, знанием соответствующих ходов, приемов лазания. Слегка пренебрежительное отношение столбистов к однодневным посетителям Столбов закрепилось в назывании их *однодневниками, туриками, толпой*: *Турики* всегда берут больше / чем могут съесть //; Я на Ухо как-то лез / внизу там толпа/ *турики* / смотри! смотри!.

От спортсменов-скалолазов столбистов отличает любительский характер лазания. Столбисты не проводят совместных систематических тренировок, у них нет обязательных соревнований, проложенных трасс, технических приспособлений для лазания. Главное для них покорить вершину, найти новые пути, освоить сложный элемент хода *хитрушку*. Столбисты осознают свое отличие, часто специально обозначают его: Это уже не мы/ это скалолазы придумали//; Хитрушки дают технику/ а трассы ломовую силу // У каждой хитрушки очень специфичная техника // То что в столбизме/ не всем понятно скалолазам //; "Мы — столбисты!" — гордо именовали себя энтузиасты этого спорта, сознательно игнорируя слово "альпинизм" как не выражающее существа столбизма[2]. Традиции, признак "своего" места отличают столбистов от иного-

родних скалолазов, часто приезжающих на Столбы. С *иностранцами* устанавливаются отношения соперничества в мастерстве лазания.

Столбисты объединяются в компании. Почти в каждой компании есть свой письменно зафиксированный *устав* — своеобразный "кодекс чести" столбиста: Почитай старших и уступай всегда им место; содержи территорию около избушки в чистоте; складывай мусор в отведенное для этого место; не ломай сырых деревьев и кустарников; Изучай традиции Столбов; честью столбиста ты обязан оказать помощь пострадавшим; не отказывайся от сопровождения групп туристов и отдыхающих и т.п. Нарушение кодекса вызывает наказание столбистскими калошами, вплоть до *высшей меры* — изгнания из компании (изгнанными могут быть также нечестные и хвастливые люди).

У столбистов свой язык и свои законы общения, владение которыми является признаком корпоративной принадлежности. Специфика языка столбистов проявляется прежде всего в лексике и способах номинации. Специфичен сам круг явлений, подлежащих номинации (ономастической в частности). Наименование может получить пень (*Хитрый пень*), дерево (*У-дерево, Королева*) и т.п. Многочисленные столбистские микротопонимы, гидронимы, антропонимы находятся в активном обиходе и постоянно подвергаются языковой рефлексии. Таким образом, основу словаря столбистов, объем которого в настоящее время насчитывает свыше 600 единиц, составляют: 1) ономастикон (все рассматриваемые здесь номинации являются результатом языкотворческих актов самих столбистов); 2) корпоративная терминология; 3) специфическая лексика, включающая предикаты и имена лиц. Предлагаемая статья содержит краткое описание каждой из этих сфер.

У столбистов процесс наименования тесно связан с узнаванием образа, поэтому в их ономастиконе преобладают метафорические номинации. В названиях топонимов отражается мир животных: *Кабарга, Цыпа, Беркут* (скалы), *Голубь, Крокодил* (места на скалах), *Мотылёк, Черепаха* (камни); мир человека: *Близнецы, Дед, Бабка, Монах* (скалы), *Голова Манской Бабы, Плечо Деда* (места на скалах); предметный мир: *Ковришки, Гитара, Рукавички* (скалы), *Кресло, Двухэтажка, Конверт* (места на скалах), *Ферма, Танк* (камни) и мн. др. Характерные метафоры лежат в основе многих составных наименований: *Окно в Европу* — узкое отверстие в камне по ходу подъема на скалу Крепость, через которое хорошо виден район заповедника, расположенный к северу от скалы; *Великий Могол* — скала, названная по сходству с маской Великого Могола; *Тараканий Лобик* — гладкий, имеющий слегка покатую форму камень на Первом столбе; *Медовый Месяц* — уютная, удобная для стоянки площадка под скалой Крепость и др.

В основу наименования могут быть положены разные признаки, например, *Пáгода* — скала, названная по сходству с буддийскими храмами, *Мечта* — гладкий камень на Первом столбе, подняться на который мечтают многие столбисты; *Грúзило* — хитрушка,

где при заклинке плеч между двумя стенками скалы человек болтается как рыболовное грузило; *Чи́пчики* — компания столбистов, которые очень легко лазили по скалам (*Чип-чик-чик/ и там//*) и мн. др. Мотивы номинации могут быть связаны с жизненной ситуацией, в которой совершился акт наименования. Так, название скалы *Верхопуз,* по объяснениям одних носителей, связано будто бы с тем, что с нее упал разомлевший под солнцем и уснувший на вершине толстяк, по объяснением других — с тем, что *вылезут туда и кверху пузом валяются* (удобно загорать). Примечательно происхождение неофициального названия центрального кордона — *Нарым,* где живут лесники, работники заповедника, расположены "Живой уголок" и другие объекты. Раньше эта поляна представляла собой своеобразное место "ссылки": здесь останавливались на ночлег изгнанные из компаний столбисты. Ряд наименований связан с событиями и фактами общественной жизни. В середине XIX в. Столбы дважды посещал енисейский архиерей Никодим. Это событие вызвало появление таких названий, как *Грешник, Авель, Каин* (скалы), *Митра, Архиерейская площадка* и др. Понятия сторожевой и военной службы (Красноярск был основан казаками и первоначально представлял собой острог) отразились в названиях *Сторожевой, Острожный, Крепость, Караульный* (скалы); революционные события — в названиях *Коммунар* (скала), *Свобода* (ход), *Искра, Комиссаровка, Трибуна* (избы), *Комса, Антифраки* (компании) и др. Многие названия происходят от личных имен и фамилий. Избы *Борисовка, Нелидовка, Михвасовка, Рульговка* и др. названы по имени их основателей (Борис, братья Нелидовы; Михаил Васильевич; В. Руйга); речка *Лалетина* — по имени купца Лалетина, построившего в ее устье небольшую дачку. Отфамильные модели распространены в названиях ходов (по имени скалолазов, впервые прошедших этим ходом): *Леушинский, Абалаковский, Шалыгинский, Качаловский, Зыряновские катушки* и др.

Приведем несколько характерных примеров действия онимической деривации. В районе Диких Столбов есть скала *Манская Баба* — соответственно протекающий рядом приток р. Калтат называется *Бабский Калтат,* расположенные неподалеку скалки — *Обабки,* камень — *Подбабок;* см. также *Пыхтун* — самый крутой участок подъема на Столбы Лалетинской дорогой, *Роево* — ручей, в котором в начале прошлого века один красноярец искал золото (постоянно что-то рыл), *Пролетарка* — вершина, названная так по надписи на ней "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и др.

В целом для столбистов характерно активное отношение к внутренней форме слова, см. примеры разных мотиваций: *Музеянка* — изба, в которой, по объяснениям одних носителей, жили работники краевого музея, по объяснениям других — творческая интеллигенция, "люди искусства", которых "посещала Муза"; *Огневка* — лог, тропа, вдоль которой располагалось множество стоянок ночующих здесь столбистов: Идешь/ а кругом огоньки/огоньки/ огоньки... и Лог левее Прадеда Огневка называется // Летом расцветает всеми цветами, всеми огнями...; Хитрый пень/ потому что

скрадок в нем был (тайное место. — *Л.П.*) // Там в дупле и записки прятали/ кого где искать // Если продукты оставались/ всё оставляли под Хитрым// и Кажется что Пыхтун закончился/ а там такая площадочка с пнем и дальше подъем // Поэтому Хитрый//.

Наряду с онимизацией апеллятива в языке столбистов имеет место и обратный процесс — переход онима в систему столбистских терминов, если обозначенная им реалия неоднократно встречается в других местах. Например: *Шкуродер* (спуск со скалы Перья, где столбист "съезжает" вниз по вертикальной щели, заклиниваясь плечами между стенками скалы) — любой ход, где предпочтительнее спуск, ср.: Выспорили шоколад, спускаясь вниз головой со Шкуродера (из дневника); туда можно в Уголке спускаться/ а можно шкуродерчиком прокатиться//; *Конек* — камень на Втором столбе, имеющий покатую поверхность (по сходству с деревянным коньком, гребнем крыши) — *любой подобный камень, используемый при лазании; Садик* — площадка на Втором столбе, где растут деревья — любая подобная площадка и др.

Столбистские номинации имеют богатую систему суффиксов субъективной оценки (в основном уменьшительно-ласкательных), что связано с хозяйским, "свойским", любовным отношением к Столбам. См., например, названия *Дикарек, Воробушки, Перышки, Столбики* (скалы); *Оленёк, Малёк, Гапончик* (камни); *Соболек, Вопросик, Хомутик* (ходы); *Комнатка, Унитазик, Стульчик* (места на скалах). Ср. также примеры терминологизированной лексики: *полочка, карманчик, турничок, хребтик* и т.д.

Таким образом, наиболее важными мотивами при создании онима являются моменты образности, "ласкательной экспрессии". Отметим тот факт, что в овладении ономастиконом есть две стороны: "ориентационная", необходимая для ориентации на Столбах, успешного лазания по скалам и "эстетическая"; поиски онимических форм слова само освоение ономастикона для столбистов составляют особое эстетическое наслаждение. Характерно, что в корпорации столбистов, носителей и хранителей своих традиций, не только знают этимологию каждого имени, причину появления названия, но и стремятся передать ее новичкам.

В корпорации культивируется вкус к языковой игре. Как правило, она связана с обыгрыванием онимической лексики. См. примеры словообразовательной игры (запись в журнале избы "Перушка"): *Снег. Метель поднялась... Добрались до избы. "Оперились:" поели, попили чай, погрелись. Пошли дальше;* о Столбах: *На них взойти и посмотреть, чтоб на всю жизнь "остолбенеть"*. Многие каламбуры связаны с переосмыслением: А: (новичок) *Зверевский* (ход) *это почему?* — Б: (столбист) *Потому что лезешь как зверь* (на самом деле ход назван по имени опытной скалолазки Л.В. Зверевой). См. также примеры игровой омонимии: *Чем столбисты отличаются от простых людей? Тем, что они здорово лазят по карманам (карман — основная зацепка, используемая столбистами при лазании); "совет новичкам": Отрывай левую ногу и ставь в карман*

и мн. др. В сфере корпоративной терминологии, представляющей сравнительно небольшую, но совершенно самостоятельную часть лексики столбистов, выделяются два вида терминов: элементарные (народные) географические термины: *столб, камень, стенка, грива, видовка, рассоха* и др. — и специальные, связанные с собственно столбистскими понятиями и действиями. *Стенкой* на Столбах называют скальный массив, напоминающий громадную стену, иногда длиной до 200 м. Ср.: *Манская стенка, Китайская стенка, Калтатская стенка* и др. Термин *столб* употребляется столбистами в значении "скала больших размеров", "скальный массив"; *видо́вка* — в значении "небольшая скала, с которой открывается красивый вид"; *цирк* — в значении "кольцевое расположение скал по хребтам" и т.д. Важнейший термин, связанный с собственно столбистскими действиями — *ход* или *лаз* — обозначает постоянный путь, по которому можно подняться на скалу через какие-либо характерные элементы: щели, углубления, выступы и т.п. (У скалолазов данная реалия называется *трассой*). На каждую скалу существуют свои ходы и ходики разной степени сложности. Название хода отражает его характерный признак, индивидуальную особенность: *Кровососик* — ход, где при заклинке рук в щель обдираются ладони и костяшки пальцев; *Поцелуйчик* — ход, при прохождении которого столбист прижимается лицом к скале; *Колокол* — ход через щель между скалами Коммунар и Первый столб, где при хлопке в ладоши или ударе о стенку раздается гудящий металлический звук; *Аллилуйчик* — опасный ход на скалу Митра, во время прохождения которого столбист должен все время *петь аллилуйю* и т.д. (Всего зафиксировано около 100 названий ходов). Короткие сложные участки хода, при прохождении которых в случае срыва можно спрыгнуть на землю или на камень, у столбистов называются *хитрушками*. Многие хитрушки имеют свои названия: *Гру́зило, Американка, Ласточкино гнездо* и др.

Терминология лазания включает названия зацепок, используемых столбистами при подъемах и спусках. Это в первую очередь многочисленные *карманы* — небольшие углубления в скале; *полки* — небольшие выступы, на которые можно встать ногой; *пупырьки* — самые мелкие зацепки для одного-двух пальцев. Аналогично: *блин, балда, пузо, камин, лунка, подхват, дверная ручка* и др. Некоторые термины обозначают определенные участки скального рельефа, являющиеся элементами прохождения ходов: *катушка* — каменная плита, отдельный покатый камень в скале с небольшим количеством мелких зацепок; *зеркало* — гладкая поверхность отвесной стены; *отрица́лка* — участок скалы, имеющий нависание; *турник* — место в ходе, где можно повиснуть, взявшись руками за карман, и подняться в основном с помощью рук и мн. др. Став термином, слово продолжает свое развитие в пределах новой лексической системы, например: Я тебя приму на блину//; Тут такая полка/ переночевать можно//; Прыгают/ и тут немножко пузо/ и оно откидывает//; Ни одного серьезного кармана//; У Теплыха последние турники настолько сложны... и др.

Положенные в основу мотивировки терминов образы целиком взяты из сферы обиходной лексики, что делает их выразительными, доступными, легко запоминающимися.

Характеризуя бытовой язык столбистов, включающий, помимо онимов и терминов, специфическую предикатную лексику и имена лиц, рассмотрим несколько ситуаций, связанных с действиями столбистов.

Подъем на скалу. В значении *лезть, подниматься на скалу* столбисты употребляют глагол *идти*: Ну идешь/ выпирает отрицательный//; Я хожу Ухо/ каждый раз прохожу по-разному//; Каким пойдем (ходом)? — Свободой//. На разных участках хода можно идти разными способами: *в расклинку, в распорку, заклиниваясь, расклиниваясь; на трении* (без использования зацепок, за счет трения калош); *в откидку* (т.е. продвигаться с откинутым назад телом). Специальное обозначение получают многие движения во время лазания. Например, при прохождении ходом Авиатор на скале Перья необходимо, взявшись руками за выступающую часть камня, раскачаться и прыгнуть с одного Пера на другое, сделав при этом в воздухе поворот на 180°. Первое движение (раскачка) называется *маятник*, прыжок — *пропеллер*. Говоря о прохождении какого-либо хода или его сложного элемента, столбисты используют глагол *выйти*: Возьмись правой/ левую на упор// Ногу в карман/ все/ вышел//; Ты выходил так? — Нет еще // Думаю что можно //; Я тут вышел/ Шурик свидетель//. Соответственно *выход* — участок хода, хитрушка, проходимые одним движением. Освоить ход или участок хода у столбистов значит *взять* его: *Сейчас покажет как Хомут брать*

Лазание по скалам, подъемы и спуски сложными ходами всегда сопряжены с большим риском, нередки здесь неожиданные *срывы, падения*. В значении *скользить по скале, срываться* столбисты употребляют глагол *плыть*: *Канифоль была плохая* и *галоши поплыли* (*пловец* — столбист, который плохо держится на скале). Если во время прохождения хода столбист сделал вынужденную остановку, *застрял*, о нем говорят *приторчал*: Если долго не можешь выйти/ говорят/ приторчал парень!; Бывает хорошо идет/ раз! и приторчал в одном месте //. В значении *разбиться, упасть со скалы* употребляются глаголы *уйти, улететь* и ряд эвфемизмов: *ломануться, свистануться, сквозануться*. Например: В то воскресенье девчонка на Первом с Пятен ушла//; Причина смертности на скалах/ отсутствие профессиональных столбистов// Вот недавно две девчушки стали вдвоем спускаться Свободой/ в мокрую погоду// Ну и на катушечке на переходе свистанулись конечно//; Это Попов/ помнишь? на Первом улетел/ когда девчонку спасал//. Про него еще в газете писали // Разве это подвиг? Любой столбист на его месте поступил бы так же //.

Ряд наименований связан с *экипировкой* столбистов: Это красноярцы впервые стали в галошах подниматься// На соревнования приезжали/ так говорили/ а сибирячки-то в галошах // А эти галошники все первые места заняли//.

С калошами связан обряд посвящения в столбисты — *калошевание*: Калошевание/ это столбистская присяга такая// За первый покоренный столб опытный столбист бьет новичка три раза калошей по заднему месте/ а тот должен сказать /спасибо за науку//.

Калоши хорошо *держат* на скале, если у подошвы хорошая резина, в прохладную ветреную погоду или после дождя на сухой скале, когда камень чистый. Калоши плохо *держат, тянутся* в жаркую погоду и если они *лысые* (*полысели*), т.е. стерлась подошва. Чтобы калоши лучше держали, столбисты натирают их канифолью. В разговорной речи этот процесс может быть выражен по-разному: Вадик/ канифолься// Канифольки намуслякай//; Канифолить надо/ они (калоши) у тебя сильно скользят // На/ проканифоль//; Подканифолиться не хочешь?

Предикатная лексика столбистов обладает большими возможностями семантических переносов, ср. метафорические переносы — *плыть, улететь;* метонимические — *калоши полысели, поломаться* (упасть, получив травму); семантические сдвиги у глаголов *идти, ходить, выйти, уйти, брать* и др. Посредством метонимических переносов по типу: название компании → члены этой компании, название избы → люди, посещающие ее — в языке столбистов образовано большинство *имен лиц*: *Феску абреки за Коммунар давали; Угостив на прощание аудиторию прекрасным казацкими балладами... Эдельвейс отошел к себе, а мы отошли ко сну* (из дневника). Другую группу составляют имена лиц — дериваты: *подкаменщики* — столбисты, ночующие *под камнями* (в удобных скальных укрытиях); *избачи* — столбисты-хозяева изб; *перисты* — посетители избы Перушка; *китайцы* — столбисты и скалолазы, постоянно посещающие Китайскую стенку и т.д.

Таким образом, метаморфические и метонимические переносы и морфемная деривация являются главными источниками номинации в столбистской лексике. В разговорной речи столбистов широко распространены конденсаты (семантическая конденсация атрибутивных сочетаний): *Каштаковская тропа* → Каштаковка, Каштак; Китайская стенка → Китайка, Китай; Зверевский ход → *Зверевка; хитрушки Теплыха* → *теплушки* и др.: целые словообразовательные гнезда: *Столбы* → *Столбики, Столбишки, столбист, столбистик* (сын столбиста), *столбятник* ("бывалый" столбист), *столбизм, Столбу́шка, Столбя́нка, Столби́нка* (избы), *Столбо́вка* (тропа), *столбовский, столбистский, столбинский, столбить; калоши* → *калошевать, калошевание, галошники; Ферма* (камень) → *Ферму́шка* (изба), *Фермеры* (компания) и мн. др. Вместе с тем, для языка столбистов характерно полное отсутствие заимствования иноязычных слов и морфем; из способов словообразования не представлены аббревиация, словосложение.

Трудность изучения столбистской лексики связана прежде всего с ее высокой подвижностью и изменчивостью. Вместе со старыми столбистами, сожженными избами, распавшимися компаниями из лексикона современных столбистов уходят многие интересные названия: *Гнездовье, Колчан* (скалы); *Зуб Дракона* (верхняя часть Китай-

ской стенки), *Голубой грот* (сквозная пещера под скалой Большой Беркут); *Приют Отважных, Наперсток Могола, Язык* (места на скалах); *камин, контрфорс* (термины) и др. В то же время потребность в наименовании новых открываемых современными столбистами ходов, элементов их прохождения, хитрушек и т.п. вызывает появление новых названий, о которых не знают старые столбисты. См., например, *Очкарик, Акробат, Правый Сумасшедший, Третий Баламут* (названия ходов), *скалодром* (термин) и др.

В общении столбистов выделяются сферы внутреннего и внешнего общения: с лесниками, туристами, гостями, а также через печать, с работниками заповедника, учеными на городских конференциях, собраниях Клуба столбистов (в городе). В структуру столбистской коммуникации входят устные и письменные формы: мы располагаем записями устной речи столбистов, столбистского фольклора (стихи, песни, были[3], поговорки, побасенки из прошлого Столбов, *страшилки* о Черном столбисте, *хохмочки*), а также письменными текстами самих столбистов (прозаические и стихотворные записи в дневниках и журналах компаний, кодексы законов, публикации в краевой печати и др.).

Во внутреннем общении столбистов встретились следующие речевы жанры.

В процессе лазания столбисты дают друг другу советы: А: Попробуй на этом кармане подтянуться// Ты там хорошо держишься? — Б: (на середине хода) Как выйти? — А: Правую (ногу) нагрузить и подтянуть// — Б: (соскальзывает) Шура/ хватайся за соплю// (спрыгивая) Нет/откидывает что-то// — А: Попробуй/ правой выйдешь // Зацепиться получше и ногой прямо ползти // — Б: (поднимается снова) Правая такая же по сложности// — А: Ногу нагружай/ левой (рукой) прихватывайся // Подтянись сильней! (очень быстро, на подъеме) Ногой вытаскивай себя! — Б: (снова срывается и прыгает на землю) Там откидка такая! (поднимается в очередной раз) — А: Прихватись // Кати!!! // Попробуй мизинец клинить и прямо на нем // — Б: Микропорка и то лучше/ чем эти калоши// — А: Подбирай на белые места вычищенные// Тут тоже что-то должно быть// Да/да/ ход// (наблюдает за лезущим) Ты живот от скалы отдирай/ а там дальше можно не клинить руки // — Б: Здесь как? — А: На упор// Здесь откинуться хорошо надо и по инерции вылетай//.

Эллиптичность высказываний дающего совет сопровождается активной жестикуляцией, показом того, "как надо". Реакция адресата носит смешанный характер: некоторые действия имеют речевое сопровождение. Совет может переходить в подбадривание: *Работай-работай-работай!!! Целуй камушек! Целуй его.*

Столбисты обращаются друг к другу с просьбами: Канифольки не одолжишь? У меня калоши лысые/ ни черта не держат//; — Борь/ ты передай/ я его на Хитром ждать буду// Возмсжна более категоричная форма, особенно при угрозе падения: — Володя/ организуй страховку/ я уплыву сейчас//.

Широко представлены в общении столбистов оценки, выра-

жающие похвалу, одобрение, порицание и т.д. Объект оценки — это или демонстрирующий высокое мастерство в технике лазания столбист, интересный рассказчик, бард, или неопытный столбист, столбисты, оставившие после себя беспорядок в избе и т.п.: Вадик/ чёрт/ все хитрушки на Первом берет!; С Теплыхом только бурундуки соревнуются/ было такое выражение// А сейчас говорят ребята/ уже не соревнуются// Бурундуки по отрицалке не ходят//; Здесь кто-нибудь выходил? Павлов вышел/ старая гвардия!;. Славик чуть с соплями не сорвался/пловец// Его еще учить да учить//.

Обмен информацией представляет жанр **новости**: А: В среду говорят пожар был// — Б: Где? — А: В Изюбре // Ребята с Эдельвейса видели // — А-а-а... Я как раз сидела на Втором и понесло откуда-то дымом // Значит Изюбры горели //; — А: С Вопросика вчера кто-то упал // А где с Первого еще падать? Только с Вопросика// — Б: Ой/ у меня Лешка в двух спасениях поучаствовал/ совсем заикался// — А: А вот неделю назад девчонка с Первого ушла// Как раз Вигвамами пошли на ту сторону/ без страховки// Там нога плохо клинится// Могли бы дать страховку нормальную/ она же откинется/ руки отпустит/ а там отрицаловка// Пьяные парни говорят были//.

К жанрам **внешнего** общения столбистов относятся **инструктивы**, адресованные новичкам, гостям, туристам, впервые пришедшим на Столбы. В общении с "посторонними" столбисты, как правило, ограничивают употребление специфической лексики, либо поясняют названия, рассказывают об их происхождении. Цель общения — создать атмосферу доверия, возбудить интерес к передаваемым сведениям. "Инструктивы" для новичков отличаются стремлением максимально "одушевить" мир природы, испытать наблюдательность собеседников: Вон Лев (скала) /видите/ спящий// Морду на лапы положил// Северным ветром ему Ухо развернуло// Название не потому что лев/было придумано// На Гибралтаре есть такие же камни/ Львиные Ворота называются/ и сюда перешло// Это потом уже Льва нашли//; С плеча Деда/ нет/ с Первенцев надо смотреть/ Перья как монахини склонились / а отрицательное перо как злая монашка//

Людям, мало знакомым с историей и традициями столбизма, адресован жанр **рассказ-воспоминание**.

Письменные тексты представлены в дневниках и журналах компаний, их автором может быть как гость, так и столбист. Интересно представлен жанр благодарности и пожелания. Приведем отрывки из дневника избы "Перушка" за 1963—1964 гг.: *Не знаю, кто был последним, но в избушке мы встретили удивительный порядок... По старой традиции старейший перист обязан такому товарищу объявить благодарность; Женька, запомни эту дату! Сегодня ты впервые попал на Столбы, хотя тебе нет и двух месяцев жизни. Прими, Перушка, под свой гостеприимный свод еще одного периста!*

---

[1] *Патрушев В.* Их звали "беркутами" // Красноярский рабочий, 15 июня 1982.
[2] *Устинович Н.* Столбы // Там же, 2 июня 1946.

[1] Так, например, неуверенно чувствующим себя во время подъема на доступный столб людям столбисты, выступающие в роли проводников, рассказывают быль о заблудившейся корове одного лесника, которая, жалобно мыча и позванивая колокольчиком, поднялась на эту скалу. Рассказ завершается поговоркой: *Здесь же корова задом заходит.*

Е.Ю. Кукушкина

"ДОМАШНИЙ ЯЗЫК" В СЕМЬЕ

— Шандартимантика-фа?
— Мосмогенетно!

Семейный диалог

Как правило, дружные, устойчивые семьи обладают достаточно яркими чертами индивидуальности. Одним из проявлений этой индивидуальности является домашний язык. Носители "семейного диалекта" часто даже не замечают его существования — особых словечек (нестандартных номинаций), необычных синтаксических конструкций, семейных фразеологизмов и даже особых черт семейной морфологии. "Семейный диалект" употребляется только между членами семьи. Стоит на горизонте появиться постороннему человеку или даже представителю другого поколения той же семьи, как носители диалекта тут же переходят на обычную разговорную речь. Ведь старшие обычно более консервативны в своих языковых привычках и не любят разных "жаргонов". Но впрочем, прислушаемся повнимательнее, как разговаривают бабушка и дедушка, когда они весело обсуждают свои планы на выходной, и, может статься, мы обнаружим, что у них тоже есть свой "микроязык". Общение с детьми, конечно, должно происходить только на чистом, правильном русском языке — ведь они относятся ко всему так серьезно, им не объяснишь, что *зверькасса* — это только так, для шутки, а на самом-то деле за деньгами ходят в сберкассу (*сберегательную кассу, понимаешь?*). Они, разумеется все понимают, но на следующее утро снова терпеливо спрашивают вас: *Мама, а почему папа называет сберкассу "зверькассой"*? Так что лучше не морочить детям голову и называть все сразу правильно, по-русски.

Итак, откуда он берется, этот странный "домашний язык", каковы его черты, и для чего он, собственно, нужен?

Как всякий язык, он прежде всего решает коммуникативные задачи. Коммуникативная функция ярко проявляется в домашней топонимике, которая возникает из потребности коротко и однозначно называть различные объекты как внутри жилища, так и в его ближайших окрестностях. Прежде всего, это касается однотипных предметов, которые надо различать. Например, в одной семье три комнаты квартиры имеют имена *большая, маленькая, детская;* в дру-

гой семье такие же три комнаты называются *правая, левая, детская*. Вот примеры названий книжных шкафов в разных семьях: *красный шкаф, стеллаж, под замком* (т.е. шкаф, который запирается); в другой семье: *черный шкаф, детский шкаф, папин шкаф, наверху* (т.е. на полках, находящихся под потолком).

Коммуникативная необходимость заставляет давать имена бытовым предметам, не имеющим стандартных наименований в разговорном языке. Вот несколько примеров. *Крестик* — дополнительная конфорка, которая ставится на газовую плиту для того, чтобы на нее можно было ставить маленькую кастрюлю. *Столбик* (*высокий шкаф, высокий шкафчик*) — предмет кухонной мебели в виде высокого, узкого и глубокого шкафа; официальное название — колонка. *Треугольник* — треугольный столик. *Лазилки* — официально — детский спортивный комплекс. В другой семье этот предмет, недавно вошедший в домашний обиход, получил название *комплекс*. Сюда же можно отнести существующие во многих семьях собственные названия блюд. Ср., например, *орешек, слоненок* — названия супов; *оранжевый пирог* — вид пирога с медом; *дубарики* — вид твердого печенья, напоминающего сухарики. Собственные имена получают часто используемые (или, наоборот, праздничные) предметы посуды. Ср.: *узбекское блюдо* (в качестве имени собственного, так как в семье имеются и другие блюда узбекского происхождения, но они так не называются); названия тарелок — *бабочка, гномики* ("Из бабочки будешь есть или из гномиков?"). Домашние номинации распространяются также на ближайшие окрестности и объекты на улице, прежде всего однотипные: *Юлин лес, Чертановский лес, Ясеневский лес, Лысая гора* — домашние "географические названия"; *двойной желтый, маленький* — названия разных типов автобусов; *голубые гиганты, зеленые башни, красные башни* — названия различных типов домов.

Другая функция домашнего языка — борьба с рутиной, однообразием повседневного домашнего быта и одновременно стремление к созданию особых языковых средств, присущих только данному микроколлективу, отделяющих его от остальной языковой среды. Для возникновения "семейного диалекта" необходимо наличие, по крайней мере, двух условий: взаимное доверие между участниками коммуникации и существенный общий опыт, формирование которого сопровождается накоплением единиц семейного языка с их нестандартными формами и неповторимо-индивидуальными значениями. В семейном языке действует принцип "дома — как хочу, так и говорю". Здесь можно себе позволить даже нестандартную морфологию — если хочешь, смело говори *на метре́* и не бойся, что тебя встретят ледяным взглядом как человека, "не владеющего литературной нормой". Семейный язык родствен языковой игре, но в отличие от последней, с ее установкой на неповторимость эстетического эффекта, семейный язык обладает устойчивостью. Многие семейные словечки и выражения — это как бы понравившиеся шутки, ставшие знаками семейного общения. "Семейный диалект" обслуживает преимущественно рутинные бытовые ситуации: магазины, покупки,

повседневные нужды. Чтобы "расцветить" эти скучные материи годится все — от детской речи до канцелярита.

При всем разнообразии средств обновления речи, можно выделить несколько регулярных способов словопреобразования, характерных для домашнего языка. 1. Изменение морфологических характеристик слова: склонение несклоняемых (*на метре́, из кина́, без пальта́*), изменение рода (*такая мальчишка* — о молодой девушке; *Я забыл* — в речи женщины о себе); 2. Фонетические преобразования — изменение фонетического облика слова, в том числе по просторечным и "лесковским" моделям: электричка — *лепестричка*, электричество — *лепестричество*, квартира — *фатера*, бумаги — *бамаги* (ирон.). Особенно часто используются метатезы: магазин — *гамазин*, полотенце — *лапотенце*, карандашик — *кандарашик;* 3. Этимологизация, часто намеренно нелепая: ножницы — *режницы*, сберкасса, сберкнижка — *зверькасса, зверькнижка*, Грамматический словарь — *драматический словарь*, поликлиника — *четвертьклиника* (через просторечное *полуклиника*), груша — *хрюша*, пряник — *дряник*, сушка — *сунька, чушка;* 4. Пародирование канцеляризмов, в том числе сложносокращенных слов: горячая вода — *горвода*, гороховый суп — *горсуп*, стиральная машина — *стирмашка*, пишущая машинка — *пишмашинка*.

Стремление к языковой игре, к обновлению речи в сочетании с рутинностью и повторяемостью обслуживаемых домашним языком ситуаций приводит к возникновению интересного явления — словообразования по "семейным моделям". Особенностью этого типа словопреобразования является то, что он применяется не к отдельным лексемам, а к целым группам слов. Приведем несколько примеров семейных словообразовательных моделей. 1. Усечение начального безударного слога существительного: банан — *нан*, апельсин — *син*, сухарики — *ха́рики*, яйцо — *цо*, брошюра — *шура;* 2. Усечение конца существительного, с переносом ударения на начало: телефон — *те́леф*, целофан — *це́лоф;* 3. Превращение атрибутивной группы (чаще всего с притяжательным прилагательным) в одно слово: Мишина пижама — *мижама*. Крошино молоко — *крошако*, Черемушкинский рынок — *Черынок;* 4. Перенос ударения на первый слог с гиперкоррекцией гласного: карман — *ко́рман*, пакет — *по́кет*.

Одна из функций таких новообразований — функция "тайного языка" при общении между взрослыми членами семьи в присутствии маленьких детей. Пример ситуации такого типа — обсуждение взрослыми меню детской трапезы. Другая разновидность тайных номинаций, используемых в этой ситуации — прилагательные-эвфемизмы, описательно именующие желанную еду (чтобы не начали выпрашивать): банан — *длинный желтый*, помидор — *круглый красный*[1]. Нестандартные, индивидуальные средства выражения, применяемые в семейном общении, характерны также для оценочных значений. В качестве примеров приведем "семейные пейоративы", взятые из домашнего языка молодой московской семьи. Образование оценочных имен происходит по нескольким устойчивым моделям. 1. Существи-

тельные, образованные от сложных прилагательных, в свою очередь восходящих к сочетанию существительного с прилагательным: *кривоглаз* (< кривоглазый < с кривыми глазами), *толстобрюх* (< толстобрюхий < с толстым брюхом), *шерстоног* (< шерстоногий < с шерстяными (волосатыми) ногами); 2. Существительные и прилагательные, образованные с помощью индивидуальных аффиксов или аффиксов, имеющих узкую сферу применения: *слизистóид* ≃ 'мерзкий, как слизняк', *толстóус* ≃ 'толстый, и это плохо', *мокрóус* ≃ 'мокрый, и это плохо', *достомéрзкий* ≃ 'мерзкий в высшей степени', *мелкостный* ≃ 'мелкий, мелочный'.

Особую, широко разветвленную сферу домашнего языка составляет семейная фразеология. Источники ее разнообразны. Один из них — любимый круг чтения взрослых и детей. Цитаты обычно используются в сокращенном и упрощенном виде — это скорее намек, знак-напоминание, чем буквально цитата. Источник, конечно, не указывается — ведь это то, что на слуху, читается, перечитывается, помнится... Другие источники семейной фразеологии — популярные песенки и шутки, семейный фольклор и т.п. Вот несколько фразеологизмов, устойчиво используемых в быту одной московской семьи. Характерен круг "сюжетов" домашней фразеологии. Это все те же рутинные ситуации: дефицит времени, необходимость планировать и частые изменения в намеченных планах, необходимость делать несколько дел одновременно. *У пожарных дел полно...* — цитата из детского стихотворения, приблизительное значение — констатация большого количества срочных дел и одновременно сомнение в их важности. Синоним — *Очень много пунктов и подпунктов.* Третий вариант выражения того же смысла содержит две реплики: *Драмкружок, кружок по фото, а мне еще и петь охота* (≃ 'Я сделаю это, это и еще постараюсь успеть сделать это'). Ответной репликой служит ироническое: *Пой, ласточка, пой!* (сомнение в выполнимости намеченного). *Ди эрсте колонне марширт...* приблизительная цитата из "Войны и мира", насмешка над хорошо продуманным, но оказавшимся невыполнимым планом. *Если без горячности разбираться* — приблизительная цитата из рассказа М.М. Зощенко "Монтер" (призыв оценить обсуждаемую ситуацию с точки зрения здравого смысла). *Так мы и поступим* — реплика, заключающая обсуждение плана (подтверждение принятого решения). *Не обязательно пить, пускай стоит* — цитата из повести Ф. Искандера "Созвездие Козлотура" (≃'я сделал это, имея в виду обстоятельства, известные мне, но неизвестные тебе').

Существенной чертой домашней фразеологии (по-видимому, в отличие от фразеологии обычной) является ее резкая изменяемость: способность реплики-фразеологизма изменять модальность, использоваться в вопросительной форме и т.п. Например, фраза *Хорошее начинание, но не для нашего климата* ("Созвездие Козлотура") может использоваться как в своей исходной форме, со значением 'мы не сумеем выполнить этот план', так и в виде вопроса-сомнения: *А это для нашего климата?* Другой пример варьирования домашнего фразеологизма — реплика *Все на забор, забор*

сейчас главное!. (Реплика принадлежит персонажу мультфильма, который принимает участие в общей работе по благоустройству двора только тем, что бегает с места на место и невпопад дает "руководящие указания"). Первоначальное значение — 'давайте все вместе сделаем это домашнее дело'. Позднее она приобрела вид: *такой-то на заборе* (*Сережа на заборе, у него экзамены; у папы отчет, он на заборе*) со значением 'такой-то в трудном положении, все должны ему помогать, чем возможно'.

Когда эта заметка была уже написана, автору стала известна работа исследователя из Магадана Р.Р. Чайковского[2], содержащая много сходных наблюдений и соображений. Близость результатов, полученных разными наблюдателями при изучении разной языковой среды, позволяет предположить, что за всем разнообразием и прихотливостью конкретных типов речевых произведений, свойственных семейному общению, стоят некоторые общие языковые закономерности.

---

[1] Ср. описания многочисленных детских тайных языков, преследующих ту же, но противоположно направленную цель, — сделать разговор непонятным для взрослых: *Виноградов Г.С.* Детские тайные языки // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 2(6). С. 87—112.

[2] *Чайковский Р.Р.* Язык в семье как разновидность социолекта // Вариативность как свойство языковой системы. Тез. докл. М., 1982. Ч. 2. С. 110—113.

Л.А. Капанадзе

СЕМЕЙНЫЙ ДИАЛОГ И СЕМЕЙНЫЕ НОМИНАЦИИ

Все, что связано с языковой избирательностью, что носит печать индивидуальности, не может быть описано вне того минимального социума, в котором существует человек. Инвентарь лексем, интонационный рисунок речи, выбор морфологического варианта — эти и другие индивидуальные особенности речи человека обычно связаны с его семейными речевыми традициями и установками (в разные периоды детства человек активно усваивает разные фрагменты языковой системы)[1]. Речевое общение в сфере непринужденно-бытовой речи в значительной степени автоматизировано. Л.П. Якубинский называл это свойство разговорной речи "ориентировкой на бытовой шаблон"[2]. Он писал о том, что шаблонные, рутинные бытовые ситуации обрастают шаблонными речевыми взаимодействиями.

Однако речевой автоматизм тесно переплетается и соседствует с нестандартностью и разнообразием индивидуального словоупотребления. В индивидуальной речи может быть употреблено диалектное и просторечное слово, могут встретиться старославянизмы, иноязычные слова, словообразовательные и семантические неологизмы, историзмы, профессиональная лексика, жаргонизмы, малоизвест-

ные специальные слова и т.п.[3] В непринужденной речи широко варьируются грамматические средства языка, средства суперсегментной фонетики. Комбинация всех этих средств создает неповторимость речевого портрета каждого говорящего (впервые описание речевого портрета введено М.В. Пановым в работе 60-х годов по истории произношения).

В этой статье будут рассмотрены те части лексикона и та область коммуникации, которые возникают именно в семье. Среди разнообразных жанров разговорной речи выделяются жанры "домашнего говорения", не предназначенные обычно для постороннего глаза и постороннего уха. Это — домашняя небрежная речь, и она связана с заповедной областью семейных отношений, с семейными тайнами. В каждой семье есть свои способы и приемы общения, и иногда индивидуальная амплитуда отклонения от общепринятых функциональных стандартов бывает очень велика. Эти отличия обычно бывают связаны с особенностью характеров людей, с их разными привычками, вкусами, взглядами и в очень большой степени с "корнями" человека, его происхождением, местом наиболее длительного проживания. Если в городской семье есть представители старшего поколения — выходцы из сельской местности или из других республик, то речь младшего поколения семьи неизбежно отразит какие-то черты диалекта, включит иноязычные наименования.

Лингвисту не всегда бывает удобно проводить запись, анкетирование, опрос в семье, так как людям свойственно скрывать от посторонних свою частную жизнь, и работающий магнитофон обычно крутится, не принося желаемого "улова". Многочисленные домашние клички, ласковые имена, семейные шутки настолько интимны, что предавать их гласности кажется не очень удобным, и по этическим соображениям исследователи обращаются к самонаблюдению. Но есть такие зоны в семейных лексиконах, которые лежат "на поверхности". Это разного рода домашние номинации и стереотипы повседневной жизни. Часто определенные вещи называют в семье так, а не иначе "по традиции", потому, что так именовали их в этом доме всегда, эти обозначения стали привычными: баки для кипячения белья в некоторых московских семьях называют *выварками* (диалектное южнорусское слово), хотя обитатели дома родились и выросли в Москве. Ясно, что носителями диалекта были старшие представители семьи (все наши информанты — носители литературного языка). Эти "семейные номинации" иногда бывают очень пестрыми, источники их многообразны. Здесь заимствования из народных говоров (очень распространенное явление), заимствования из просторечия, из других языков (часто фонетически трансформированные, усеченные, приспособленные к русскому языку). Такие слова довольно естественно включаются и в русскую деривационную систему: *рококошки* (печенье "рококо"), *безешки* (пирожное "безе"). Официальное наименование становится в быту "простецким" — "видеомагнитофон" ("видеосистема") — *видяшка, видюшник* или *видяшник*.

Приведем домашние номинации блюд, записанные в семье, где

в старшем поколении были выходцы из деревни в Калужской области и из русских семейств, прежде живших на Кавказе. Так, картофельная запеканка звалась здесь *драчёной*, блинчики — *блинцами*. Была похлебка, которую делали летом, нечто вроде тюри, и это называли *мурцовкой*. Беляши именовались *перемячи* (хозяйка объясняла, что ее бабушка жила рядом с татарской семьей, и именно соседи обучили ее стряпать это блюдо). Явно кавказского происхождения название *аджаб-сандал* (особый род овощного рагу). В другой семье это же овощное рагу называется двояко: *овощи* (нейтрально) и *пергузе́* (иронически). Характерно, что "семейные номинации" имеют затемненную внутреннюю форму, непонятны для непосвященных, требуют комментариев — суп с маленькими пельменями — это *суп с ушками;* творожники — только *сырники*. Печенье называется по-разному в зависимости от их формы, цвета, "материала": *лимончики, ме́сяцы, мозаика, рогалики, орешки, палочки*... Часто домашние наименования идут из детского языка — кто-то из детей назвал кушанье нетрадиционно, и слово осталось на многие годы в семейном обращении. Так, кашу из толокна почему-то называли в одной семье *драндулетом,*объясняя, что так говорили дети, когда были маленькими. Название это — чисто эмоциональное, мотивация здесь затемнена. Дети придумали конденсат *домашка* для блюда *домашний шоколад* и сложносокращенное *каиса* (какао + сахар). Нередко в домашних наименованиях некоторые слова ведут свое происхождение из шутки. Кто-то рассказал, что видел в меню одной столовой обозначение "полукисель". С тех пор молодое поколение семьи все кисели называет *полукиселем*. Шутливые номинации распространены в семейном лексиконе. В одной семье был уголок, называемый *свалка* — место, куда складывали белье для стирки, отходы от шитья, какие-то тюки, тючки... В другой семье с подобными нагромождениями вещей упорно боролись и называли их *заячьими уголками* (*К празднику уберусь. Чтоб никаких заячьих уголков*!).

При описании "семейного словаря", надо учитывать семейные обычаи, ритуалы, способы ведения хозяйства, т.е. этнографию семьи. Исследователь наверняка столкнется при этом с разнообразными "домашними табу". Слово, намек, различные следы прошедших и существующих ныне взаимоотношений создают неповторимую фразеологию микросоциума. Приведем отрывок из диалога, который хорошо иллюстрирует сказанное: А: Михаил Палыч / два экземпляра попросил // Скромность/ правда? — Б: Скромно / конечно // — А: Его же тоже там наверное теребят со всех сторон // — Б: У него небось родственников/ и всяких знакомых // — А: Побольше чем двадцать // — Б: Да // — А: человек // Не знаю честно говоря // Обидно конечно будет если не подпишут // // Ну где-то близко должно быть / потому что они обещали к юбилею // — Б: Да // — А: выпустить том и /открыть пс дписку // — Б: Угу //.

Семья находится в определенном отношении к чужому слову, мнению, чужому "миру". Она противостоит миру именно как нечто

единое, связывающее родных людей общностью взглядов и оценок.

Значение скрытой полемичности нашей речи еще не описано лингвистикой. Должен ли лингвист регистрировать следы и отложения этого чужого голоса в тексте разговорной речи? Но если мы слышим эти оттенки в речах окружающих и сами пользуемся словесными оглядками, намеками, выпадами, то и исследование этих явлений необходимо[4].

Стилизация, пародия и сказ имеют вполне определенные аналоги в бытовой речи. Указания на чужое высказывание, из которого заимствуется данный текст или в духе которого он строится, существенным образом изменяют текст: Врач была? — Была/ была// Вот ужас! "Возможно снохождение". Ср. также: Ну/ что нам на завтра светит? Ты слышал радио? — Видишь /"синоптическая ситуация" опять какая-то не такая... Ничего определенного //(со смехом) Но все-таки плюс или минус?

Подражание чужому слову и воздействие чужого слова приводят к тому, что разговорная речь включает в свою ткань разнородные лексиконы, конгломерат разнородных явлений. Чужая словесная манера используется говорящим как точка зрения, как позиция[5]. И, разумеется, наиболее зримо для нас, исследователей, социально чужое слово (и социально чужое мировоззрение)[6]. Сложнее для наблюдения случаи, когда чужое слово не воспроизводится, оно лишь подразумевается, но "вся структура речи была бы совершенно иной, если бы не было этой реакции на подразумеваемое чужое слово". Эта направленность на чужое слово проявляется в чисто языковых признаках, в интонации и в синтаксической конструкции "Слово напряженно чувствует рядом с собой чужое слово, говорящее о том же предмете, и это ощущение определяет его структуру"[7]. Слово с оглядкой на реакцию слушающего, на его позицию, чрезвычайно распространено в нашей бытовой речи. И это не только "камешки в чужой огород", но и все случаи речи с оговорками, лазейками, отступлениями, уступками и т.д. Такое слово всегда как бы предвосхищает чужую, ответную реплику или, по крайней мере, стремится ее предвосхитить.

Рассматривая лишь стилистические взаимоотношения элементов в пределах замкнутого высказывания, мы теряем все те добавочные смыслы ("чужие осмысления", по Бахтину), которые присущи слову в естественном диалоге, сужаем диапазон словесных возможностей. Если же мы подойдем с "бахтинскими" мерками к живому диалогу, то будет понятно постоянное "перерезывание" сюжетной линии в рассказах РР, присутствие побочных вставок, деталей, намеков, скачкообразность построения текста, ее неорганизованность. Беспорядочный поток ассоциаций, разрушение логического сцепления частей высказывания найдут свое оправдание.

В РР мысль очень редко развертывается линейно. Мы постоянно находимся как бы в предвосхищении чужой реакции, и это в некоторых случаях создает "дурную бесконечность" в речевом общении, некое perpetuum mobile диалога (эту особенность разго-

ворной речи блестяще имитировал М. Зощенко). Повторы, оговорки, внедрение чужих акцентов, уступки, смягчения составляют душу живого диалога. Всего одна лишь фраза *Что здесь делают эти люди?* в речи информанта дает слушающему представление о непричастности говорящего к происходящему, его отчужденности. *Я только хотел сказать / что ты...* — эта фраза допускает разные интерпретации, но прием уступки, смягчения ясен для слушающего.

Часто чужое слово вводится в текст РР в форме прямой речи. В дальнейшем текст развивает эту тему: "Ты неблагодарная" ... Стала бы неблагодарная с ней по больницам ездить. "Неблагодарная"! В прошлом году отпуск... Весь отпуск на нее просадила.

Другой случай: — А: Портнова скоро наверно будет защищать? — Б: Наверно // А чего / пусть // Все кругом позащищались / она что ль не заслуживает?

Приведем записи семейных микродиалогов, включающие в текст оглядку говорящего на чужую реакцию: — А: Вот сейчас вы посмотрите что у нас на второе... Это очень вкусно / все говорят // — Б: Кто все? — А: Все-все // И это странно / что всегда заранее настраиваетесь // У нас все не по-людски //; — А: А что в школе? Контрольную переписал? — Б: Какую контрольную? Опять про это... Обязательно всегда надо воду в ступе толочь?; — А: Сегодня полдня в химчистке просидела // — Б: А мы кажется работали // — А: Никогда никто не поддержит // Не пожалеет // Всегда одни грубости!

Сигналами недовольства говорящего выступают интенсивы — обобщения *все время, всегда, все* — это, по сути, гиперболы, фигуры речи.

---

[1] См. об этом: *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982.

[2] *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Язык и его функционирование. М., 1986. С. 46—47.

[3] Особенно интересны такие случаи индивидуального переосмысления слова, которые не связаны с речевыми ошибками и возникают по воле говорящего: "... Все собрались у костра и сумерничали часа полтора, пока этот проклятый вельбот прибыл. Знаю, что *сумерничать* обозначает сидеть у огня, в ожидании темноты, и подремывать. Мы сидели с огнем, ожидали вельбот и не дремали, но больно уж к месту слово" (*Конецкий В.* В сугубо внутренних водах. М., 1982. С. 492).

[4] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 312—313.

[5] "Лингвистика этого двуголосого слова не знает... Оно... должно стать одним из главных объектов изучения металингвистики" (Там же. С. 315—316).

[6] Там же. С. 334.

[7] Такая речь словно корчится в присутствии или в предчувствии чужого слова, ответа, возражения" (Там же. С. 336).

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В РЕЧИ

Л.А. Капанадзе

ФОНЕТИЧЕСКИЕ МЕТЫ ХАРАКТЕРА

Наша речь характеризуется определенным темпом, продолжительностью, тембровыми особенностями, степенью громкости, артикуляционной четкости, акцентом, тоном. И если акустика различает в звуке речи прежде всего высоту, силу, долготу, то язык устанавливает сходство и различие звуков по производимым этими звуками впечатлениям. Мы хорошо запоминаем не только "голос" знакомого нам человека, но и его манеру говорения. Одной из ярких индивидуальных особенностей звучащей речи является различное использование говорящим фонетического эллипсиса. Разнообразные фонетические явления, которые принято объединять в группе эллиптических[1], представляют собой факультативную потерю в разговорной речи части звуковых сегментов или признаков, содержащихся в кодифицированном фонетическом тексте. Это — результат действия особых фонетических правил, а возможность такой утраты части фонетической информации в данном речевом отрезке связана со значительной избыточностью последовательности звуковых элементов, снижающей требования к средствам их различения. Тенденции к упрощению звуковой цепи благоприятствует быстрый темп речи (он затрудняет осуществление сложных артикуляторных программ). Исследователи отмечали, что фонетический эллипсис наблюдается и в медленной речи[2] — это высокочастотные слова и все случаи, связанные с так называемой лексикализацией фонетического усечения (*щас, тыща, вапще* и т.п.). Таким образом, в РР образовались независимые от скорости речи сокращенные дублетные формы высокочастотных слов.

Парадокс заключается в том, что эта потеря в РР части звуковых сегментов — явление само по себе факультативное, индивидуальное. Разные носители языка используют эллипсис в неодинаковой степени и по-разному распределяют употребление этих форм между быстрым и медленным темпом речи. Одни говорящие даже в быстром темпе почти не упрощают звуковой последовательности, другие делают это лишь в быстрой речи, третьи очень активно используют почти все виды упрощений, встречающиеся в ускоренной и в медленной разговорной речи. Эта особенность относится к группе явлений, которые могут быть названы фонетическими метами индивидуальной речи. Наличие или отсутствие фонетического эллипсиса в речи данного лица (факультативное языковое явление) формирует во многом фонетический облик его речи[3].

Приведем наиболее яркие случаи фонетического эллипсиса: 1) [л] в формах прошедшего времени — *сделал;* 2) выпадение интер-

вокального [д']: *видит, проходит, находит;* 3) выпадение интервокального [в]: *девушка, правильно, слово;* 4) в большой группе прилагательных на *-ственный* и образованных от них наречий не произносится [в']: *государственный, продовольственный;* 5) выпадение [ьл'] в звуковой последовательности [т' ьл'] перед последующим согласным: *внимательный, обязательный.*

Наиболее важны для нас те случаи, когда эллиптические явления встречаются лишь в высокочастотных словах. Мы видим, что в РР слово появляется в разных усеченных вариантах, и это позволяет проследить этапы его сокращения: *тысяча*: [тыс'и^{e}ч'а] → → [ты́с'ча] → [ты́ш'ч'а] → [ты́ш'ъ]; *конечно*: [кан'е́шн] [кан'е́шь] → [ка-е́шъ] → [кешъ]. Подобным образом трансформируются слова и словосочетания *здравствуй, все равно, оказывается, совершенно* и т.п. Разные усеченные варианты могут встречаться не только в речи одного лица, но и в одном и том же высказывании.

Эллиптические явления описанного выше типа выступают в речи при установке говорящего на разговорную форму речи. Однако, по нашим наблюдениям, некоторые лица не склонны к фонетическому эллипсису. Они готовы тысячу раз произнести слово [ты́с'ича] в любом жанре РР. Напротив, другие говорящие "злоупотребляют" фонетическим эллипсисом и готовы произносить формы [кешъ] и [ты́ш'ъ] перед микрофоном и с трибуны. Обычно этот выбор бывает связан с индивидуальными, личностными характеристиками говорящего. В одних случаях эти люди, которые ведут себя несколько по-актерски, чувствуют себя в любой аудитории свободно (вариант [ты́ш'ъ]). В других случаях это люди скованные, неуверенные, немного педанты (вариант [ты́с'ича]). Вариативный характер фонетического эллипсиса может стать любопытным полем для наблюдений психолингвиста.

---

[1] См.: *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967, *Кодзасов С.В.* Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973. С. 109.

[2] *Кодзасов С.В.* Указ. соч. С. 112.

[3] Все наши наблюдения основаны на записях речи москвичей, носителей литературной нормы.

Г.Н. Иванова-Лукьянова

ОСОБЕННОСТИ ИНТОНАЦИИ АКТЕРА

Изучение интонации как средства различения актерской речевой манеры является наиболее молодой и наименее изученной областью исследования сценической речи. Лингвистическое описание ритмико-интонационного своеобразия речи того или другого актера включает в себя анализ интонации (в значении мелодики), способа паузирования и выделения слов, имеющих смысловую или экспрессивную нагрузку, и анализ темпа.

Интонация человека, как и его произношение, не является природной: она формируется под влиянием общественно-культурной среды, лингвистического окружения, особенностей темперамента и других факторов. В интонации актера происходит соединение личностных интонационных особенностей с теми, которые он приобрел в период профессиональной подготовки и актерского становления. Соединение личностного и актерского создает индивидуальность интонационной манеры актера, его стиль, его неповторимый речевой облик.

Своеобразие интонационной манеры актера создается всеми ритмико-интонационными средствами одновременно, то есть мелодикой речи, особенностями ее членения, разнообразными приемами выделения особо значимых слов, характером темпа. Мы же остановимся только на особенностях мелодического оформления речи – на интонации в узком смысле слова, пытаясь на этом малом участке ритмико-интонационной основы текста найти возможность противопоставления речевой манеры разных актеров.

Различие в интонационном оформлении звучащих текстов может быть обнаружено с помощью интонационной модели, которая составляется из наиболее типичных интонационных конструкций начальных, срединных и конечных синтагм. Таким образом, интонационная модель включает три компонента, в каждом из которых отражено интонационное своеобразие зачинов, центральной части и концовок предложений (учитываются только повествовательные предложения). Интонационная модель учитывает только повторяющиеся интонационные конструкции, исключая случаи единичного употребления ИК (ИК системы Е.А. Брызгуновой)[1]. Формула интонационной модели передает интонационное своеобразие текста, она может выразить типичные функциональные особенности текста, а также индивидуальные особенности говорящего. Индивидуальные признаки актерской интонации могут быть выражены: а) в простоте или сложности интонационной модели, б) в предпочтительности той или иной интонационной конструкции в начале, середине или конце предложения, в) в прямом или непрямом употреблении интонационных конструкций, г) в особенностях употребления экспрессивной интонации, д) в переходных типах ИК, характерных для речи того или другого актера.

Простота или сложность интонационной модели свидетельствует об однообразии или разнообразии мелодических построений предложений и сложных синтаксических целых. Монотонная, интонационно невыразительная речь может быть выражена простейшей формулой интонационной модели, каждая часть которой состоит из одной цифры (например: 2-2-1, 3-6-1, 4-43-1). И наоборот, пример сложной интонационной модели: 632-6324-12. Актер с богатой речевой интонацией постоянно варьирует интонационное оформление синтагм и даже отдельных слов; более того, в речи некоторых актеров даже внутри отдельного слова можно услышать сложную мелодическую вибрацию. В приведенных ниже иллюстрациях использована интонационная транскрипция, которая отражает интонацию, паузирование (условные обозначения пауз: / – грамматическая реальная пауза, $\overline{I}$ – грамматическая нереальная, (/) – пауза колебания, ; – психологическая пауза, γ – пропуск обязательной паузы) и логические ударения (полужирный шрифт обозначает громкость, разрядка – глухость, курсив –

растяжку слова, знак долготы над буквой – увеличение длительности звука, стрелка под словом – ускоренное произношение). Например:

(3)4 (3)2 2 (3)2

Поищу-у (В.Н. Рыжова); А как же!; И вам / всего наилучшего! (Р. Плятт).

Сложность интонационного оформления синтагм у актеров проявляется в таком интонировании синтагмы, когда в ней можно различить не одну, а две, иногда даже три интонационные конструкции при сохранении веду-

(4)′2

щей роли одной из них. Примеры: – Это ружье дорого-ое. Это ружье стоит,

3 (3) (4) 1 4

пожалуй /, рублей тысячу / двести. – Что? – огрызнулся хозяин. Жена

6 (6)

поняла по строгому голосу, что в чем-то ошиблась / и стала заботливо

(2) 1 3 3

вытаскивать муху из меда, / а Иван Яковлевич / покачал головой с ехидной

2 (2) (2)

улыбкой / и сказал своей почтенной любимой жене, / что не бабьему уму

1

судить о таких вещах, γ как охотничье ружье, / и что есть вещи на

2 3 (2) 1

свете драгоценные /и есть/, которым и быть не может никакой цены (Пришвин, Как заяц сапоги съел. Исп. Г. Жженов).

Сочетание основной и дополнительных ИК в одной синтагме у некоторых актеров имеет однообразные, типичные для данного актера выражения – в таких случаях эти типичные конструкции двувершинных синтагм могут служить средством интонационного различения актерской речи. Например, в интонации Д.Н. Журавлева частые сочетания ИК-2 и ИК-6 внутри одной

6 2

синтагмы создают особенность его речи: Прошло / два месяца / после полу-

(2) (2) 6 (2)

чения известий в Лысых горах об Аустерлицком сражении / и о погибели

6 (5) 2^6

князя Андрея, / и, / несмотря на все письма через посольство / и на все

2 3 (2) 6 (3) 1

розыски, / тело его / не было найдено, / и его не было в числе пленных (Толстой, Война и мир).

Другие актеры дают разные сочетания ИК внутри синтагм, используя этот прием для разнообразия интонационного оформления отдельных микротем. Например, ср. интонацию двух отрывков (исп. – М. Астангов):

(3) 1

I) ... была изящная влюбленная пара, / за которой все с любопытством

2 (2) 1

следили, / и которая не скрывала своего счастья: / он танцевал только

2 2 2

с нею, / и все выходило у них так т о н к о, / о ч а р о в а т е л ь н о, / что

(3) 1 3

только один командир знал, / что *эта пара* / нанята / Ллойдом / играть в

2 (3) 1 3

любовь / за хорошие деньги / и уже *давно* плавает / то на одном, /то на

(6) 1 2^3 2^3
другом *корабле*; II) В самом низу, / в подводной утробе "Атлантиды" /
2 6 6
тускло блистали *сталью*, / сипели паром / и сочились кипятком и маслом /
6 2 2^3
тысячепудовые громады котлов и всяческих других машин, / той кухни,
γ раскаляемой исподу адскими топками, / в которых варилось дви-
2^3 6 (5) 2
жение корабля, – / клокотали страшные в своей сосредоточенности силы...
(Бунин, Господин из Сан-Франциско).

М. Астангов был непревзойденным мастером художественного слова. Изысканность его интонации была фантастической: он выстраивал из интонационных контуров неповторимые комбинации, создававшие глубинный подтекст литературного материала. Интонационной сложностью у него отличались не только отдельные синтагмы, но и слова и даже отдельные звуки (как показали приборы, гласные звуки астанговского голоса интонационно вибрируют[2]). При этом интонационная усложненность никогда не была для актера самоцелью, она всегда была средством передачи смысла. Поэтому двувершинность первой микротемы (ИК-3 и ИК-1) создает слишком большую амплитуду колебаний тона и это вызывает ощущение неестественности и напряжения. Во второй микротеме амплитуда предельно мала (ИК-6 и ИК-2), отсюда и бесстрастность повествования перед неотвратимостью рока.

У большинства же актеров особенности построения двувершинной интонационной конструкции являются приметой узнаваемости: они повторяются в разных текстах, независимо от их темы и эмоционального содержания. Как показала В.Я. Труфанова, различные модификации двувершинных ИК в сочетании с определенными изменениями гласных в предцентровых, постцентровых и центральных гласных синтагмы могут служить показателями интонационной индивидуальности актеров[3].

Манера художественного чтения крупных актеров отличается интонационным своеобразием. Однако мелодическая усложненность не всегда является необходимым условием актерской индивидуальности. У некоторых актеров мелодическая монотонность (или упрощенность) компенсируется усложненностью, оригинальностью других явлений просодического плана. Сопоставляя, например, интонационную манеру двух замечательных актеров Малого театра М. Царева и И. Ильинского, нетрудно заметить различия в мелодике, в характере синтагматического членения, в способах выделения особо значимых слов, в темпе их речи.

Интонация М.И. Царева чрезвычайно разнообразна: каждая синтагма окрашена особым тоном, при этом деление на синтагмы дробное – отсюда впечатление гибкой, постоянно меняющейся интонации. Сложная интонационная модель отражает эту интонационную усложненность: Он
(2) (2) 3 (6) (2) 6
торопливо подбирал полы своего халата, / собираясь встать с кресел,
3 3 1
/ приподнялся / и вдруг / упал (Пушкин, Дубровский).

ИК-2, 3, 6, сочетаясь друг с другом попеременно, создают в речи М. Ца-

рева изящную мелодическую основу. Так мелодическая усложненность оказывается в зависимости от дробности синтагматического членения.

В речи И. Ильинского, напротив, заметно стремление к однообразию интонационных ходов. Это создается за счет членения речевой цепи на слишком длинные синтагмы (средняя длина синтагмы у М. Царева – 3 слова, у И. Ильинского – 5): В один день, / когда она ревизировала свой огород и возвращалась с вырванными своей рукой зелеными свежими огурцами для Афанасия Ивановича, / слух ее был поражен самым *жалким* мяуканьем; Нельзя сказать, что чтоб Пульхерия Ивановна слишком любила ее, / но просто привязалась к ней, / привыкши ее всегда видеть (Гоголь, Старосветские помещики).

Кроме того, синтагмы у И. Ильинского оформляются одной интонационной конструкцией без дополнительной окраски. Так создается общий нейтральный фон повествования, на котором отчетливо видны те приемы выразительности, которыми так широко пользуется актер, выделяя отдельные слова самыми разнообразными способами: здесь, например, слово *жалким* растянуто и произнесено с сильным интонационным повышением. Так интонационная сдержанность может компенсироваться богатством логических ударений.

Интонационной особенностью других актеров служат сложные интонационные конструкции, которые невозможно определить с помощью какой-либо ИК и лишь с разной степенью точности их можно обозначить с помощью переходных ИК. Например, в речи М. Ульянова такой конструкцией является ИК-2^6, в речи Ю. Яковлева – ИК-2^3. Эти сложные мелодические образования, своеобразные интонационные полутона, присутствуют в речи этих актеров как постоянный мелодический фон, на котором фонетические признаки стиля и жанра, экспрессивной окрашенности и образной выразительности выступают как признаки временные, привнесенные особенностями текста. Известно, что тексты, различающиеся своей функционально-стилистической принадлежностью, различаются и своим ритмико-интонационным строем. Даже в речи одного человека, выступающего в разных речевых ситуациях или озвучивающего тексты различных функциональных типов речи, проступают фонетические признаки стиля и жанра. О том, как сквозь интонационные черты стиля и жанра проявляются особенности интонации актера, можно судить, сопоставляя звучащие тексты разных жанров.

М. Ульянов

6 2^6 2^6 2^6
Впервые я увидел Шукшина, / нелюдимого, / замкнутого /, ушедшего в себя, / живущего какой-то / обособленной, / внутренней жизнью, / куда он не хотел пускать
2^6 6 (2)
2^6 (2) 1 (2^4) 6
незнакомых / и неясных для него людей. Таким я для него был, / когда мы впервые
3 6 1 6
познакомились с ним на съемках (/) картины "Простая история". Мы жили / в

одном подмосковном селе, / в холодном / большом классе, / и (/) за то время, γ что были вместе ', обменялись, наверное, / несколькими фразами. Шукшин / все время сидел на кровати, ⌶ *нещадно* курил ⌶ и, как-то (!) прячась, / что-то писал. Что это было /, какой рассказ рождался, / я не знаю. Может, это были первые строки из "Степана Разина", / а, может быть, / и это?... (Воспоминания о В. Шукшине);

На это надо было / решиться. Он решился. Пришел как-то домой – / сам не свой – / желтый; / не глядя на жену, γ сказал:

– Это... (/) я деньги потерял. При этом ломаный нос его ⌶ кривой, / с горбинкой, / из желтого стал *красным.*

– Сто двадцать рублей.

У жены ⌶ отвалилась челюсть /, на лице появилось просительное выражение: γ может, это шутка? / Да *н е т,* ⌶ этот кривоносик / никогда не шутит, ⌶ не умеет. Она глупо спросила: / – Где? Тут он невольно ухмыльнулся. ⌶

– Дак, (/) если б я знал, где γ я б пошел бы / и...

– Ну, *нет*!! – /взревела она./ – Ухмыляться ты теперь ⌶ долго не будешь! И побежала за сковородником (В. Шукшин, Микроскоп);

К а й д а н о в: Слава ⌶ и Таня. Таня и Слава! Вы обратили внимание, / какой сын вырос? Нет, *нет,* / ты обратил внимание, / какой у *меня* / сын вырос?

Л е л я: Ну что ты головой крутишь? Это же у нас.

К а й д а н о в: Вот именно. Лелька! Нет, ребята, ⌶ мы неверно жили. ⌶ Славка, / *неверно* мы жили.

У ф и м ц е в: Правильно.

К а й д а н о в: Вот у меня сын вырос ⌶ а много я его видел?

У ф и м ц е в: Мало.

К а й д а н о в: А тебе, Лелька, / разве я много красивых слов говорил?

Л е л я: Мало.

К а й д а н о в: Ну вот. Это же **возмутительно. Все!** Начинаю жизнь иначе. Во-первых, ⌶ я буду говорить тебе все время ⌶ красивые слова.

Л е л я: А ну говори.

К а й д а н о в: Что, сейчас? Пожалуйста. Леля.

4 1
Л е л я: Хорошо. Еще.
4² 3 1 2 6 (2⁴) 1
К а й д а н о в: Лелечка. Еще? Пожалуйста. Вот! Из дому я теперь ∫ ни на шаг. Что,
3²
не верите?
1²
Л е л я: – Ага.
2⁶
К а й д а н о в: Правильно (к/ф "Добровольцы": Кайданов – М. Ульянов, Уфимцев – Ю. Щербаков, Леля – Э. Быстрицкая).

Примеры показывают, как в зависимости от функциональной направленности текста изменяется его интонационная модель. Она отличается простотой в нехудожественном тексте (6-2⁶63-1) по сравнению с художественными (342-62⁶2-213, 62-22⁶3-124²). Кроме того, в нехудожественных текстах значительно меньше использованы приемы выразительности, связанные с передачей логических ударений, которыми так широко пользуется актер, создавая художественные образы. Это и увеличение длительности слова, и произнесение его громче или тише, и изменение темпа, тембра и психологические паузы, выделяющие необходимое слово. Эти приемы оказываются тем выразительнее, чем однороднее фон. Поэтому сдержанность интонационной манеры, приглушенность мелодического фона позволяют М. Ульянову усилить выделительные акценты: Да я все равно, что
2 6 2
украл! /.../ Он Агрофену Михайловну смущал, / а я / ревновал (Достоевский, Братья Карамазовы).

Однородность мелодического фона, позволяющая актеру столь рельефно выделить отдельные слова, создается отсутствием тоновых контрастов. Сочетание переходных ИК, сравнительно редкое употребление высоких мелодических подъемов, тенденция к использованию в конечных синтагмах ИК-2, 2⁶, 3, 4, 6 значительное сужает тональную амплитуду, лишает мелодику контрастности – одного из фонетических признаков звучащего художественного текста. Однако именно этот неяркий мелодический фон и позволяет М. Ульянову усилить другие фонетические контрасты, а именно, контрасты акцентных выделений: соседство усиления и ослабления голоса, сокращения и растягивания длины слов, кратких и длительных пауз.
2⁶ 2⁶
И **горше** были дни мои, и слаще, / Но старше став, / на том себя ловлю,
2⁶ 1² 1
Что повторяю я теперь все чаще Одно и то же: /"Я т е б я л ю б л ю!"
2
(Гамзатов, Бросает свет светильник мой чадящий); **Все матери** знатных
2⁶ (2) 1 2
людей в деревне / не любили Глеба. Опасались. И вот теперь приехал канди-
1 4 2
дат Ж у р а в л е в. – Кандидаты? – удивился Глеб. – О-о! *Голой рукой*
2⁴ (2) 2⁶ 3⁶
не возьмешь (Шукшин, Срезал); *И если время, γ ветром разметая,* Сгребет

1 6^3
их всех в один ненужный ком ... С к а ж и т е т а к ... / что роща золотая
6^3 1
О т г о в о р и л а м и л ы м я з ы к о м (Есенин, Отговорила роща золотая).

Интересно, что в обычной, несценической речи М. Ульянова такого нарочитого сопоставления контрастных способов акцентных выделений мы не встречаем. Напротив, в пределах одного сложного синтаксического целого наблюдается словно сознательная повторяемость одного и того же способа подчеркивания наиболее важных слов; обычно это усиление громкости одновременно с ИК-2, либо сильное растягивание слова. Примеры из беседы актера со зрителями:

1
– В нашей жизни не хватает до-бро-же-ла-тельства. Этого человеческого
2 2
участия в другом человеке, / человеческого **сочувствия**, / просто чело-
2 1 2 2
веческого **тепла** / не хватает. – **Не надо** / забывать об этом, / **не стоит** /
1 2 2
забывать об этом. – Можно **не принимать**, / можно **не соглашаться**, / но
2 2^6
нельзя **отрицать**. – Я должен **наизнанку** вывернуться, / чтобы заставить
2 2
вас **забыть** все... – Это проще, γ чем сказать, γ что ты **человек**, / что ты
2 2
можешь быть человеком, / что ты **хочешь** быть человеком. – Вот этот
2^6 2^6 2
человек, / даже если он и мягок, / даже если он и **добр**, / да пропади он
2 (2) 3 2
пропадом... – **Каждая** роль – / это еще и **мечта** о человеке.

В интонации Ю. Яковлева приметой узнаваемости является ИК-2^3, присутствующая в значительном количестве почти в каждом тексте, произнесенном этим актером. По сравнению с интонацией М. Ульянова в речи Ю. Яковлева мелодическая амплитуда значительно увеличена за счет сочетания ИК-2^3, ИК-3 с ИК-1. Частое употребление высокого тона в зачинах и низкого в концовках создает тоновый контраст, усиливающийся еще и за счет того, что нисходящая интонация создается актером в низком регистре, придавая голосу своеобразную тембровую окраску. Мелодическая контрастность речи Яковлева образуется не открытыми ИК, а как бы полутонами, то есть переходными типами ИК, которые к тому же варьируются в зависимости от разных регистровых уровней – в этом заключается одна из особенностей его интонации. Однако тоновая контрастность служит препятствием к созданию сложных акцентных выделений – их в речи Ю. Яковлева сравнительно мало.

Каждая роль / – ведь, это / новый человек со своей походкой /, со своей / манерой разговаривать/, со своими глазами /, со своим сердцем /, со своей душой. Вы понимаете, γ что у (/) композитора / есть (/) инструмент, / при помощи которого он создает свои новые музыкальные произведения /, художник пишет красками /, а / у актера / нет никаких / инструментов / кроме / него самого. Следовательно, / все должно родиться внутри / актера /. Это должен быть и я / и / не я. Так вот /, в каждой (/) новой роли / мне хочется / открыть / новую грань / не только своего актерского дарования, / но мне хочется / открыть и в роли, / ну, это (/) в основном, касается классики, / конечно, открыть в роли / что-то другое, / то, что в ней, (/) предположим, (/) на мой взгляд, / не было / открыто (Из беседы со зрителями); *Лика*! / Лютый мороз на дворе / и в моем сердце. Денег нет / угарно / отец ладаном накурил. Голова болит / уединения нет. А главное, / нет Лики / и нет надежды, / что увижу я ее сегодня или завтра. Не предавайте нас преждевременному забвенью. Делайте вид, γ что Вы нас еще помните, обманывайте нас, / Лика / обман лучше, γ чем равнодушие. (–А Вы напишите: удобно ли приехать к Вам.) (Чехов, Письма); – Да врунья Вы, / не верю я Вам. Вы вовсе не хотите быть около нас. Мы для Вас ничто. Мы – прошлогодние скворцы, /пение которых давно забыто. Когда же весна /, Лика /когда весна? Понимайте этот вопрос буквально, / и не ищите в нем скрытого смысла. Увы, я уже / старый / молодой человек. Любовь моя не солнце / и не делает весны / ни для меня, / ни для птицы, / которую я / люблю (спектакль "Насмешливое мое счастье");

Ж е н я: Ипполит Георгиевич /, о чем Вы думаете, а?

И.Г.: Я не собираюсь перед Вами отчитываться.

Ж е н я: Ну, все-таки, γ у Вас на лице написано: / Вы думаете обо мне?

И.Г.: Да, / о Вас. О Вас /, искатель приключений. Для Вас нет ничего устоявшегося, / ничего законного, / ничего святого. Такие, как Вы, γ всюду суют свой нос, / верят не в разум, / а в порыв. Вы, не управляемы. Для таких, как Вы, γ главное / не разум, / а чувство. Импульс. Такие, как Вы, – γ угроза для общества.

Ж е н я: Весьма лестный отзыв.

И.Г.: А Вы, интересно /, о чем думаете?

1
Ж е н я: Я думаю о горячем чае.
2^3
И.Г.: О чем?
2
Ж е н я: Чаю горячего хочется.
2
И.Г.: Ну, γ о горючем чае я тоже думаю /, но все-таки: γ откровенность за откро-
3 1
венность.
Ж е н я: Пожалуйста, γ пожалуйста (к/ф "Ирония судьбы": Ипполит Георгиевич – Ю. Яковлев, Женя – А. Мягков).

Таким образом, типичный для Ю. Яковлева переходный тип ИК, являющийся наиболее заметной чертой его интонации, проступает в текстах разных литературно-художественных жанров и в текстах других функциональных типов речи.

Если же в речи актеров нет таких переходных конструкций, то интонационные различия следует искать в особенностях интонационных моделей, в своеобразии сочетаний ИК внутри синтагмы и в особенностях употребления ИК для передачи различных синтаксических значений. Особое внимание при этом следует уделить случаям непрямого использования интонационных конструкций. Например, для А. Райкина типичной является ИК-3 в конце повествовательного предложения (прямое употребление интонации при утверждении предполагает интонацию нисходящего тона – ИК-1. Это особая райкинская интонация, комизм которой отчасти и создается таким неестественным интонированием утвердительных предложений:

А. Р а й к и н

6 4 3
– Но, правда, / ребенок родителей не видел, / но он он них знал;
4 4 3
– Приехали львы / целая комиссия, / вызвали медведя и зайца;
6 6 (2)
– Правда, был уже званый вечер, / я преподнес ей белые цветы, / а ее папа пода-
3 2 3 3
рил мне белые тапочки. Но я сказал себе /: "Сигизмунд, / что ты делаешь? Шутки-
3 3 3
шутками, / но могут быть и дети. Хорошо, если одно, / в Африке, например, одна
(2^3) 1 6 1
родила сразу шестерых". И я остался / дома;
1 3
– Ну, немножко я (/) напряжение (/) завысил. Я же план перевыполнил. У меня
2 3^6 3
по плану 220 вольт, / а я им дал тыщу! Думаешь, кто-нибудь спасибо сказал?

Этот прием был настолько удачным, настолько соответствовал жанру, что до сих пор продолжает вызывать невольное подражание: в речи сегодняшних писателей-сатириков, выступающих с эстрады, мы продолжаем слышать эти райкинские нотки.

Индивидуальные черты актерской интонации определяются не только в плане мелодики, но также и в плане паузирования, способов создания логических ударений и характера временной организации текста. Полное представление об особенностях интонации актера может быть составлено только в результате комплексного изучения всех суперсегментных средств, участвующих в ритмико-интонационном строении текста.

[1] *Брызгунова Е.А.* Интонация // Академическая грамматика. 80. М., 1980.

[2] *Иванова-Лукьянова Г.Н., Пауфошина Р.Р.* Опыт сопоставительного анализа произношения одного гласного разными актерами // Русское сценическое произношение. М., 1986.

[3] *Труфанова В.Я.* О соотношении индивидуального и общего в интонации актера // Там же.

Л.В. Кнорина

СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ — КОМПОНЕНТА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)

Разнообразие характерных для разговорной речи особенностей словоупотребления с большой полнотой представлено в серии монографий "Русская разговорная речь". Многие из отмеченных там приемов разговорного словоупотребления сопровождаются указаниями на наличие индивидуальных склонностей к их применению, но последовательного разграничения между индивидуальным и общепринятым не проводилось.

Инвентарь индивидуальных приемов разговорного словоупотребления близок к инвентарю, выделяемому при анализе речи персонажей художественных произведений. Это применение неологизмов (окказионализмов), тропов, цитат, клише; вкрапления иностранных, диалектных, жаргонных и вообще любых элементов, несвойственных используемому стилю (ср., например, с перечнем характеристик, приведенным Ю.Н. Карауловым[1]).

Независимо от исследуемой области при выделении приемов словоупотребления в качестве точки отсчета берется базовый лексикон. Выход за пределы базового лексикона является в каком-то смысле отступлением от нормы и соответственно слагаемой индивидуального языкового портрета. Для представления об идиостиле особенно существенны относительные веса употребляемых добавок. Частотность конкретных словоупотреблений, по-видимому, менее показательна. Не случайно при атрибуции текстов частотность отдельных слов (кроме наиболее частотных служебных) не считается достоверным диагностическим критерием[2].

Относительно устойчивой и поддающейся сравнению характеристикой идиостиля, связанной с частотой конкретных лексических единиц, представляются индивидуальные наборы излюбленных слов и оборотов, т.е. единиц, повторно применяющихся в аналогичных ситуациях (излюбленной может стать и собственно добавка, и единица базового лексикона, расширившая привычный круг ситуаций употребления или последовательно предпочитаемая при выборе из нескольких синонимов). Набор излюбленных оборотов не совпадает

с набором наиболее частотно употребляемых слов (выделяющих скорее тематику, чем стилистические особенности). В число излюбленных прежде всего могут войти выражения эмоции и оценки типа *обалденно, кошмар* (и в том числе клише типа *с ума сойти* или цитаты типа *а счастье было так возможно* и т.п.), заполнители пауз, вводные и другие обороты, используемые в повторяемых ситуациях, допускающих свободу выбора выражения (т.е. открытых для индивидуальных предпочтений).

Излюбленные обороты могут реализоваться и в высокочастотных бытовых ситуациях, обычно обслуживаемых общеязыковыми стереотипами[3] (за исключением ситуаций, жестко регламентирующих речевое поведение), но в целом применение излюбленных оборотов значительно шире. Из этого не следует, что речь человека, изобилующая излюбленными стереотипами, становится однообразной: увеличение круга ситуаций компенсируется сравнительно редкой встречаемостью каждой из них, а также тем, что каждый оборот далеко не постоянно обслуживает даже тождественные ситуации.

Излюбленные обороты широко используются при формировании речи персонажей (при этом предпочитаются выражения, распространенные в определенном социальном кругу[4]). Напоминающее научные статьи эксплицитное задание корпуса высокочастотных оборотов персонажа с перечислением типовых ситуаций применения каждого оборота (образ Эллочки Щукиной[5]) — явление, по-видимому, уникальное. Отметим, что такой способ описания приводит к концентрации характерных оборотов, что создает дополнительный пародийный эффект.

Все же наиболее характерны излюбленные обороты именно для разговорной речи, причем наряду с другими особенностями идиостиля говорящего, они фиксируются в сознании слушателей (как показывают эксперименты, интуитивные частотные оценки в общем совпадают с объективными подсчетами[6]).

Хотя излюбленные обороты обычно не являются авторскими в буквальном смысле слова и имеют хождение хотя бы в одном из микроколлективов, куда входит данный индивид[7], два-три таких оборота (с типовыми ситуациями их применения) хранятся в памяти как разговорный образ "автора" (или заменяются другими по мере обновления репертуара) и цитируются как авторские — часто в сопровождении вводных оборотов типа *как любила говорить моя бабушка.*

Приведу примеры речевых образов разных людей, состоящих из излюбленных оборотов, которые запомнились за время многолетнего общения: *Скорее нет, чем да, Я вас не понимаю* (реплики преподавателя во время опроса студентов); насмешки бабушки: *не удалось?* (т.е. неужели ничего не разбилось, не сломалось и т.п. — по поводу неловких движений), *было б раньше* (передразнивание ссылок на недостаток времени), *все в той же позицьи* (отчитывание за безделье); афоризмы отца: *жизнь прекрасна* (подбадривание), *однако* (неодобрение); *у меня нет чувства юмора* (объяснение нежелания смеяться).

Наиболее объемист постоянно подновляемый портрет одной лингвистки, частично аккумулирующей выражения из хорошо ею ощущаемых образов других людей: *теперь ты знаешь все* (при завершении рассказа); *не всякий вас, как я поймет* (намек на личные трудности, аналогичные трудностям собеседника), *что бы это ни значило* (оборот, выделяющий предшествующие слова), *и ничего, и ничего, и ничего* (иронически-сомнительное добавление к заверению о благополучии — с апелляцией к анекдоту-источнику), *замерз к чертовой матери* (о чем-то утратившем актуальность — с аналогичной апелляцией), *об этом бы знали* (сомнение в правдоподобности сообщения), *сольемся в экстазе* (при совпадении мнений), *вот разве что* (небольшая уступка собеседнику), *по-русски сказать* (при введении иностранного слова, например, *ментальность, по-русски сказать*); порой образ сводится к одному обороту, а то и слову: *чин такой, что и постоять можно* (т.е. что же вы не садитесь?), *сменила гнев на милость!* (шутливое торжество, когда удается уговорить что-то съесть и т.п.), *у́течки-плю́течки* (насмешливое сочувствие), *ишь ты* (удивленное одобрение), *попросту* (усиление), *верно?* (т.е. ведь я права?).

Наборы излюбленных оборотов отличаются, конечно, не только самими оборотами или объемом. Индивидуальны продолжительность жизни активно используемых слов и периодичность обновления определенного процента репертуара, соотношение подлинно авторских и заимствованных оборотов, источники неосознаного заимствования и сознательной цитации, доля подчеркнуто иронических единиц (повторное употребление оговорок, например, *капуска* вместо *капуста,* деформаций типа *компутер* вместо *компьютер* в речи программиста, приемов речевой маски, например, *а мне ни к чему* в речи библиографа), вообще доля юмора и экспрессии (например, незнаменательные слова типа *вот, значит, там, это самое,* в выборе которых также есть индивидуальные предпочтения с экспрессией, по-видимому, не связаны).

Объективная оценка различных параметров идиостиля (тем более в разговорной речи, когда вылетит — не поймаешь) требует практически недоступных объемов сопоставляемых данных. Но представление о диапазоне индивидуальных различий возникает даже при сопоставлении нескольких языковых портретов, состоящих из отмечаемых одним наблюдателем индивидуальных (с его точки зрения) проявлений. Ниже приводятся попытки подобных зарисовок.

Для более или менее адекватного выделения индивидуальных проявлений необходимо хорошее знакомство с языковым фоном, окружением портретируемых. При отсутствии сведений о фоне и о предшествующем речевом поведении информантов степень неожиданности или необычности, образности большинства высказываний остается неясной. С этой точки зрения приходится отказаться от интерпретации выражений, запомнившихся как яркие: *видела, как он улыбается? Как майская роза в декабре!* (кассирша продавщице во время работы; *она за ним пятки топтала, и он от нее не отходил* (из истории любви, рассказанной попутчицей в трамвае);

не знаю, не буду хвастать (ответ старушки — местной жительницы в районе Белоомута — на вопрос о дороге); *зима стояла зимская* (из рассказа соседки по дому). Кроме того, многие характерные обороты (в особенности, приемы языковой игры) допускаются говорящими лишь при уверенности в понимании аудитории[8].

Из этих соображений в качестве информантов были выбраны давно и хорошо знакомые автору лица (только жители Москвы, полностью владеющие литературным языком), а материалом для выделения их индивидуальных особенностей служили исключительно непринужденные диалоги или полилоги. Записывались не все разговоры подряд, а лишь те слова (обороты), которые обращали на себя внимание, т.е. индивидуальные добавки. Приводимые данные непригодны для чисто количественных сопоставлений, поскольку по времени общение с каждым информантом (не говоря уже о длительности говорения каждого) не могло быть одинаковым. Следует также учитывать, что наборы индивидуальных особенностей выглядят достаточно неестественно из-за концентрации необычного; в потоке речи они почти незаметны.

Ю., 38 лет, математик (мужчина)

Сталкивание элементов книжных и просторечных (для придания иронической окраски): *там пассажи такого сорта* (в стихотворении), *в пятницу я глобально гулял, я намедни чрезвычайно умилился, дщерь моя укатила, вкупе с А. он задумал написать книгу, это исключительно лихой труд, фильмец, речуга;* Клише и цитаты в неожиданных ситуациях и/или с видоизменениями: *нужно все видеть, а не только то, что восприятие подает с барского стола, я вижу, вас мильоны* (входя в комнату, где сидит один человек вместо ожидаемых трех), *такая мысль мне в голову и не забегала, ему под хвост попала прогнозная вожжа,* они сидят и играют в *карточки* (разбирают картотеку), *шкаф древний черт знает какого года издания;*

Уменьшительные: *и этот парашютик опускается на пароходик* (рассказ о кинофильме), *это такая лодочка большая, у него такой выговорочек;* Излюбленный набор: а) ситуативные формулы: *наличествует* (утверждение, например, в ответ на вопросы типа *а речка там есть?*), *исключено* (отрицание, отказ), б) вводные обороты: *интересно следующее, как то* (перед перечислением), в) незнаменательные слова: *значит, вот, это самое, такая вот вещь.*

С., 42 года, библиограф (женщина)

Окказионализмы: *собакевич* (про собаку), *мордуленция, низочек;* Фонетические деформации: *бамажка* (бумажка), *девствительно* и *дисительно* (действительно), *слёжно* (*сложно*), *слишшишь* (слышишь), *цай* (чай); Слова, клише, пословицы и цитаты в неожиданных ситуациях: *есть вакансия от трех до пяти* (о свободном машинном времени), *пошла искать у моря погоды* (о собирании подписей на характеристке), *бастуем, живыми не дадимся* (о несогласии); Нестандартные номинации: *лапоточки* (туфли), *сентиментальное* (сладости к чаю); Излюбленный набор: а) ситуативные формулы (шутливые апелляции к модным стереотипам): *у ти какая, с вами все ясно, обижаете* (ответ на излишний вопрос, т.е. спрашивающий должен понять, что положительный ответ ясен сам собой), *талантливая девушка* (по поводу мелкой неприятности, например, в случае болезни, опоздания и т.п.); б) оценочная лексика: *рукодельный* (умелый), *мяукать* (говорить лишнее и неприятное), *версаль* (про красивое, особенно заграничное), *феерия* (про несуразицу).

Б. 51 год, математик (мужчина)

Нестандартные номинации: *скважность* (интервал в движении транспорта — термин из радиоэлектроники, характеризующий периодичность импульсов); Излюбленный набор: а) повторяющиеся вкрапления нескольких иностранных, псевдоиностранных и просто-

речных элементов: *ихий, элеганский* (из польского), *экспириэнс, сделать андайк* (обдать); б) оценочные выражения: *кефир, кефирно* (нечетко — заимствовано из чужого набора), *плюсовать* (переигрывать, привирать), *кожей чувствовать, вещать, зависать* (сидеть с отсутствующим видом, ничего не делая — из жаргона программистов о сбое в работе машины), *впадать в стопор* (перестать воспринимать окружающее), *капать* (о снобистских проявлениях, например: *она такая интеллигентная, что с нее капает*), *все друзья и знакомые кролика* (о клановости); *летать* (о ловких хозяйственных женщинах — апелляция к Ф. Искандеру); в) сравнения: *молчит, как рыба об лед, дергается, как кот,* г) ситуативные формулы (ассоцирующиеся цитаты): *мы мешаем собачьему сну, моя любимая стирала* (из современной поэзии, цитируется буквально — т.е. при виде спящей собаки, стирки), *это другой Юрий Милославский* (при разъяснении путаницы).

В., студентка, 18 лет

Ассоциативное присоединение цитат к словам-стимулам: — *смотри, ты яблоко в глубине не промыла* — В: *Во глубине сибирских руд, — главное, я тебе уже говорила* — В: *Главное, ребята,* сердцем *не стареть.* Излюбленный набор: а) ситуативные формулы (шутливо-саркастические апелляции к распространенным и модным формулам при парировании собеседника): *не может быть!* (реакция на обыденное сообщение), *уверяю тебя* (реплика на шутливое недоверие, в особенности на перехваченное собеседником *не может быть!*), *да ты что!* (удивление), *вот как* (нарочитая незаинтересованность), *похоже на то* (подтверждение), *ну, наверно; вот уж не надо* (недоверие); б) вводные обороты: *как бы это тебе сказать* (иногда с продолжением) — *пятачок, чтобы не обидеть* (перед ответом на вопрос).

Очевидно, что хотя все информанты используют известный инвентарь приемов языковой игры, каждому свойствен собственный подход: Ю. предпочитает уменьшительные, С. — деформации, Б — нестандартные оценочные и т.п. По более отрывочным наблюдениям предположительно выделялись любители сравнений ("шумно, как в бане", "новые районы, как колумбарии"), нанизывания синонимов (*"бегу, спешу", "напудрилась, накрасилась"*). Труднее оценить закономерности в предпочтении ситуативных формул, оценочной лексики (если говорить не только о приятии или неприятии модных стереотипов вроде *"не все сразу", "еще не вечер", "поезд ушел", "это его трудности", "ты не прав", "плюнь на все и береги свое здоровье", "хоть стой, хоть падай", "цветет и пахнет", "отпад"* и т.д.)

Малозаметно индивидуализирована речь лиц, несклонных к стандартным приемам языковой игры или экспрессии. Например, один из информантов (знакомство с которым носит поверхностный характер) почти не допускает ни выходов за пределы базового лексикона, ни заметных оборотов (Л., 50 лет, инженер, женщина). Предположительно, для нее характерны приемы отстранения при редких отступлениях от нормы (например: *у нас есть, как называется — заначка*), неожиданного лаконичного комментирования или подсказки при затруднениях в подборе слова у собеседника: — *у женщин это лучше получается...* — Л.: *И тут и там есть особи;* — *не то, что ей нужно так мало* (сна)... — Л.: *Но она борется*).

Уже отмечалось, что выделение индивидуальных особенностей невозможно при незнании фона. Но и изучение фона, т.е. системы разговорной речи в целом, описание приемов словоупотребления, исчисление ситуативных формул невозможны без сведений об идиостилях. В противном случае частные и редкие особенности могут

быть приняты за типовые характеристики, например, непринужденного стиля. Только при последовательном выделении индивидуальных особенностей лингвистические данные могут представлять интерес и для приложений в психологии, педагогике, криминалистике и т.п.

---

[1] *Караулов Ю.Н.* Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура. М., 1986.

[2] См., например: *Кэррол Л.Д.* Факторный анализ стилистических характеристик прозы // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.

[3] Об индивидуальных бытовых шаблонах см.: *Якубинский Л.П.* О диалогической речи (1923) // Якубинский Л.П. Язык и его функционирование. М., 1986.

[4] См.: *Бахтин М.М.* Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

[5] Из приводимых при перечислении примеров очевидно, что, вопреки заявлению авторов, они задали далеко не весь лексикон Эллочки, а именно ее излюбленные обороты: так, оборот "как ребенка" проиллюстрирован примерами "Я бью его как ребенка", "Я его срезала как ребенка" и т.п. (И. Ильф, Е. Петров, 12 стульев).

[6] См.: *Фрумкина Р.М.* Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971.

[7] См.: *Тимофеев В.П.* Личность и языковая среда. Шадринск, 1971.

[8] О варьировании речи в зависимости от адресата см.: *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 19.

О.И. Блинова

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МОТИВАЦИИ

В современной лингвистической литературе термин *языковое сознание* используется, как правило, без определения содержания, хотя оно не является однозначным. Наряду с тем значением, которое отражено в "Словаре лингвистических терминов" О.С. Ахмановой: "*Сознание языковое*... Особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка; ср. *сознание речевое*"[1], термин *языковое сознание* понимается и иначе, — как совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их функциональных особенностях, о нормах произношения, словоупотребления и т.д.[2] и восходит в этом понимании к работам Ф. Энгельса ("народное сознание"), И.А. Бодуэна де Куртенэ ("языковые представления", "чутье языка народом"), Л.В. Щербы ("лингвистический инстинкт", "языковое чутье"), Э.М. Уленбека ("языковая компетентность") и др.

Языковое сознание в философском осмыслении предстает как одна из форм общественного сознания, которая имеет "свой, особый объект отражения — язык, выполняющий особую социальную функцию — обслуживание потребностей речевой деятельности <...>; как и любая другая форма общественного сознания, языковое сознание имеет два уровня; теоретически систематизированный, включающий лингвистические теории, идеологические элементы, и теоретически не систематизированный, куда относятся обыденные взгляды, элементы социальной психологии"[3]. Исследователи, проводя лингвистические эксперименты, используют показания второго, теоретически не систематизированного уровня языкового сознания. Как представляется, языковые явления (особенно лексические), связанные с осмыслением носителем языка сходства, противоположности значений, близости звучания (например, паронимии), наличия/отсутствия коннотаций и т.д., должны изучаться с учетом *показаний языкового сознания* (далее — ПЯС). Такие попытки предприняты при решении вопросов теории мотивации слов и других лексикологических задач[4].

В нашей статье будут рассмотрены возможности использования ПЯС для анализа мотивационных связей слов в говорах. В нем мы будем опираться на материалы "Мотивационного диалектного словаря (Говоры среднего Приобья)"[5] и его рукописной картотеки.

Мотивированность слова. Поскольку мотивированность является свойством слов, в которых связь звучания и значения объяснима для носителей языка, то, естественно, мотивированность каждой

конкретной единицы может быть определена только с учетом ПЯС говорящего на данном языке (диалекте): "Этой весной и куриные сапожки [цвели], и огоньки; они как *огнёвый* цвет, их и зовут *огоньки*": "А *голик* — вот кода листья отпадут, обдергаются — и *голик* получается, *голый* значит".

ПЯС приобретают решающее значение при изучении мотивированности слов языка или диалекта, не являющегося для исследователя родным. Одно и то же слово литературного языка и диалекта может различно характеризоваться с точки зрения его мотивированности в каждой из названных разновидностей русского языка. Так, полумотивированные в литературном языке калИНА, брусНИКА (мотивированные сегменты слова передаются прописными буквами) в среднеобских говорах полностью мотивированы: КАЛ/ИНА (*Калина,* она же как *калёная* стоит, красная вся, *раскалилась*), БРУСН/ИКА (*Брусника,* она *бру́сна,* как много ягод на ней, и называли ее поэтому *брусника*). И только с использованием ПЯС носителей диалекта определяется мотивированность собственно диалектных слов БУС/ИТЬ, ВЕРХонКИ, ВАЖ/ИТЬ (*Бусить* — это ле́тне, как туман, сыплет, моросит — это *бус, забуси́ло* значит; *Верхо́нки* — у нас говорят, рукавицы, что *поверх* других надеваются; Давайте будем *важить* — это значит *вагой* поднимать) и мн. др.

ПЯС служит источником выявления разных типов мотивированности слова. Семантический тип мотивированности выражается в ПЯС через сопоставление данного слова с исходным, послужившим базой для переноса наименования с одного предмета на другой, и оформляется сравнительным оборотом (*Лисички,* они жёлты, как *лисица,* вот и зовут; Когда он сильно разговаривает много и шибко разговаривает, говорят: ты как *ботало, ботало* ты; *Крючок* — который человек больной, сгорбится, ходит, как *крючок; Квашнёй* — называют: он вя́хлый какой-то, несвязанный, ногами шагат и не крепится нисколько, как *квашня*). Разнообразны способы выражения в ПЯС морфологического типа мотивированности: часто приводятся мотивирующие слова разной частеречной принадлежности, которые могут выполнять в высказывании разные синтаксические функции (Если одна, то *талина,* если много, то *тальник; Тальник* — это лес *таловый; Сыпу́чка* — рожь. Когда осенью рожь поспеет и *осыпается,* вот и *сыпучка,* от *сыпаться; Ба́йкать* ребенка — *убаюкивать,* укладывать спать. Мать-то положит ребенка и напевает ему: *баю-бай, баю-бай*).

Такие разновидности морфологического типа мотивированности, как лексическая и структурная, также выявляются с помощью ПЯС. Лексическая мотивированность (основанная на осознании выраженности в слове мотивировочного признака обозначаемого — мотивация "слева") в ПЯС обнаруживается словом-конкретизатором, или мотивирующим однокорневым словом с предлогом или без предлога, например ГОЛицы—голый (*Голицы* — это *голые,* не обшитые лыжи), КОЗЛы—козел (Машин никаких не было. Делали *козлы*: четыре ножки, похожит на *козла;* Бывало, у какого двора *козлы* стояли.

Ро́ги, как у *козла,* стояки такии), ПОД/ПОЛ ← под полом (*Подпол,* или *подполье,* — западня *под полом*).

Структурная мотивированность (основанная на осознании выраженности в слове классификационного признака — мотивация "справа"), в ПЯС обнаруживается, как правило, словом-идентификатором и одноструктурным словом, содержащим ту же формантную часть, что и у мотивированного слова, например, медвежОНОК ← галочЁНОК + 'дитёнок' (*Дитёнок* — медвежонок, галочёнок), копылУХА ← пестрУХА + 'жёнка' (Здесь копылуха была — *жёнка* глухаря, она, по-нашему, пеструха, а правило — копылуха), мериканКА ← кореневКА, себулонКА + 'картошка' (*Картошка* — ла́рех, кореневка, мериканка, себуло́нка).

В ПЯС могут быть представлены одновременно слово-конкретизатор и слово-идентификатор: КЕДР/АЧ ← кедровый + 'лес' (*Кедрач* — лес кедровый, там *кедры* хорошие), КОЛЕС/НИЦА ← колесо + 'след' (*Колесница* — след от *колеса.* Ямки пробива́т *колесо*), КОЛЁС/НИК ← колесо + 'который' (*Колёсник* — это *который колеса* для телеги делает), ЛЁЖ/КИ ← ложить + 'чурки' (Рубят дом, подкладáют *чурки.* Если *лёжа* ложат, то говорят: *лёжки*), МЕДВЕЖатИНА ← лосИНА + 'мясо' (Если *медведь,* называют *медвежатина,* а если *лось* — лосина, или лосиное *мясо*). В таких случаях на основе одного высказывания носителя диалекта выявляется полная мотивированность слова: и лексическая, и структурная.

ПЯС позволили выявить явление полимотивированности слова как у одного и того же, так и у разных носителей диалекта, которую обусловливает полисемантизация мотивирующей части слова. Преимущество ПЯС как источника анализа особенно очевидно в тех случаях, когда звуковая форма мотивирующего слова неполностью налагается на звуковую форму мотивируемого им слова. Так, с помощью ПЯС была выявлена полимотивация следующих слов: ГЛУхарь ← глухая [птица] (Косач есть, тетёрки, *глухари..* Весной, когда он [глухарь] самку подзывает, так поет и, как *глухой,* ничего не слышит, хоть руками его бери) и ГЛУХарь ← [птица, обитающая в] *глухих* [местах] (Где *глухое* место, там ведутся *глухари,* тетери); МОХовик ← [гриб, растущий на] *мхе* (*Моховик* — растет *на мху,* на болоте) и МОХовик ← *мохнатый* [гриб] (*Моховики* я кушать не люблю, вот он *мохнатый* такой); ТАРАТайка ← *тараторить* (*Таратайка?* А потому, что там груз не положить, только *тары-бары, таратайка* — [от] *тараторить, тараторь* и езжай, и всё) и ТАРАТайка ← *тарахтеть* (*Таратайка* — потому что, по-нашему, она двухколесная была. Потому что она *тарахтит,* подкидывает кверху).

Мотивационная форма и мотивационное значение. Названные компоненты слова также выявляются на основе ПЯС, поскольку и сегментация слова, обусловленная его мотивированностью, т.е. мотивационная форма (МФ), и значение, или синтез значения МФ, т.е. содержание мотивационного значения (МЗ), осознаются и эксплицируются носителем языка. При этом в ПЯС оба компонента мотивированного слова предстают в ином виде, чем у исследователя. Если исследователь, базируясь на ПЯС, вычленяет МФ слова и МЗ слова (членене-

ние как бы по горизонтали), то в ПЯС членение слова идет как бы по вертикали: мотивирующая часть/формантная часть, т.е. носитель диалекта исходит из слова-конкретизатора и слова-идентификатора, сопровождаемого одноструктурными мотивирующими единицами (*Осинник* — где *осины* растут, лес такой бывает у воды и где попало бывает. *Березник* — где *берёзы*). Если МФ как только материальную часть знака носители диалекта не выделяют, то МЗ они осознают и выражают либо как самостоятельное, реально существующее значение слова, проецируемое на МФ слова или ее часть, либо как значение, "вплетенное" в значение лексическое, что обнаруживается при толковании слов носителями диалекта. Так, в контексте "*Черника* — синяя ягода, *чернит*. Её поешь — и руки, и губы, зубы — все *черное*" выражены оба компонента МЗ слова: черника — 'ягода, <которая> чернит'; 'ягода, <которая делает> черным'; эти компоненты как бы совмещены с семами 'ягода', 'чернить', 'чёрный', входящими в лексическое значение слова.

В ПЯС находит выражение и формантная часть МЗ, например, в контекстах типа "*Холодильник* — значит *холод там*, в холодильнике, а *морозильник* — там *мерзнет* уж всё" формантная часть МЗ слов *холодильник, морозильник* эксплицирована в слове *там*: 'там холод', 'там мерзнет'.

Осознание носителями диалекта МЗ слов обнаруживается чаще всего в случаях, когда поясняется мотивировка слова и когда МЗ начинает противоречить МФ. Один пример: "*Ложкомойка* — это такáя *кадочка* продолговáта. Почё-то ложкомойки называли — в их и *чашки мыли*" (Ср.: *кашевар* — не только варит *кашу*, *столяр* — не только делает *столы*, *сапожник* — не только шьет и починяет *сапоги*, но и *другую обувь* и т.д.).

С помощью ПЯС можно определить, является ли МЗ индивидуальным (при единичности фиксаций) или узуальным (при регулярно получаемых показаниях), постоянным или вариантным; по данным ПЯС можно составить представление о способах выражения и толкования МЗ слова.

Внутренняя форма слова. Составляющими внутренней формы слова являются МФ и МЗ слова. Именно эти компоненты в единстве воплощают в слове и мотивировочный, и классификационный признаки (если слово полностью мотивировано) или — один из них (если слово полумотивировано). Носителем языка ярче осознается реализованный в слове, а значит — в его внутренней форме, мотивировочный признак, хотя, судя по результатам лингвистических экспериментов с носителями литературного языка, достаточно регулярно осознается в слове и классификационный признак (вспомним "глокую куздру" Л.В. Щербы).

Обращение к ПЯС носителей среднеобских говоров позволило выявить явление лексикализации внутренней формы слова, которое находит свое проявление в том, что носитель языка, вычленяя тот или иной, казалось бы, значимый сегмент слова, не может связать ассоциативно такое слово с соответствующим словесным или морфемным аналогом данного слова. Так, вычленяя компоненты внутренней

формы слова *зверобой* — ЗВЕР и БОЙ, носители диалекта (и литературного языка) не могут объяснить их связи с *зверь* и *бить*. Причем, ПЯС позволяют определить разные стадии процесса лексикализации внутренней формы слова, неодинаковость протекания этого процесса в речи разных социально-возрастных групп. Приведем слова, внутренняя форма которых претерпела или претерпевает процесс лексикализации. Это — *курник* 'мясной пирог' (связь с *кур?*), *синица* (связь с *син*'), конёвник 'кипрей' (связь с *конь?*), *красным-красно* 'много, обильно' (связь с *красн?*), *сиводушка* 'вид лисы' (связь с *душа?*) *белка* (связь с *бел?*), *ожабить* 'ударить' (связь с *жаба?*), *присарафанить* 'прибить, приклеить' (связь с *сарафан?*) и под.

Другие лексические процессы — ремотивации, демотивации — также не могут быть исследованы вне ПЯС, ибо ни возникновение мотивированности в слове и, следовательно, внутренней формы, наблюдаемое при ремотивации, ни утрата мотивированности слов, происходящая при демотивации, нельзя констатировать без ПЯС говорящих на данном языке. Особенно важны ПЯС при выявлении тех процессов, которые, как и лексикализация, не сопровождаются внешними преобразованиями лексической единицы. Так, только с опорой на ПЯС были выявлены слова, претерпевшие процесс лексической ремотивации в среднеобских говорах: *сор* 'заливной луг', заимствование из старохантыйского* sor[6], соотносимое ныне с *сор* 'мусор', *каротель* 'сорт моркови' заимствование из латинского *carota* 'морковь'[7] соотносимое с *короткий, обабок* 'гриб подберезовик', производное от *баба* 'пень', ныне мотивируемое словом *бабка* 'полная женщина' и др. (*Сор* — ну, вот это затопленная водой пойма, весной, когда вода начнет прибывать, все кусты в воде, то мусор несет, *сор* несет; *Каротéлька* — сорт морковки, она как обрублена, *коротенька; Обабки* тоже растут, вот таки больши́, они, как *бабки*, таки́ толсты).

ПЯС как источник лексикологического исследования только начинает изучаться, осмысливаться. Выявить его границы и возможности — актуальная задача научных изысканий.

---

[1] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

[2] *Блинова О.И.* Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Диалектная лексика 1971. Л., 1972. С. 92—104.

[3] *Белобородов А.А.* Языковое сознание: сущность и статус // Современная наука и закономерности ее развития. Томск, 1987. Вып. 4. С. 131—147.

[4] *Ростова А.Н.* Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1983; *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984; *Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986. С опорой на данные лингвистических экспериментов создаются ассоциативные словари. Здесь следует упомянуть также разработки по изучению фоносемантики.

[5] Мотивационный диалектный словарь (Говоры Среднего Приобья). Томск, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2.

[6] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1971.

[7] Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982.

А.Е. Иванова

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ИСПЫТУЕМЫХ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Отбирая испытуемых для эксперимента лингвист интересуется обычно лишь принадлежностью информанта к данной языковой общности. Интуитивно все экспериментаторы в той или иной мере учитывают и другие свойства информантов, стараясь подбирать группы более-менее однородные в социальном, образовательном и культурном плане. Однако представляется целесообразным при проведении экспериментов учитывать не только социологические или психологические характеристики, но и уровень языковой компетенции испытуемых. Языковая компетенция включает разные языковые навыки и умения: владение лексикой, грамматикой, умение адекватно воспринимать и порождать тексты, соответствующие коммуникативным задачам, и др. Особенно важно учитывать все стороны языковой компетенции при изучении восприятия текстов. Умение оперировать текстами связано непосредственно с умением находить адекватные языковые средства для выражения мысли. Поэтому прежде чем решать задачу, связанную с восприятием каких-либо текстов (письменных или устных), необходимо определить уровень языковой компетенции испытуемых и разбить их на группы по этому признаку.

Наиболее полная и интересная, на наш взгляд, классификация информантов на основе характеристики языковой компетенции содержится в работах Т.М. Дридзе[1], хотя сама Т.М. Дридзе термин *языковая компетенция* не употребляет. Остановимся на этой классификации. Исследование Т.М. Дридзе проводилось на материале газет, но ее методика приемлема для исследования любых текстов. Анализ большого эмпирического материала (300 испытуемых) позволил сделать выводы, что решающим моментом в процессе понимания текстов является тип языкового сознания реципиентов, его подготовленность к адекватному восприятию и интерпретации языкового сообщения. "Одна из гипотез исследования как раз и состояла в том, что языковое сознание реципиента может быть описано через его тезаурус и представлено в виде фильтра, через который пропускается всякая поступающая к нему информация"[2]. Носителей одного и того же языка по их тезаурусу и умению оперировать этим тезаурусом можно разбить не только на социально-профессиональные, образовательные и др. группы, но и на языковые (семиотические) группы. Семиотическая группа — это группа людей с относительно общим тезаурусом и определенным комплексом речевых умений. Семиотический уровень носителя языка тем выше, чем меньше у него разрыв между умением оперировать мыслительными и языковыми формами. В ходе эксперимента существование семиотических групп подтвердилось.

Прежде чем описать, как были выявлены эти группы, остановимся коротко на разработанной Т.М. Дридзе методике, позволяющей оценить уровень восприятия текстов реципиентами[3]. Текст сводится

к иерархии предикаций: цель сообщения — предикация 1-го порядка; предикация 2-го порядка — элементы текста: основной тезис и его разъяснение; предикация 3-го порядка — второстепенные элементы: иллюстрации к основному тезису и к его разъяснению; предикация 4-го порядка — это общий фон цели сообщения. Оценки за интерпретацию текста ставятся по трехбалльной шкале. Адекватная смысловая интерпретация текста означала понимание реципиентом цели сообщения. Все побочное и второстепенное для коммуникатора должно быть второстепенным и для реципиента (сверх, а не вместо главного). Иногда цель сообщения формулировалась прямо в тексте, к примеру в баснях почти всегда так и бывает, но чаще цель сообщения прямо не формулировалась, ее необходимо было вывести, анализируя текст.

Вернемся к процедуре выделения семиотических групп. Все испытуемые были проверены на три вида коммуникативно-познавательных умений и навыков:

Признак X — знание словаря той подсистемы общенародного языка, которая изучалась (в данном эксперименте — газетные тексты). Высшую оценку получал испытуемый, давший широкую трактовку значения слова с примерами. Недостаточно полная трактовка оценивалась средним баллом. Низкую оценку получали испытуемые, давшие трактовку только через примеры и испытуемые, давшие ошибочную трактовку или не давшие никакой.

Признак Y — владение смысловыми элементами принимаемого или создаваемого текста. В качестве контроля использовался перечень трудных слов изучаемого текста. Если испытуемому были понятны все слова списка, он получал высшую оценку.

Признак Z — понимание текста, основанное на способности установить иерархию перечисленных выше предикаций. Высшую оценку получали испытуемые, адекватно интерпретировавшие текст.

В результате обработки эмпирического материала все испытуемые разделились на 7 групп: 1 — XYZ, 2 — $X'Y'Z'$, 3 — $\bar{X}\bar{Y}\bar{Z}$, 4 — $XY\bar{Z}$, 5 — $X\bar{Y}\bar{Z}$, 6 — $\bar{X}Y\bar{Z}$, 7 — $\bar{X}YZ$ (знак X, Y, Z — высокое значение признака; X', Y', Z' — среднее значение признака и $\bar{X}$, $\bar{Y}$, $\bar{Z}$ отсутствие признака). Важно подчеркнуть, что эти группы были выявлены при анализе эмпирического материала. Некоторых теоретически возможных групп на практике не оказалось. Например, не оказалось группы $\bar{X}\bar{Y}Z$, то есть группы, не владевшей словарями, но умевшей интерпретировать тексты.

Самый высокий уровень владения речевыми навыками показала 1-я семиотическая группа (XYZ), которая одинаково хорошо владела обоими словарями и адекватно интерпретировала текст. 2-я группа ($X'Y'Z'$) отличалась от 1-й только тем, что показала средний уровень владения речевыми навыками и умениями. Большой интерес представляет 7-я группа (XYZ). Она адекватно понимала и интерпретировала текст, несмотря на то что слабо владела общим словарем массовой коммуникации. Это означает, что данная группа перспективна для обучения и в принципе после небольшого тренинга могла бы быть расформирована по другим группам. Самой неперспективной с точки зрения обучения является 4-группа (XYZ), которая несмотря на хорошее

знание словарей оказалась неспособной адекватно интерпретировать заданный текст.

Каждая из групп была отдельно изучена с использованием других тестовых методик и охарактеризована с разных точек зрения — психологических, социальных и речевых. Для лингвистов представляет интерес характеристика испытуемых с точки зрения осознания стереотипов, в данном случае газетных штампов. Степень осознания газетных стереотипов и клише изучалась при помощи ассоциативной методики, где испытуемому предлагалось дать ряд ассоциаций на заданный стимул. Самую высокую оценку получали испытуемые, давшие кроме ожидаемой стереотипной также ассоциации из других сфер жизни, например: *путевка* — в жизнь, в санаторий, в дом отдыха. Эти реципиенты владели языковыми штампами, но употребляли их осознанно. В 1-й семиотической группе все испытуемые обладали этим качеством.

Группы были изучены также с точки зрения познавательных интересов, с социологической и демографической точек зрения. В 1-й и 2-й группах преобладали мужчины. В 3-й группе, которая показала практически отсутствие необходимых навыков и умений, преобладали женщины с низким уровнем образования. Бóльшую часть 1-й группы составляли люди старше 50 лет, 2-й — молодежь. Это говорит о том, что в течение жизни речевые навыки и умения развиваются. В 1-й группе оказались лица только со средним и высшим образованием.

Ценность описанных исследований для лингвистов и психолингвистов представляется в следующем: 1) понимание текста возможно на разных уровнях (предлагается методика, которая позволяет оценить уровень прочтения и понимания текста); 2) понимание текста зависит от уровня сформированности речевых навыков и умений реципиентов; исследователь, имеющий дело с речевыми сообщениями и носителями языка, нуждается в предварительной оценке и классификации не только языкового материала, но и носителей языка.

Приведем пример из исследования, в котором использовалась методика Т.Г. Дридзе. Оно было посвящено зависимости понимания юридических текстов от профессиональной языковой компетенции. Ставилась следующая задача: выявить разночтения в юридических текстах юристами и неюристами и их причину. Испытуемые отбирались по профессиональной принадлежности. Были определены три группы: юристы, математики и филологи (примерно по 100 человек в каждой группе).

Первый этап эксперимента был посвящен выявлению ассоциативного поля каждой группы. Для этого проведен свободный ассоциативный эксперимент: слово-стимул предъявлялось устно, и испытуемому предлагалось записать первое пришедшее в голову слово. Время ответа было ограничено. В качестве слов-стимулов было отобрано 115 слов, большинство из которых — юридические термины. Предполагалось, что реакции юристов и неюристов будут различными: ставилась задача выявить слова, для которых это расхождение наиболее велико. Отметим, что в студенческой аудитории предположение не подтвердилось. Поэтому в дальнейшем для участия в эксперименте стали подбирать людей, имеющих стаж работы не менее 10 лет. Эти люди отличались более высокой языковой профессиональной компетенцией. Все ответы

внутри одной профессиональной группы представлены в виде ассоциативного словаря. Каждый из трех полученных словарей можно назвать обобщенным ассоциативным портретом данной профессиональной группы. В ходе ассоциативного эксперимента сделаны следующие наблюдения, которые не носят категоричного характера, так как экспериментальный материал недостаточно большой.

У студентов влияние профессии на ассоциативное поле незначительно. Например, на стимул *хозяйственное* студенты всех профессий и большинство женщин отвечают *мыло;* лишь юристы с большим стажем работы отвечают *преступление.* Влияние профессии на ассоциативное поле прослеживается у юристов со стажем работы не менее 10 лет. У женщин влияние профессии на ассоциации менее выражено по сравнению с мужчинами. С повышением культурного уровня и жизненного опыта влияние профессии на ассоциативное поле возрастает, но до определенного предела. При очень высоком культурном уровне разница между ассоциативными полями разных профессиональных групп опять становится несущественной.

Приведем в качестве примера ассоциативные поля у юристов и математиков на следующие 11 стимулов: *вред, дело, женщина, несовершеннолетний, работы, совершение, состав, состояние, срок, тяжелый, хозяйственное,* за исключением слова *женщина,* это — юридические термины. Количественный анализ показал, что ассоциативное поле у юристов отличается большей компактностью для всех слов-стимулов по сравнению с ассоциативным полем у математиков, т.е. ответы юристов однообразнее, чем у математиков.

См. таблицу, где для каждого слова приводится количество разных ответов у юристов и математиков в пересчете на 100 слов.

	Срок	Состояние	Совершение	Дело	Работы	Женщина
Ю.	28	56	26	40	43	42
М.	63	89	58	63	65	63

	Состав	Хозяйственное	Тяжелый	Несовершеннолетний	Вред
Ю.	39	42	44	35	49
М.	60	63	61	44	57

В начале таблицы расположены слова, для которых разница в компактности ассоциативных полей для юристов и математиков самая большая. Наибольшая разница — для слов *срок, состояние* и *совершение.* Наименьшая — для слов *несовершеннолетний* и *вред.* Но делать вывод о том, что эти слова близки по смыслу для юристов и математиков преждевременно. Известно, что чем терминологичнее слово, тем меньше у него ассоциаций, тем компактнее у него ассоциативное поле. Из таблицы видно, что слова *срок, состояние* и *совершение* являются для юристов терминами, для математиков — нет. Ниже даны примеры из двух ассоциативных словарей — математиков и юристов (приводятся только ответы, полученные не менее, чем от трех испытуемых).

Срок — юристы: *наказания* (29), *время* (17), *заключения* (10), *давности* (6), *лишения свободы* (5), *год* (4), *длительный* (4), *испол-*

нения (3), *отбытие* (3), *ссылки* (3), *тюрьма* (3); математики: *большой* (6), *время* (6), *заключения* (6), *наказания* (5), *долгий* (4), *давности* (3), *короткий* (3), *тюрьма* (3), *1 год* (3);

Состояние — юристы: *преступления* (59), *совокупности* (5), *вагоны* (4); математики: *поезд* (15), *преступления* (7), *смесь* (6), *вагоны* (5).

Как и следовало ожидать, ассоциативные поля и для вышеприведенных слов у юристов и математиков отличаются и количественно и качественно. Теперь приведем примеры слов *несовершеннолетний* и *вред*, ассоциативные поля которых для юристов и математиков по степени компактности почти не различаются.

Несовершеннолетний — юристы: *преступник* (25), *подросток* (13), *ребенок* (9), *правонарушитель* (8), *недееспособный* (4), математики: *преступник* (24), *подросток* (10), *маленький* (8), *молодой* (5), *ребенок* (5).

Вред — юристы: *ущерб* (25), *польза* (9), *имущественный* (8), *причиненный* (6), *здоровье* (4), *возмещение* (3), *зло* (3), *материальный* (3); математики: *польза* (28), *боль* (3), *большой* (3), *ущерб* (3), *человек* (3).

Из приведенных фрагментов видно, что для слова *несовершеннолетний* ассоциативные поля у юристов и математиков достаточно близки. Можно сделать вывод, что это слово для обеих групп одинаково терминологично и близко по смыслу. Другая картина — для слова *вред*, которое выявило совершенно различные ассоциативные поля. У юристов — самый частый ответ — *ущерб* — тоже юридический термин. Для математиков это слово не является юридическим термином. Не исключено, что различие в понимании слов *несовершеннолетний* и *вред* юристами и неюристами снимается в контексте, что предполагается проверить в следующей серии экспериментов на восприятие юридических текстов юристами, математиками и филологами. Данное исследование небольшой шаг в решении и такой глобальной проблемы как создание личностной языковой типологии.

---

[1] *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.

[2] *Она же.* Семиотический уровень как существенная характеристика реципиента // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. С. 201.

[3] *Она же.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Гл. 3; *Дридзе Т.М., Реньге В.Э.* Психология общения. Рига. 1979. С. 3—29.

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова

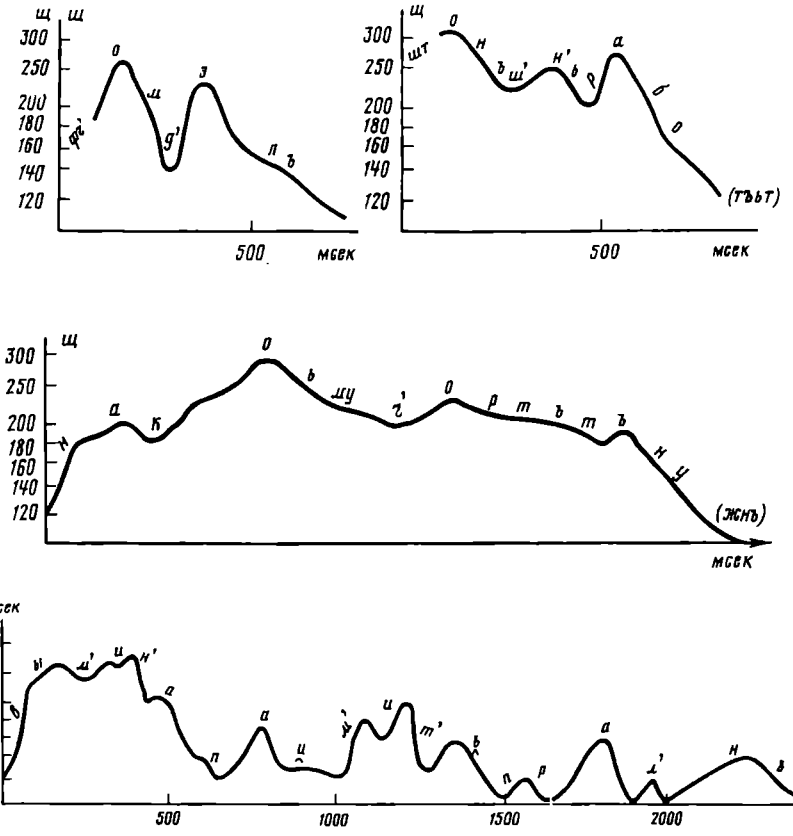
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ УСТНОЙ РЕЧИ

С каждым годом в судебной практике увеличивается число экспертных исследований, непосредственным объектом которых является устная речь, зафиксированная на фонограмме. Цель таких исследований — идентификация личности говорящего, установление ряда личностных параметров, выявление характера и особенностей конкретной коммуни-

кативной ситуации. Необходимой предпосылкой решения указанных практических (судебно-криминалистических) задач являются результаты, достигнутые в соответствующих направлениях базовой науки — лингвистики. Имеются в виду исследования по устной речи, прежде всего разговорной, социально-лингвистические исследования, исследования, связанные с изучением языка в коммуникативно-прагматическом аспекте[1]. Перед лингвистом-экспертом стоит задача, исследуя индивидуально-личностное говорение, выявить свойства языковой личности, находящие выражение через речь и способные быть отраженными в тексте. При производстве экспертных исследований в качестве непосредственного объекта наблюдения дан текст — письменный или звучащий[2]. По своему характеру выделяются два типа экспертных задач — идентификационные и неидентификационные (последние подразделяются на классификационные и диагностические). Данные задачи могут быть поставлены как относительно самого текста, так и относительно конкретной языковой личности, стоящей за текстом. Именно конкретный человек, индивидуум является обычно объектом судебно-лингвистической экспертизы. При идентификации говорящего по письменному или звучащему тексту решается вопрос о том, принадлежит ли текст именно данному лицу. К числу классификационных задач относится определение ряда личностных параметров — пола, возраста, социальных характеристик и нек. др. К диагностическим задачам можно отнести установление различных эмоциональных состояний говорящего, наличие/отсутствие отклонений в речевом поведении, установление характера отношений между партнерами коммуникации и нек. др.

Основной этап проведения собственно экспертного анализа устной речи конкретной языковой личности включает в себя: определение уровня владения языком на всех его ярусах: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом; установление индивидуальных, присущих данной личности, речевых особенностей (создание "речевого" портрета говорящего); выявление социальных и индивидуальных психологических характеристик говорящего, находящих отражение в речи, установление системы ценностной ориентации, характера фоновых знаний говорящего; установление особенностей речевого поведения говорящего; описание условий коммуникации, воздействующих на личность в период записи, определение характера ситуации общения, ролевых отношений между партнерами коммуникации, наличия/отсутствия волевого воздействия собеседников друг на друга и нек. др.

Нетрудно заметить, что такой анализ имеет своей целью реконструкцию (создание модели) конкретной языковой личности. Языковая личность характеризуется определенным набором языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения[3]. Как показывает экспертная практика, характер поставленных задач, аспекты и пути исследования соотносятся с функциональной моделью языковой личности, включающей три уровня: 1) лексикон — вербально-семантический уровень, отражающий владение лексико-грамматическим фондом языка; 2) тезаурус личности —

лингво-когнитивный, уровень картины мира; 3) прагматикон — система коммуникативных ролей, мотивов, целей, которые руководят личностью в процессе коммуникации[4].

Методы исследования. Методы анализа фонограмм, вырабатываемые на основе специальных знаний и языковой интуиции лингвиста-эксперта, могут варьироваться при проведении каждой конкретной экспертизы, что объясняется типом экспертной задачи, неповторимостью конкретной языковой личности, стоящей за текстом, а также характером, объемом и качеством представленной на экспертизу записи.

В криминалистических исследованиях как устных, так и письменных текстов используются субъективный и объективный методы анализа. В качестве объективных применяются количественные методы исследования текстов. В последние годы в криминалистике активно разрабатывается метод статистического анализа формальных характеристик текста[5].

К объективным методам исследования устной речи относятся также и методы акустического анализа записанных на пленку текстов.

Бесспорно, использование инструментальных методов анализа звучащей речи дает наиболее объективные результаты. Идентификация голоса говорящего по акустическим признакам точна и надежна. В настоящее время уже имеются методики, по которым можно с высокой степенью достоверности устанавливать личность говорящего по акустическим свойствам его голоса. Разрабатываются принципы составления и виды речевых тестов, способных обеспечить решение ряда диагностических и идентификационных задач[6]. Однако существующие методики предъявляют высокие требования к качеству записанных материалов. Качество записи должно быть хорошее, на пленке не должны присутствовать различные помехи, посторонние звуки и т.д. Однако на практике в руки эксперта чаще всего попадает материал, не соответствующий этим требованиям. В этих условиях на первый план выдвигаются собственно лингвистические методы исследования устной речи.

Тем не менее существует предубеждение, что лингвистический анализ не может считаться достоверным, если он проведен только слуховым методом, без применения инструментального анализа. Думается, что такая точка зрения не вполне справедлива. Конечно, использование акустических методов исследований в качестве доказательства каких-либо положений крайне желательно. Однако нельзя недооценивать и возможностей слухового анализа, проведенного тренированным экспертом-фонетистом.

Подготовка материалов на экспертизу. Для решения ряда экспертных задач, связанных в первую очередь с проблемой идентификации личности говорящего, исследователь нуждается в получении сравнительных материалов, необходимых для сопоставления их с исходными записями устной спонтанной речи, представленных на экспертизу. Успех криминалистической экспертизы в большой степени зависит от качества сравнительного материала: он должен соответствовать определенным требованиям. Записи устной речи, предложенные для сравнения, должны быть максимально приближены по своим экстралингвистическим признакам к исходной записи. Необходимо добиться того, чтобы подлежащие сопоставительному анализу материалы соответствовали бы следующим экстралингвистическим признакам: 1) сходство речевой ситуации, 2) близость тематики обеих бесед, 3) сходство отношений между партнерами коммуникации. Несовпадение экстралингвистических признаков может чрезвычайно затруднить экспертное исследование или вообще сделать его проведение невозможным. Это связано с тем, что изменение условий коммуникации обычно влечет за собой использование других речевых средств, несопоставимых друг с другом.

Перейдем к описанию отдельных видов судебно-лингвистической экспертизы устной речи и особенностей конкретного лингвистического анализа представленных на экспертизу текстов.

Идентификационные экспертизы. Основная задача идентификационного исследования — получение вывода (положительного или отрицательного) о тождестве языковой личности. Этот вывод делается экспертом на основании анализа сходных и различных языковых явлений, зафиксированных на сравниваемых пленках.

При выполнении идентификационной экспертизы перед исследователем встает задача выделения основных речевых особенностей, свойственных данной языковой личности, которые проявляются на разных уровнях языковой системы (фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом). Эти особенности выражаются, во-первых, в устойчивом отборе определенных языковых средств в сходных ситуациях и, во-вторых, в устойчивом использовании некоторых вариантов, представляющих собой отклонения от литературной нормы.

Для установления тождества языковой личности одинаково существенным является как общий объем совпадений лексичесих, фонетических, грамматических признаков, встречающихся в сравниваемых текстах, так и качественная характеристика выделенных признаков, их идентификационная значимость[7]. Идентификационная значимость выделенного признака тем выше, чем выше его встречаемость в нетипичном для него контексте.

Приведем пример из экспертной практики. При сравнительном исследовании лексико-синтаксических особенностей двух устных текстов (текст I и II) было обращено внимание на совпадение принципов выбора и употребления лексических средств, указывающих на общую профессиональную принадлежность субъекта речи.(Размеры статьи позволяют привести только отдельные фрагменты больших по объему текстов, обычно представляемых на экспертизу. Основная цель приводимых в статье фрагментов — проиллюстрировать полученные в результате исследования наблюдения и выводы. Лишь при рассмотрении классификационных экспертиз небольшой объем одной из магнитофонных записей (время звучания — 36 сек.) дал возможность привести текст целиком, чтобы отразить в достаточно полном виде все этапы экспертного исследования).

Текст I

Ему сильно "помог" начальник колонны // Первое *затребование* я ему *сделал* / чтоб пришло о том что / суди... это самое / *сведений о судимости не значится* // *Официальная справка* // ... но в таком-то году *был судим по 211-й*

Текст II

Ну / мужик уже сидит / год два месяца // *Вернули на доследование* / пока *опротестовали* / пока в *Верхновный ходило* // Вот / и там *протест прокурора не прошел* значит / опять *на доследование вернули* / и вот заканчивается/ позавчера заканчивался девятимесячный срок //

Употребление юридической терминологии в устных текстах, относящихся к жанрам непринужденной разговорной речи (а не к официально-деловому или научному стилю), повышает идентификационную значимость этих признаков.

При выполнении той же экспертизы отмечалось своеобразное употребление одной интонационной модели, характеризующейся следующими признаками: направление движения основного тона — нисходящее;. наиболее высокий подъем основного тона (до 300 Гц) отмечается на начальном ударном слоге синтагмы, затем следует постепенное понижение тона (до 100 Гц); основной тон колеблется в высотном диапазоне от 300 до 100 Гц. Этот признак имеет достаточно высокую идентификационную значимость, так как данный мелодический контур наблюдается во фразах, относящихся к разным ком-

муникативным типам (см. рис.): *В чем дело?* (вопрос); *Что значит не работает?* (вопрос); *На кой ему черт это нужно!* (восклицание); *Кому какое дело!* (восклицание в форме вопроса); *Вы меня поймите правильно* (повествование).

Высокой идентификационной значимостью обладают также некоторые частные признаки, указывающие на предпочтительность использования говорящим какого-либо речевого средства (при возможной вариативности употребления единиц в сходных речевых ситуациях). Можно, например, отметить у отдельных говорящих тенденцию избирать один из возможных разговорных вариантов произношения слов: *завтра* — [за́фтъ], [за́тръ], [за́тъ]; *так сказать* [тъкскъзът'], [тъскаа́т'], [тъскът'], [тъст'] и т.д. Особенно ярко эта тенденция проявляется в городском просторечии, носители которого широко употребляют индивидуальные лексикализованные произносительные варианты (*подияльник, кофа* и др.)[8].

В речи отдельных говорящих выделяются собственно индивидуальные речевые особенности. Идентификационная значимость данных признаков особенно высока. В области фонетики, например, можно отметить индивидуальную манеру произношения отдельных звуков. Исследователи индивидуальных особенностей актерского произношения отмечали специфичность характеристик отдельного звука в сходных позициях у одного и того же актера. Отмечалось сходство его тембральных, методических и временных характеристик[9]. Эти данные также могут быть использованы при идентификационном исследовании. При решении задач идентификационного характера представляется существенным учитывать приемы языковой игры, которыми может пользоваться говорящий[10].

При проведении идентификационных исследований устной спонтанной речи важно также выделение таких черт, которые характеризуют данную языковую личность как представителя определенной социальной группы, дают возможность определить возраст говорящего, его профессию, происхождение, места наиболее длительного проживания (за счет появления в речи региональных особенностей) и др. Выделяемые языковые признаки называются групповыми, так как они характеризуют групповую принадлежность говорящего.

В лингвистических работах, посвященных описанию городского просторечия, особенностей русской речи в иноязычном окружении исследователи стремятся как можно полнее выявить типичные отклонения от литературных норм современного русского литературного языка, свойственные представителям различных регионов[11]. В экспертной практике устной речи при решении идентификационных задач для исследователя важно установить, какие именно отклонения от литературных норм встречаются в речи данного говорящего, как они соотносятся друг с другом.

Любой из групповых признаков сам по себе не имеет идентификационной значимости, однако совокупность выделенных признаков в определенном соотношении образует своего рода "мозаику" речевых особенностей, по которой с высокой долей вероятности возможно отождествить языковую личность говорящего.

Классификационные экспертизы. В задачи классификационной экспертизы устной речи могут входить: а) в отношении личности говорящего — определение пола, возраста, принадлежности к носителям литературного языка, просторечия или диалекта, социально-психологические особенности; б) в отношении устного текста — определение степени спонтанности и подготовленности устной речи (чтение письменного текста, спонтанная официальная речь, разговорная речь и т.д.); в) в отношении коммуникативного акта — определение условий осуществления речевого акта (контактные — личный разговор, дистантные — разговор по телефону), степени опоры на внеязыковые компоненты ситуации, определение ролевых отношений между партнерами, определение общности апперцепционной базы и нек. др.

Методы лингвистического анализа этого вида экспертиз определяются поставленными задачами. Исследователь стремится выделить и описать такие языковые признаки, с помощью которых можно было бы предложить наиболее полную и адекватную интерпретацию особенностей коммуникативного акта. Так, для выяснения факта знакомства участников коммуникации, как показала экспертная практика, наиболее значимым параметром анализируемого текста является объем вербально невыраженного смысла, который соотносится с общностью апперцепционной базы говорящих. Для того, чтобы читатель имел возможность получить более конкретное представление о путях и методах такого рода исследований, предлагаем несколько фрагментов одной экспертизы, относящейся к классификационным. Для экспертного анализа была представлена магнитофонная запись следующего телефонного разговора: А. ведет разговор из служебного кабинета (время звучания — 38 сек), для удобства последующего описания все реплики пронумерованы.

А: Да! (1) — Б: Здравствуйте // А мне Авакумова можно? (2) — А: Слушаю вас // (3) — Б: Это... в-вас беспокоит Федоров Николай Петрович // (4) — А: Ага! Николай Петрович! (5) — Б: Я был у вас сегодня // (6) — А: Чего? (7) — Б: Утром был у вас сегодня // (8) — А: Ну и что? Где ты есть-то? (9) — Б: Да я в Ясенево /здесь вот/ неожиданно // (10) — А: Что-о? (11) Б: Я говорю да в Ясенево сейчас // (12) А: А ты во скоко должен был прийти? (13). Б: Да я должен был в три в четыре / но я вот... (14) — А: Так *или* Ну что (?) (15) — Б: ...с товарищем договорился / у меня же не вся сумма сейчас / вот договорился с ним / он значит... ну... даёт на завтра / обещает / но я не знаю / как вам-то сегодня надо подъезжать нет? (16) — А: Да-давай быстро бери такси / и езжай // (17) — Б: И к вам прям туда? (18) — А: Да // (19) — Б: Ну хорошо // (20) — А: Смотри чтоб / через час не будет / завтра отдаю все в прокуратуру // (21) — Б: Ну я понял // (22) — А: Все понял / давай // (23) — Б: Хорошо / ладно / (24) — А: Давай // (25) —

Перед экспертами были поставлены следующие задачи:[12] 1) определить, является ли первым разговор между двумя лицами, записанный на представленную магнитную ленту; 2) определить особенности взаимоотношений участников разговора и, в частности, определить, являются ли их отношения сугубо официальными или эти отношения характеризуются определенной степенью неофициальности? 3) определить, оказывается ли в разговоре одним из его участников психо-

логическое давление на другого участника разговора, если оказывается, то кто из участников разговора оказывает такое давление.

Для решения задачи 1 изучалось содержание диалога, а также его речевые характеристики (особенности формирования плана содержания и выбор соответствующего ему плана выражения). О том, что разговор ведется не впервые, свидетельствуют следующие признаки:

1. Начало разговора свидетельствует о быстром, даже мгновенном, узнавании собеседником А. партнера коммуникации Б. После реплики-представления 4 нет уточняющих фраз или конструкций, указывающих на неузнавание партнерами друг друга, а сразу же следует реплика-узнавание 5: *Ага! Николай Петрович!*

2. Соотношение реплик-стимулов и реплик-реакций говорит о том, что А. и Б. обладают некоторыми общими для них сведениями (общностью апперцепционной базы). Из разговора следует, что между А. и Б. была предварительная договоренность о встрече (см. реплики 6, 8, 13). Цель встречи также ясна обоим, поскольку в ответ на реплики 6 и 8 (*Я был у вас сегодня* //; *Утром был у вас сегодня* //) у А. не возникает уточняющих вопросов типа "По какому делу вы ко мне обращаетесь?" Реплика 13 (*А ты во скоко должен был прийти?*) не является собственно вопросом, и содержит модальный оттенок недовольства тем, что Б. приходил не во-время, т.е. А. не стремится узнать у Б., во сколько тот должен был прийти, это ему известно. Интонационно оттенок недовольства выражается в том, что вся фраза произносится в более низком регистре по сравнению с другими фразами, произносимыми А. (*А ты во ско́ко должен был прийти́?*).

3. Показателем того, что разговор между А. и Б. является не первым, служит наличие незамещенных информативно важных синтаксических позиций в ряде высказываний. Смысловое содержание реплик ясно собеседникам на основании знания предситуации разговора. В реплике 16 обращают на себя внимание следующие примеры: *с товарищем договорился* (о чем?) // *у меня ж не вся сумма сейчас* (какая сумма? для чего?) У А. эти реплики недоумения не вызывают, т.е. он понимает, о чем идет речь. Показательна также фраза — *Смотри чтоб / через час не будет / завтра отдаю всё в прокуратуру* // Все высказывание в целом представляет собой элиминированную структуру. Если это высказывание развернуть, восстановив все незамещенные синтаксические позиции, то фраза будет выглядеть приблизительно так: *Смотри, чтоб через час ты был здесь, и если денег (суммы) не будет, то завтра я все материалы твоего дела отдаю в прокуратуру.* Незамещенная позиция при глаголе *не будет* относится к слову *сумма*, а не к субъекту Б., т.к. в противном случае фраза была бы оформлена иначе: *Смотри чтоб через час не будешь...*

4. О том, что разговор ведется не впервые, свидетельствует нарушение речевого этикета, принятого в разговоре с незнакомыми. Имеется в виду переход А. с обращения к Б. на *вы* к обращению на *ты* с реплики 9.

5. Подтверждает предположение о знакомстве А. и Б. также инто-

национное оформление релятива *Ага!* в реплике 5. В пределах этого слова отмечается композиционное расчленение положительного акцента. Тонально это выглядит так: на предударном слоге происходит перескок тона на более высокий уровень, возвращение на исходный уровень отмечается на ударном гласном. И предударный и ударный гласные характеризуются увеличением длительности. Расчлененный акцент сочетается с просодической назализацией[13]. Подобное интонационное оформление вносит дополнительное значение "вот ты-то мне и нужен", "тебя-то я жду": (A⌐a h a¬a)˜.

6. Как нарушение речевого этикета можно рассматривать также и обилие различных фонетических деформаций, характерных обычно для речи хорошо знакомых между собой собеседников. Ср. примеры: *Ага! Николай Петрович* [ãhã / н'иклы̆й п' ьтрв̆ич' //]; *Ну и что? Где ты есть-то* [нуишт̆о̆ / гд ⁵т j̆ɜс'тъ^а/]; *А ты во скоко должен был прийти?* [аты̆ъ°ско̆г‿дъж‿бъл лр'ид̆т'й]; *Смотри чтоб / через час не будет / завтра отдаю все в прокуратуру //* [сматр'й шъп / ч'ьр'ьш'ч'ас н'иб̆ўьд / за́фтръ ъдаў фс'о̀ фпръкръ^а^т ўру].

Для решения задачи 2 изучались лингвистические особенности текста, которые позволили сделать следующие выводы о взаимоотношениях А. и Б.

1. Взаимоотношения участников телефонного разговора неравны. А в середине разговора переходит на *ты*, Б. обращается к собеседнику только на *вы*. Включение в реплику 4 слова *беспокоит* характерно для телефонного представления в случае несимметричности коммуникативных ролей говорящих. Таким образом, Б. подчеркивает свое зависимое положение в отношении А. На это же указывает начало реплики 14.

2. Взаимоотношения между собеседниками в данной речевой ситуации подчеркиваются довольно большим количеством реплик, принадлежащих А., которые носят наступательный характер. Например, реплики 17, 21, 23, 25 содержат императивные формы *давай, езжай, смотри, бери.*

3. Отношения между А. и Б. нельзя считать сугубо официальными, поскольку выделенные характеристики текста свойственны речи, протекающей в условиях неофициального общения. Об этом свидетельствуют: нарушение речевого этикета со стороны А. (см. выше); несоблюдение норм официально-делового общения с незнакомыми людьми по телефону. Реплики 7, 9, 15, 17, 21, 23 носят явно разговорный характер, что проявляется на разных уровнях: **в области фонетики** — обилие фонетических деформаций, частая смена темпа речи в пределах фразы; в области лексики — обилие разговорных частиц: *ну и что?, где есть-то?, Я говорю да в Ясенево вот сейчас* //, *Да я должен был в четыре / но я вот с товарищем договорился / у меня ж не вся сумма сейчас / вот договорился с ним / он значит ... ну ... дает на завтра...; И к вам прям туда?;* употребление разговорно-просторечного слова *подъезжать* в реплике 16 (*Как вам-то сегодня надо подъезжать нет?*); в области синтаксиса — наличие незамещенных синтаксических позиций.

Решение задачи 3. Представленный на пленке материал дает

основание выявить следующие ролевые отношения партнеров коммуникации. Эти отношения неравноправны, в чем наглядно убеждает представление модели диалога: 1) интродуктивная часть (реплики 1—3); 2) представление Б. и узнавание со стороны А. 4—5; 3) объяснение Б. по поводу нарушения предварительной договоренности о встрече (6—15); 4) кульминация диалога, где раскрываются цели партнеров коммуникации, свидетельствующие о неравноправии партнеров (16—17); 5) уточнение времени и места предстоящей встречи (18—25), в реплике 21 содержится модальный оттенок "угроза".

Неравноправие партнеров становится очевидным при раздельном представлении текста каждой "роли". Содержание и лингвистические характеристики текстов говорят о зависимости Б. по отношению к А.

Текст Б. 1. На протяжении всего разговора Б. не переходит на *ты;* 2. В своих репликах Б. объясняет свои поступки и задает вопросы, свидетельствующие о том, что он ждет указаний, как ему поступить (реплики 16, 18). В реплике 22 — согласие с установкой А. Установка А. не обсуждается, не вызывает возражений со стороны Б; 3. О зависимом положении Б. в акте коммуникации говорят следующие фонетические черты: общая громкость речи ниже, чем у А.; затухание громкости к концу в информативно важных, кульминационных репликах (конец реплики 16 и реплика 18); наличие пауз хезитации и частиц — заполнителей пауз колебания: *но я* **вот** *с товарищем договорился / у меня не вся сумма сейчас /* **вот** *договорился с ним / он* **значит**... **ну**... *дает на завтра...;* 4. Ключевой, обнажающей цель разговора для Б. является конечная фраза реплики 16: *как вам-то сегодня надо подъезжать нет?*

Текст А. 1. А. определяет действия Б., связанные с целью коммуникации. Диктующая роль А. отражается в том, что в его репликах не содержится вопросов. Реплики, оформленные как вопросы, не являются собственно вопросами. Реплики 17 и 11 — это переспрос, вызванный тем, что А. не расслышал фразу, произнесенную Б. Реплика 13 очень показательна, поскольку А. здесь не запрашивает неизвестную ему информацию. Это скорее выговор в форме вопроса. Эта фраза содержит модальный оттенок недовольства и упрека (разбор интонации данной фразы см. выше). Об этом же свидетельствует ответная реплика Б. (см. 14, 16), где он не уточняет время, а начинает объяснять, почему он не пришел в назначенное время; 2. Ключевой для А. является реплика 17. В ней содержится инструкция для Б., как он должен поступить: *Давай / быстро бери такси / и езжай //*. Эта реплика поддерживается репликой-угрозой 21: *Смотри чтоб / через час не будет / завтра отдаю всё в прокуратуру //*, т.е. "если условие не будет соблюдено, то с моей стороны последуют определенные действия"; 3. Для речи А. характерно обилие высказываний с модальными оттенками, свидетельствующими о воздействии на адресата: (А$^{\frown}$аha$^{\smile}$а)$^{\sim}$ — модальный оттенок узнавания адресата со значением "вот ты-то мне и нужен" проявляется за счет растяжки гласных, расчленения положительного акцента, оформленного повышением тона на предударном гласном и понижением его на ударном и назализованного произношения сегмента: (Чтб-о?)^{2}< модальный оттенок удивления вносится за счет удлинения

гласного, употребления двойного восходящего акцента, для которого характерен тональный перескок через два уровня, а также увеличения громкости; (*А ты во ско́ко должен прийти́?*). — модальный оттенок недовольства передается снижением общего регистра речи ("нулевой" тональный уровень); 4. О воздействии на адресата свидетельствует также употребление императива в репликах 17, 21, 25; 5. Общая громкость речи у А. выше, чем у Б.; 6. Сопоставление реплик 9, 10, 11, 12, 13 показывает, что А. вовсе не интересует предмет вопроса *где?*, т.е. местопребывание Б., но предмет интереса нечто совсем иное, реплики 14, 15 и ответ на реплики 15, 16 показывают, что предмет интереса — *сумма*, т.к. сразу после реплики 16 идет императив, завершенный (усиленный) угрозой. Вопросы со стороны А. прекращаются и не повторяются в дальнейшем; 7. Манера ведения диалога А. характеризуется наличием перебивающих Б. реплик 5, 15, 17, 23, что является нарушением речевого этикета и свидетельствует о стремлении А. воздействовать на Б., подавить его.

Диагностические экспертизы. Одним из видов диагностических экспертных задач является установление различных эмоциональных состояний говорящего. Вопрос о том, как отражаются на функционировании единиц разных языковых уровней и на особенностях коммуникативно-речевого поведения различные эмоциональные состояния говорящего, принадлежит к числу малоизученных[14]. Проиллюстрируем возможные подходы к решению задач подобного типа конкретным примером. В ходе следствия на разрешение экспертизы в числе других был вынесен вопрос о том, находился ли обвиняемый при записи показаний в состоянии психологической подавленности. Предварительное прослушивание исходной фонограммы (текст I) давало основания предположить, что речевое поведение обвиняемого характеризуется психологической скованностью и подавленностью. Привлеченный для сопоставления сравнительный материал (текст II), который отражал речь того же говорящего на ту же тему в тождественной коммуникативной ситуации (допрос), свидетельствовал о том, что выделяемые в исходной фонограмме речевые особенности не могут рассматриваться как постоянные, индивидуально-характерные, обусловленные недостаточной степенью владения речевыми навыками в условиях официального общения, а являются следствием психологической подавленности. В этом убеждали следующие выделенные особенности сравниваемых текстов.

1. В тексте II, в отличие от текста I, последовательно проявляется тенденция к логизации речи: спонтанно и широко используются показатели логических отношений между частями высказывания — союзы. В нем широко отражены эксплицитно выраженные логические связи между фрагментами текста. В исходном тексте уточнение логических отношений, прояснение причинных связей делается иногда следователем.

2. Для текста I, в отличие от текста II, характерно ненаглядное, информативно скудное построение плана содержания и выбор предельно упрощенного плана выражения. В основном это простые

монопредикативные высказывания с минимальной актантной структурой, например:

Текст I	Текст II
Потом я вернулся домой // Надел его фуражку // Вернулся на стройку //	И я вспомнил о том, что он иногда выпивал / вот / и в пьяном виде был во дворе / ходил // А во дворе у нас есть ну такие опасные что ли или рискованные места // Это стройка незаконченная / трехэтажная / где лестничные пролеты / на них нет ни перил / ничего //

3. Различия в эмоциональных состояниях, как показывает материал, существенно влияют на функционирование метатекстовых единиц. В исходном тексте I они практически отсутствуют. В тексте II представлены: метаорганизаторы высказывания, выполняющие роль темы (*Вот // Это вот то / что касается причины вызвавшей ссору //*); обобщающие фразы, завершающие ту или иную тему разговора (*Вот что можно сказать об учебе в школе //*); единицы, выступающие в анафорической функции (*Увлечения? Ну я уже сказал что в основном это увлечение литературой и кино //*).

4. О большей свободе речевого поведения, отраженного в тексте II, говорят примеры перестройки конструкций, выбора наиболее адекватного с точки зрения говорящего лексического материала, детализации путем перифрастических повторов информативно важных участков текста, что не отмечается в тексте I: *Я посмотрел в столе / посмотрел по квартире // Увидел что... вспомнил что хлеба-то не было //*; *Мне сказали / что в какие-то моменты у человека возникают... увеличивается сила физическая //*; *Я сказал то / что мне сообщил / повторил вариант / повторил ну сценарий что ли / ту версию которую мне сообщил Иванов //*.

5. Проявлением отсутствия психологической скованности говорящего, отмечаемой в тексте II, может служить наличие фрагментов текста, отражающих готовность к рефлектирующей самооценке: (ответ на вопрос следователя о том, к какому психологическому типу отнес бы себя обвиняемый) *Ну видимо к спокойному такому / редко возбудимому сразу / вот // Много в себе переживаю / не даю выход / ну что ли выплеснуться наружу своим чувствам / своим настроениям //*

6. Сопоставление текстов I и II показывает, что психологическая подавленность резко ограничивает функционирование определенных разрядов лексических единиц — частиц как неотъемлемой принадлежности естественной спонтанной речи, а также средств выражения субъективной модальности. В тексте II в отличие от текста I отмечены: *ну, вот, что ли, собственно, якобы, значит, в общем, честно говоря, так сказать* и мн. др.

7. Сравнение текстов I и II позволило сделать вывод о том, что при одних и тех же несимметричных отношениях партнеров коммуникации (следователь — допрашиваемый) характер речевого поведения обвиняемого различен и свидетельствует о разном психологическом состоянии говорящего. В тексте I вопросы задает только следова-

тель, а в тексте II — и обвиняемый с целью уточнения вопроса и дачи наиболее точного, информативного ответа. Для его речи характерны также контактоустанавливающие реплики, что отсутствует в тексте I. *Что еще вас интересует из автобиографии?;* (вопросы в процессе рассказа) *Да? Я не ошибаюсь?; Видимо это имеется в виду?*

В заключение хотелось бы отметить, что изучение устной спонтанной речи в криминалистическом аспекте только начинается, на этом пути сделаны лишь первые шаги. Предстоит теоретическое осмысление круга возможных экспертных задач, выработка надежных методик и методов анализа, в частности определение границ и возможностей применения качественного, количественного (статистического) и инструментальных методов. Обобщение результатов конкретных экспертных работ убеждает в целесообразности и возможности выработки теоретических основ криминалистических исследований устной речи с единых для лингвистики и криминалистики позиций. В этом отношении представляется плодотворным использовать в криминалистических исследованиях активно разрабатываемую в последние годы концепцию языковой личности как своего рода эталона-анализатора, позволяющего диагностировать состояние языковой развитости конкретного индивидуума и на основе анализа текстов реконструировать конкретную языковую личность с определенными социально-психологическими параметрами.

---

[1] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

[2] Выделение устно-речевых навыков и их свойств в качестве самостоятельного объекта экспертного исследования требует соотнесения их с письменно-речевыми навыками, криминалистическое исследование которых осуществляется в рамках судебно-авторoведческой экспертизы (Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. М., 1977). Сходство и различие этих типов экспертиз базируется на специфике и несовпадении самих объектов исследования — устной и письменной речи.

[3] *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Автореф. дисс. докт. филол. наук. Л., 1984.

[4] *Караулов Ю.Н.* Указ. соч.

[5] Теоретические и методические вопросы... а также: *Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И.* Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977.

[6] Речевые тесты и их применение. М., 1976.

[7] В криминалистической практике анализа письменных текстов выработаны требования, которые во многом применимы к экспертным исследованиям устной речи. При проведении идентификационной экспертизы исследователь выделяет совокупность сходных признаков сравниваемых текстов и оценивает их идентификационную значимость. Выделенные признаки "должны характеризоваться относительной независимостью, устойчивостью и специфичностью; в равной степени важна и количественная характеристика установленной совокупности (объем совпадений), и качественная существенность совпадений признаков" (Теоретические и методические вопросы... с. 94).

[8] Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1985.

[9] *Иванова-Лукьянова Г.Н., Пауфошима Р.Ф.* Опыт сопоставительного анализа произношения одного гласного разными актерами // Русское сценическое произношение. М., 1986.

[10] Русская разговорная речь. М., 1983. В пародийной кинокомедии Леонида Гайдая "Бриллиантовая рука" герой фильма безошибочно узнает главаря банды контрабандистов по одному только приему языковой игры — нестандартному совмещению поговорок. "Шеф" произносит фразу *Куй железо не отходя от кассы*, которая явилась яркой

речевой приметой персонажа. Данная ситуация, конечно, не вполне реальна и несколько преувеличена в соответствии с законами комедийного жанра, однако она отражает особенности реальной речевой коммуникации.

[11] См.: Городское просторечие; *Бондарко Л.В.* и др. Современная произносительная норма и ее варианты.Л., 1988 ; Теория и практика сценической речи. Л., 1985.

[12] Данная экспертиза носит комплексный характер, т.е. включает наряду с классификационными диагностические задачи см. п. 3.

[13] *Кодзасов С.В.* Тональная эмфаза в русском языке. — Proceedings XIth ICPhS. The Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. Vol. 2. Tallinn, 1987, p. 476—480. *Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.

[14] Речь, эмоции, личность. Л., 1978; АРСО-73: Труды Всесоюзной школы-семинара АРСО. Алма-Ата, 1973.

Т.Г. Визель

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ БОЛЬНОГО С АФАЗИЕЙ И ПРОБЛЕМА МЕЖПОЛУШАРНОЙ АСИММЕТРИИ МОЗГА

Возникновение понятия "языковая личность" свидетельствует о чрезвычайной важности языка в жизни отдельного человека и общества в целом. Сложившаяся языковая личность является устойчивой, и даже такой фактор, как болезнь, приводящий к потере речи или ее грубым нарушениям (афазия), не "зачеркивает" языковую личность полностью. Как правило, сквозь болезнь "проступают" наиболее характерные черты преморбидного поведения, т.е. поведения, упроченного до заболевания. Понятно, что учет преморбидных особенностей языковой личности больного крайне необходим для восстановления утерянной речевой способности. В связи с этим данные социолингвистики, изучающей особенности языкового поведения и языковой личности, представляют для специалистов по патологии речи безусловный и особый интерес[1].

Клиническая картина каждой формы афазии складывается из симптомов, являющихся непосредственным следствием очага поражения мозга. Поскольку афазия — это системное расстройство, при любой из ее форм речевая функция страдает в целом, включая экспрессивную и импрессивную стороны. Вместе с тем локализация очага поражения, его размеры и некоторые другие факторы определяют специфические особенности конкретной формы афазии, соотношение в ней первичной и вторичной симптоматики.

Классификация форм афазии и клиника различных афазических синдромов описаны в литературе[2]. Следует отметить, что данные лингвистики позволили разработать современную нейролингвистическую классификацию афазии[3]. В отличие от прежних классификаций (в частности классификации А.Р. Лурия, в основу которой положен принцип выделения основного нарушенного звена в структуре

функции) в нейролингвистической классификации формы афазии выделяются соответственно избирательному нарушению одного из кодов языка: фонологического, лексического, морфологического и синтаксического. Возникающие вследствие этого формы афазии лишь условно могут быть быть соотнесены с "привычными" формами прежних классификаций[4].

Каждая из форм афазии прежде всего отражает "эффект очага", т.е. дефекты речи, обусловленные очагом, как правило, "перекрывают" особенности прежней языковой личности. Однако компенсаторные перестройки, вступающие в действие на ранних этапах заболевания, хотя и косвенным образом, но приоткрывают тип языковой личности больного. Она "проступает" в той речевой продукции, которая появляется в результате внутри- и межполушарных взаимодействий непострадавших отдельных участков мозга.

Известно, что каждое из полушарий мозга вносит свой специфический вклад в осуществление речевой функции. В наиболее общем виде специфика левого полушария (доминантного по речи для большинства людей) сводится к обеспечению произвольного уровня речевой деятельности, а специфика правого (являющегося субдоминантным в отношении речевой функции) представлена способностью к непроизвольному речепродуцированию (наиболее интимным образом связанному с личностью). В связи с этим понятно, что активация правого полушария в процессе компенсации "вызывает к жизни" речевую продукцию, наиболее достоверную в плане воссоздания этой языковой личности. Внутриполушарные компенсаторные механизмы в меньшей степени, чем межполушарные, вскрывают преморбидные черты языкового поведения. Однако и они вносят свою определенную лепту. Так, внутриполушарная компенсация, осуществляемая на произвольном уровне, обнаруживает предпочтение больного к использованию определенных элементов языкового кода. Например, внутри синтаксического кода они могут выявить преобладание предикативных речевых конструкций над номинативными, внутри лексического — преобладание абстрактного словаря над конкретным, и наоборот.

Важно отметить, что "левополушарная" (произвольная) речь обязательно требует порождения, а "правополушарная" (непроизвольная), в отличие от этого, "поставляется в готовом" виде. К таким "готовым" речевым конструкциям, хранящимся в запасниках правого полушария, относятся автоматизированные речевые ряды (порядковый счет, дни недели, слова песен, знакомые с детства стихи), имена близких людей, эмоционально насыщенные восклицания, включая бранные слова и выражения. Как правило, больной может легко воспроизводить такие ряды и цитаты целиком, но не в состоянии сделать конкретный выбор в ситуации общения.

При наличии очага поражения в левом полушарии сразу же на самых начальных этапах заболевания вступают в действие непроизвольные, т.е. правополушарные механизмы компенсации, поскольку именно правое полушарие остается "здоровым". В результате этого в речи различных больных появляются упомянутые выше "готовые" конструкции, произносимые непроизвольно. Однако этим не исчер-

пываются ранние компенсаторные проявления при афазии, так как в качестве компенсаторных предпосылок выступает не только сам факт наличия межполушарной асимметрии мозга, но и врожденно обусловленные качественные особенности этой асимметрии у отдельных людей. Имеются в виду различия в степени доминантности по речи левого полушария мозга. Чем больше выражена эта степень, тем менее активно правое полушарие в процессах компенсации, и наоборот. Следовательно, у лиц с неярко выраженной левополушарной доминантностью по речи правое полушарие более состоятельно в компенсаторном отношении. Это значит, что в его "запасниках" хранится больший объем непроизвольной речевой продукции. Она включает не только автоматизированные речевые ряды, но и другие конструкции, например фразеологизмы, а также речевые стереотипы общественного и бытового поведения, обладающие вариативностью и являющиеся тем самым определенными намеками на особенности той или иной языковой личности.

В клинике афазий известны случаи, когда "пусковая" растормаживающая роль правополушарного механизма способствует дальнейшему становлению компенсаторного процесса, вовлекая в него не пораженные структуры левого полушария мозга и обеспечивая дальнейшее протекание на основе межполушарного взаимодействия, по закономерностям, характерным для нормы. В этих случаях нередко, несмотря на наличие афазических искажений, в речи больных "пробиваются" индивидуальные стереотипы языкового поведения в той мере, которая позволяет определенным образом судить о характере языковой личности больного. К этим проступающим, "выплывающим" наружу языковым "привычкам" относятся прежде всего речевые штампы, определяющие социальный типаж, каковым и являлся данный больной ранее, а также его "любимые" словечки.

Например, в зависимости от региональных особенностей речи выделяются типажи: *одессит, москвич, северянин, южанин* и т.д., в зависимости от роли в обществе — *шутник, дамский угодник, душа общества, анекдотчик* и т.п. Все эти черты "проступают" сквозь болезнь. Легко видеть, что даже дефектные выражения типа *позвольтесь Вам быть любезным* или такой оборот как *итак, делам нет эффекта* принадлежат разным типажам.

В сочетании с манерами, жестами и типом эмоциональной реакции на ситуацию языковые "привычки" позволяют сделать достаточно достоверные предположения о языковой личности больного, что в существенной мере приближает к пониманию его личности в целом.

Следует также принимать во внимание особенности просодического оформления высказывания — темп, ритм, интонацию. Каждая из этих характеристик несет определенную информацию, связанную с языковой личностью больного, особенно интонация. Она наиболее связана с эмоциями, а, следовательно, приоткрывает глубинные, спрятанные за внешние "оболочки" слов, личностные черты больного. Приведем примеры.

Больная рассказывает о своей кухне: *Стол, стул и холодильник составляют непосредственные предметы, необходимые каждой кухне. На далеком расстоянии висит полка. Наиболее крупная сумма находится в крупе и сахаре. Самой большой бутылкой шкафа является бутылка с постным маслом... Не отстают в удельном весе поднос, нож и вилка. Штопор занимает основное место в хозяйственной деятельности. Кофейник и чайник приносит все более и более хлопот. Зато миска из дюралюминия превращается в красавицу...*

Больной пересказывает сон о том, как у него выросли волосы: *Я лег спать лысым. И вот в процессе сна получилась огромная система роста волос.*

Рассказ больного о зиме: *Было много снега, и мы лепили из него бабу, ой нет, даму тоже.*

Представляется, что по этим примерам, можно судить о каждом из авторов высказывания как об определенном типаже: *зануда, книжник, жеманник.* Примечательно при этом, что в речи больных, впрочем, как и каждого говорящего человека, достаточно тесно переплетаются, с одной стороны, природная языковая способность, а с другой — языковой навык, приобретенный в определенном социуме. Даже в искаженных высказываниях больных соединены генетическая потребность в определенном способе речеизъявления и ограничение языковых средств, употребляемых в окружающей его социальной среде или даже навязываемых этой средой.

В восстановительной работе с больным необходим учет обеих тенденций, определяющих языковую личность, — и природных языковых склонностей, и социокультурных черт речи. Подбор тренингового материала, в максимальной степени отвечающего внутренним языковым потребностям и внешнему языковому опыту, непременно облегчит конечные задачи восстановительного обучения.

Исчерпав все возможности пути изучения больного по имеющимся речевым фрагментам, специалист по восстановлению речи у больных с афазией обращается к родственникам и близким больного для выяснения целого ряда анамнестических сведений в отношении его преморбидного языкового поведения, а именно: каковы были любимые выражения больного; разговорчивым он был или "молчуном", имел ли склонность к жестикуляции во время речи; была ли связана профессия больного с речью (учитель, лектор и др.). Наконец, важными являются сведения о том, какую роль играла речь для самоутверждения больного в жизни, для реализации его возможностей в профессиональной, общественной деятельности, в сфере внутрисемейных и дружеских отношений.

Знание преморбидных особенностей языкового поведения не только позволяет выбрать правильную линию поведения с больным, что само по себе является чрезвычайно важным, но и дает представление о той жизненной ценности, которую имела речь для данного больного, а следовательно, и о размерах психотравмирующего влияния, связанного с ее потерей. Эти данные дают ориентировку при выборе лексико-фразеологического и другого вербального материала, используемого в восстановительных целях, помогают найти оптимальные методические приемы предъявления этого материала и наиболее короткие пути социальной адаптации больного. Участие лингвистов в решении проблемы преодоления афазических расстройств

речи могло бы приблизить решение ряда задач, диктуемых потребностями клиники.

Необходимы материалы, отражающие структуру словаря и речевого поведения представителей разных социальных групп. Нужны теоретические и практические разработки принципов составления речевого паспорта человека, учитывающие индивидуальную специфику речи. Чрезвычайно полезны были бы специальные словари устойчивых выражений разных типов, систематизированные в соответствии со сферой применения и ранжированные по степени устойчивости. Это позволило бы более последовательно соблюдать принцип поэтапности восстановительного обучения, а также в значительной мере расширило бы арсенал вербально-дидактических средств.

Итак, нарушения речи по типу афазии не "зачеркивает" полностью "языковую личность" больного, сложившуюся до заболевания. Для диагностических и восстановительных целей чрезвычайно важным является воссоздание "языковой личности", т.е. извлечение "остатков" прежней речи из дефектного высказывания больного, в котором сочетаются как привычные для него речевые элементы, так и "вынужденные", вызванные ограниченностью средств вербального выражения мысли. Пути воссоздания могут быть следующими: 1) оценка речевого компенсаторного процесса с точки зрения особенностей межполушарного взаимодействия у данного больного (соотношение произвольной и непроизвольной речевой продукции); 2) анализ высказывания больного с точки зрения предпочтения им предикативных или других средств языка, определяющих в известной мере характерологические особенности говорящего; 3) выявление специфических оборотов речи, позволяющих отнести больного к тому или иному типажу; 4) учет невербальных особенностей поведения и просодических особенностей высказывания; 5) сбор сведений об языковом поведении больного до заболевания и характерных чертах его личности.

На основании этих данных были бы возможны: 1) оптимизация восстановительного обучения с точки зрения установления адекватных форм контакта с больным и стратегии лечения; 2) создание стандартизованных "документов", характеризующих языковую личность больного (речевой портрет, языковой паспорт и т.д.); 3) создание пособий, в частности, специальных словарей устойчивых выражений, систематизированных по сферам их применения и степени устойчивости.

---

[1] Автор благодарит канд. филол. наук Е.В. Красильникову за помощь в работе.

[2] *Jackson H.* Selected Papers, I—II. L., 1932; *Head H.* Aphasia and Kindred Disorders of Speech. Cambridge, 1963; *Лурия А.Р.* Травматическая афазия . М., 1947; *Он же.* Высшие корковые функции человека. М., 1969; *Он же.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975. *Бейн Э.С.* Афазия и пути ее преодоления. М., 1964; *Винарская Е.Н.* Клинические проблемы афазии. М., 1979.

[3] *Визель Т.Г., Глезерман Т.Б.* Нейролингвистическая классификация афазий // *Глезерман Т.Б.* Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии. М., 1986. С. 154—209.

[4] Фонологическая афазия — сенсорная; лексическая — амнестическая; морфологическая — семантическая; синтаксическая — динамическая.

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ. А.А. РЕФОРМАТСКИЙ

А ведь так, как говорит Реформатский,
не говорит уже больше никто.

А. Ахматова[1]

Воссоздание языковой личности (не литературного персонажа, а реального человека) — задача в полную меру невыполнимая, видимо, вообще. Личность бесконечна. Мы осознавали это, приступая к работе над языковым портретом А.А. Реформатского[2]. Александр Александрович был нашим учителем. В памяти еще звучат его слова, живет его неповторимая речь. Вот почему эта работа была особенно ответственной и дорогой для нас.

Теория и методика изучения языковой личности, как известно, находятся еще в стадии разработки. Поэтому наше описание импрессионистично. Мы считали, однако, целесообразным обратиться сегодня именно к совершенной языковой личности с рельефными языковыми чертами, к уникальной индивидуальности, которая вместе с тем очень ярко воплощает в себе черты своего времени, поколения, культуры, народа. Именно таким человеком был А.А. Реформатский — носитель языковой традиции поколения русской интеллигенции, родившегося в конце XIX — начале XX в. Он обладал редким чувством укоренности в отечественной истории и "глубоким чувством своей почти родовой принадлежности к широкой гуманитарной традиции русской культуры XIX—XX вв."[3] Этому способствовали и исходные биографические моменты. Приведем отрывки из рассказа Александра Александровича о своей семье[4].

— Вы ровесник века.

— Нет, я его чуть старше. Потому что девятисотый год — последний год девятнадцатого столетия.

— Детство мое вообще прошло в переулках Остоженки, Пречистенки, Арбата. И вот этот пейзаж Москвы для меня является родным.

— Надо сказать, что педагог и оратор отец был великолепный. Хорошо поставленный голос был, находчивый, никогда он не мекал, не мемекал, а всегда находил нужное слово и нужный оборот речи. Он как апостол от Менделеева прекрасно описан у Андрея Белого в книге "На рубеже двух столетий"... У отца был знаменитый учебник неорганической химии, который выдержал семнадцать изданий. Начался он после девятьсот пятого года, а последнее издание было уже в тридцатых годах нашего века.

— Мать написала книги: "На южном берегу Крыма" и "Люди мысли и правды" о Белинском, Герцене и других. Она была преподавательницей. А кстати, очень любила и ценила театр, писала нам, детям, прекрасные пьески для наших детских домашних спектаклей. ... И вот эти интересы, филологические, театральные, литературные, идут от матери и от ее линии.

Передача традиций (культурных, языковых, научных) от поколения к поколению было сознательной заботой и исполненным долгом А.А. Всех, кто общался с А.А., поражал его яркий языковой дар, соединенный со столь же ярким даром общения. Уникальным был самый объем речевой деятельности Александра Александровича. Попробуем перечислить все области его языковой коммуникации.

Письменная речь: научная проза, а также статьи, посвященные памяти ученых, художественная проза — повести, новеллы (не опубликованы); поэма по заказу издательства "Охрана материнства и младенчества" (опубликована в 20-е годы); мемуары (опубликованы частично); дневник; стихи для себя, для близких, стихотворная переписка с друзьями и учениками; письма родным, коллегам и ученикам, записки; дарственные надписи на книгах и оттисках статей; маргиналии на полях научных и художественных изданий; заметки для себя, записи речи; деловые, официальные жанры (служебные, гражданские). **Устная речь:** лекции для студентов (семинары, экзамены); публичные доклады и выступления на научные темы (работа в семинарах, научных объединениях, ученых советах и комиссиях); общение с коллегами, связанное с административной деятельностью (заведование кафедрой, лабораторией, сектором); личные беседы; бытовое общение; разговоры по телефону.

С языком были связаны многие профессиональные занятия А.А.: корректор, технический редактор, переводчик, лектор, лингвист, а также его увлечения: ученик театральной школы, актер-любитель. Речевая деятельность в буквальном смысле наполняла всю жизнь. А.А. владел родным языком с абсолютной стихийной свободой, но вместе с тем в нем была глубоко развита языковая рефлексия — научная и культурно-эстетическая, обращенная не только к существующим текстам, но и к живой, текучей речи. Более того, А.А. было свойственно конструктивно-преобразовательное отношение к языку.

С одной стороны, язык для А.А. — это инструмент, который в процессе пользования им может совершенствоваться, "подгоняться по руке". Как лингвист, А.А. откликался на предложения участвовать в орфографической, терминологической комиссиях. В своей собственной практике выработал некоторые индивидуальные правила орфографии: *ё* только с двумя точками, после шипящих только *о* (*учоный, пошол, Головачов,* писал: *релация, коррелация, варьянт, пьянист,* имел авторскую пунктуацию (с обилием кавычек, тире, многоточий, знаков вопросов и восклицания), которая помогала ему внести в письменный текст интонацию живой речи. В одном тексте мог использовать наряду с русским древнерусский и латинский алфавиты, нелитературные формы, иноязычные слова.

С другой стороны, в А.А. всегда жило художественное, творческое отношение к языку, и оно требовало осуществления. Его художественная проза 20-х годов представляет собой достаточно серьезное явление, ее опубликование расширило бы наши представления об общих процессах в литературе того времени. Но творческие устремления А.А. находили реализацию во всех формах его речевой деятельности, в том числе в письмах, в обиходной речи.

Можно думать, что внимание к языковой форме было воспитано в А.А. в его детские и юношеские годы. Он сам упоминал о языковых играх: детском "кикетировании" (при чтении стихов: прикибеки-жаки-лики... в избу дети), об увлечении шарадами в 10-е годы. В книге соученика А.А. по гимназии И.В. Ильинского читаем:

"А на самом верхнем этаже, в официальной курилке надпись углем через всю стену, надпись, как бы являющаяся лозунгом гимназии: Вясна ядёть!"[5] Игра с просторечными и диалектными формами, введение в обиходную речь древнерусских (и псевдодревних) форм: *Рито! Мачехо! Невесто! Где мои сапози? В честь Колумблю* — это характерные для А.А. способы создания речевой экспрессии (примечательно, что во многих чертах его речь сходна с речью его соученика и друга Н.В. Тимофеева-Ресовского — см.: Д. Гранин "Зубр").

Слово у А.А. всегда нагружено множеством культурных коннотаций. Языковое сознание А.А. испытывает постоянное давление разных культурных контекстов. Поэтому эстетически остро переживается сдвиг контекста, столкновение знаков разных языков и социальных и функциональных сфер, взаимопроекции их — наложения, парадоксальные совмещения. Эти черты в языковом творчестве сближают его с обериутами, с Н.А. Заболоцким.

Мы решились предпринять опыт описания языка А.А. Реформатского, поскольку у близких, коллег, учеников сохраняются многие его письменные тексты разных жанров, а в фонотеке Института русского языка АН СССР находятся магнитофонные записи нескольких разновидностей его устной речи. Многое пока еще можно было извлечь из слуховой памяти людей, общавшихся с Александром Александровичем, в беседах с ними можно было проверить некоторые факты и оценки.

В этой работе взаимопомощь авторов выходит за обычные рамки коллективного труда. Авторы дарили друг другу темы и материалы, обсуждали композицию целого. Организационные функции приняла на себя Е.В. Красильникова. Большую помощь авторам оказали — советами, предоставлением материалов: В.А. Виноградов, Е.Л. Гинзбург, В.П. Григорьев, Н.А. Еськова, Л.П. Калакуцкая, В.А. Плотникова, Т.Ю. Строганова, Р.М. Фрумкина, Л.К. Чельцова и др. Мы глубоко благодарны им. Наша особенная признательность: Наталии Иосифовне Ильиной, Наталии Дмитриевне Архангельской, Марии Александровне Реформатской.

Мы ощущаем незаконченность нашей работы, но хотели бы надеяться, что некоторые черты языкового облика А.А. Реформатского нам удалось передать.

---

[1] См.: *Ильина Н.И.* Дороги и судьбы. М., 1985. С. 539.

[2] В конце 60-х годов М.В. Пановым были созданы фонетические портреты Александра Александровича и его дочери Марии Александровны (см. "Историю русского литературного произношения XVIII—XX вв.", которая готовится к печати в издательстве "Наука").

[3] *Реформатская М.А.* Предисловие // А.А. Реформатский: Воспоминания об оперных певцах // Наше наследие. 1988. N 3. С. 150; О личности А.А. Реформатского см. также: *Аванесов Р.И., Панов М.В.* Александр Александрович Реформатский // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А.А. Реформатского. М., 1971; *Григорьев В.П.* К семидесятипятилетию А.А. Реформатского // Предварительные публикации. Институт русского языка. М., 1975. Вып. 71. *Он же.* А.А. Рефор-

матский. Литературный портрет // Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания. Калинин, 1977; *Крысин Л.П.* А.А. Реформатский (1900—1978) // Рус. яз. в шк. 1978. N 4; *Мельчук И.* Памяти Александра Александровича Реформатского // Russian Linguistics. 1980. 4; *Ваншенкин К.Я.* Alma mater // Воспоминания о Литинституте: 1933—1983. М., 1983; *Ильина Н.И.* Начало // Там же; *Ильина Н.И.* Реформатский // Октябрь. 1985. N 1; *Антокольский П.Г.* Из дневников // Вопр. литературы. 1986. N 12; *Фрумкина Р.М.* Мой учитель А.А. Реформатский // Звание — сила. 1987. N 7; *Виноградов В.А.* Предисловие // А.А. Реформатский. Лингвистика и поэтика. М., 1987.

[4] В 1973 г. научный сотрудник МГУ В.Д. Дувакин сделал многочасовую запись воспоминаний А.А. Реформатского. Запись беседы, хранящаяся в фоноархиве библиотеки им. М. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова, была любезно предоставлена нам сотрудниками фоноархива для этой работы.

[5] *Ильинский И.И.* Сам о себе. М., 1984. С. 103.

О ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ МАНЕРЕ А.А. РЕФОРМАТСКОГО

В речи каждого человека можно выделить, по крайней мере, три фонетических пласта: каждый говорящий представляет определенное поколение носителей языка, принадлежит к определенной социальной группе и в то же время несет в себе какие-то индивидуальные фонетические особенности. Так и речь А.А. Реформатского можно характеризовать как речь представителя старшего поколения москвичей, как речь потомственного интеллигента и как речь индивида — Александра Александровича Реформатского.

Начнем с индивидуального в речи. Прежде всего — о тембре голоса. Специалисты по идентификации личности по голосу утверждают, что решающей в распознавании такого рода оказывается произносительная манера, проявляющаяся в способах реализации отдельных звуков или их сегментов, в характере переходных участков[1]. Именно эти характеристики, а не тембр голоса, оказываются ключевыми для узнавания человека по речи. Однако "есть тембр и тембр". Сам А.А. Реформатский так пишет об этом: "И тембры так же индивидуальны, как почерки письма от руки. И так же, как в почерках, есть тембры легко опознаваемые, остро индивидуальные, есть тембры безличные, как писарский почерк"[2]. Вот и сам А.А. Реформатский обладал таким "остро индивидуальным" тембром голоса. Все, кто слышал его, не забудут характерного хрипловатого баритона, с произношением слегка в нос, свойственным Александру Александровичу. Можно было бы провести специальное исследование, измерить характерный для его голоса средний диапазон, выяснить все его предельные возможности — все максимумы и минимумы основного тона, но не означало бы это "поверить алгеброй гармонию"? Поэтому ограничимся здесь утверждением, что голос Реформатского обладал богатыми возможностями как в басовом, так и в теноровом регистрах. Эти возможности Александр Александрович умело и даже артистически использовал как опытный лектор.

Обратимся к собственно фонетической стороне речи А.А. Реформатского. Можно утверждать, что способы реализации отдельных звуков речи у него были неповторимы, как и голос. Его речи были свойственны "тускловатые" и слабо контрастные друг другу сви-

стящие и шипящие. Известно, что русской разговорной речи свойственна высокая степень редукции и фонетический эллипсис. Однако в речи разных людей эти свойства РРР отражаются по-разному. А.А. Реформатскому они присущи в высокой степени. Там, где у других сильная редукция, в его речи — эллипсис. Это касается и отдельных звуков, и слогов, и даже слов в слабых фразовых позициях. Ср. примеры из его разговорной речи: [клач'о́к бума́шк] и [в'и́т'е] (видите); [како́й-н'т'] [п'ӣс'а́т] (пятьдесят); [э̄т самый]; [эть мн'е оч'н' панра́в'ильс']; [ну jад̄у́мьйу] (ну, я-то думаю); [н̄'о́шк ына́ч'е] (немножко иначе); меня это [к ра́см̄уш̄'а́лъ^{а}] (как раз смущало) и т.п.

Речи Александра Александровича свойственно соблюдение всех орфоэпических правил, присущих речи старшего поколения москвичей. Не останавливаясь подробно на этом хорошо известном комплексе явлений, отметим только, что в 1-м предударном слоге в соответствии с требованием нормы А.А. произносил [и^{е}] после мягких согласных на месте этимологических *е, а*: [тр'и^{е}зва́, п'и^{е}т'и́, д'и^{е}ла́, м'и^{е}н'а́]; после твердых согласных аналогом этого гласного выступает [ы^{э}]: [шэ^{э}сто́э, фхуты^{э}ма́с] (ВХУТЕМАС). Дзеканье и цеканье, развившиеся в речи москвичей в последние десятилетия, речи А.А. Реформатского не были свойственны. Речь его была безукоризненна с точки зрения орфоэпии; отступления от орфоэпических правил в речи других людей его коробили. Так, в ответ на мое сообщение о том, что собираюсь поехать в Мозжинку (я произнесла это как Мо́[жы]нка), Сан Саныч возмущенно воскликнул: *Голубушка, как же это Вы говорите Мо́[ж̄ы]нка? Так нельзя, надо Мо[ж̄'и]нка*!.

Если характеризовать речь А.А. с точки зрения принадлежности его к определенной социальной группе, то здесь следует в первую очередь остановиться на способе произношения заимствованных слов и иностранных фамилий. Можно утверждать, что здесь произошла смена нормы. Тенденция к русификации произношения заимствованных слов, нараставшая с середины века, в наше время прочно завоевала позиции. И если для речи старшего поколения разграничение "интеллигентного" и "неинтеллигентного" произношения возможно с помощью лакмусовой бумаги — фонетического оформления заимствованных слов, то в речи среднего и молодого поколения интеллигенции следует искать более тонкие фонетические краски, определяющие социальную принадлежность идиолекта. Это можно проследить на примере семьи Реформатских: если произношению А.А. и Надежды Васильевны были свойственны такие реализации: Ри́[ç]тэр, Ф[lo]бэ́р, [дж']ойс, то младшие Реформатские произносят все эти фамилии по правилам русской фонетики. Для А.А. такое произношение было признаком незнания иностранных языков: *Когда русские, не владеющие немецким языком, произносят немецкие фамилии: Рихтер, Редлих и т.п., то они подменяют имеющийся в них ich-Laut даже не мягким* [$\acute{x}$], *а твердым* [x][3]. На самом деле это происходит не от незнания иностранных языков, а от изменения нормы в произношении заимствованных слов.

В работах Е.Д. Поливанова и Р. И. Аванесова[4] находим отражение старшей и младшей нормы произношения заимствований. Е.Д. Поливанов, определяя фонетические особенности фонетики речи интеллигентов, пишет: "Мы уже можем сделать вывод о том, что наиболее резкие, т.е. состоящие в увеличении числа звукопредставлений, признаки интеллигентского языка происходят именно из иностранных языков". Р.И. Аванесов характеризует произношение к[о]нцертный р[о]яль, пр[о]грамма, с[о]ната и др. под. как "претенциозно-книжное", подчеркнуто "образованное".

Как же определить это свойство речи старшего поколения интеллигентов передавать особым образом фонетику заимствованных слов? Найти правильное определение помог сам А.А. Реформатский. В беседе с С.С. Высотским и И.С. Ильинской, записанной на магнитофон, А.А., полемизируя с Поливановым, говорит, что произношение la, с l средним, цитатно. Действительно, произношение Ри́[ç]тэр, Го́лс[w]орси, [ǟ]ри́ ка́тр, [дж']ойс, Ф[lo]бо́р (все примеры из речи А.А. Реформатского) можно интерпретировать как цитатное: в качестве "цитат" используются фонемы немецкого, английского и французского языков.

В этом кратком очерке произносительной стороны речи А.А. Реформатского мы как бы предъявили фонетический паспорт А.А., где заполнены графы "возраст", "социальное положение" и "особые приметы". Но все эти сведения — лишь фундамент для фонетической характеристики языковой личности. Как личность проявляется в поступках, так и языковая личность проявляет себя в речевом поведении. Владение речевыми красками, использование фонетических цитат, не только из иноязычной, но и из иностилевой фонетики, владение регистрами голоса, способность к языковой игре на фонетическом уровне — вот аспекты, которые помогут дополнить речевой портрет А.А. Реформатского.

---

[1] *Рамишвили Г.С.* Речевой сигнал и индивидуальность голоса. Тбилиси. 1976.
[2] *Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 260.
[3] *Реформатский А.А.* Фонологические этюды. М., 1975. С. 82.
[4] *Поливанов Е.Д.* Фонетика интеллигентского языка // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 235; *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984. С. 211.

Р.Ф. Пауфошима

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УСТНОЙ РЕЧИ

Среди магнитофонных записей устной речи А.А. Реформатского, хранящихся в Институте русского языка АН СССР и в МГУ, большую часть составляют его публичные выступления; есть беседы, планировавшиеся заранее, в которых круг тем был предварительно оговорен, лишь несколько записей сделано в условиях непринужденного домашнего общения. Отсутствуют записи лекций для студентов, таким образом, одна из самых ярких форм воплощения языкового дара А.А. осталась незафиксированной. Поэтому драгоценно письмо А.А., в котором он сам говорит о своем лекторском опыте.

"Вот я когда-то основы грамматики пытался читать так, как это делал Дм. Ник. [Ушаков] (это была его лучшая лекция!). Но у меня ничего не выходило. Я пошел к ДН излить печаль и недоумение. Он выслушал и говорит: «А Вы бросьте это под меня делать, а делайте по-своему — и "выйдет". Я попытал [неразборчиво] "по-своему" — и вышло; и с тех пор все шлифую это "свое", но уже под кого-то не пытаюсь. Лекции — это соединение писателя и актера — исполнителя в одном лице и в одном акте. А еще похоже на продуманную шахматную партию, где надо предусмотреть и свой интерес и все возможные ответы противника (т.е. недоумения студентов). А потом Д.Н. всегда говорил: "Студент-то, он бывает со всячинкой, но его сукиного сына любить надо, — тогда выйдет". Этому завету я всегда остаюсь верен» (из письма к Р.И. Лихтман от 30 июля 1949 г.).

О стиле поведения, манере общения А.А. с аудиторией дают представление воспоминания его слушателей. К опубликованным воспоминаниям М.В. Панова, Н.И. Ильиной, К. Ваншенкина прибавим еще некоторые материалы. «Я впервые увидела А.А. в 1943 г., когда он начал читать нам, студентам 1-го курса факультета романских языков Московского Гос. Педагогического института иностранных языков, Введение в языкознание. Это было в ноябре-декабре, помещение не отапливалось, мы сидели в шубах и валенках, чернила носили с собой в бутылочках из-под довоенных духов. А.А. вышел на сцену (лекция читалась в большом актовом зале) и, минуя кафедру, бросил пухлый "заслуженный" портфель на стол. Уже с первых фраз мы поняли, что нам будут не лекцию читать, а просто разговаривать на сложные темы без какой-либо скидки на нашу неискушенность... В конце лекции А.А. с чуть уловимой хитринкой сказал: "По институту ходят слухи, что к сессии я превращаюсь в тигра и питаюсь главным образом студеческой кровью... Не верьте! Но экзамен серьезный" [...] Прошло более сорока лет, а я помню до сих пор, как А.А. объяснял нам устройство речевого аппарата при помощи окаменевшей сушки и сложенной почтовой открытки. Многие примеры все еще в памяти: сценка со священником и чревовещателем в Твери, пример с "нужником-сортиром-уборной-ватерклозетом и туалетом", его критика слова маникюрша (как будто это жена какого-то "маникюра"); или не помню по какому поводу брошенная фраза о поэте Суркове: "Это не поэт, а сурковая масса". ...Я часто говорю своим студентам и аспирантам: "Мне повезло: я слушала Реформатского". Известная всем

книга А.А., к сожалению, не передает ни его огромного человеческого обаяния, ни его остроумных импровизаций, ни, тем более, его мгновенных реакций на восприятие лекции, что приводило порой к живому, надолго запоминающемуся диалогу с аудиторией» (из письма Е.С. Кувшиновой, присланного Н.И. Ильиной).

Возникновение диалога с аудиторией стимулировали записки с вопросами и наблюдениями, которые А.А. очень любил. Ответы бывали, однако, и неожиданными. «Один раз кто-то прислал записку с вопросом, как надо произносить рóман или романá. И вдруг А.А. встал в позу и пропел из "Онегина": *Я изведал, что жизнь не роман.* И так это просто, непринужденно, как будто не сидят перед ним 150 человек...» (Из дневника Г. Фундылер).

Н.А. Янко-Триницкая, работавшая вместе с А.А. в "Горпеде", прочитав в юбилейной статье о себе, что язык у нее "живой и сочный", заметила: "Это у Алексан Саныча язык живой и сочный". В памяти одной из слушательниц А.А. осталась его яростная фраза: *В банщики пойду, но не* (соглашусь с какой-то научной ересью)! По многим воспоминаниям, он употреблял в лекциях формы *оттэда* и *отсюдова* и, когда его спрашивали о них, он отвечал: *Это я озорую.*

О стиле изложения лингвистического содержания, как кажется, может дать приближенное представление текст 1, которым начинается наша публикация фрагментов из записей устной речи А.А.

1. — ...Я бы Вас очень просил сформулировать здесь различия между фонетикой и фонологией.

А.А.: Видите ли, об этом многие писали и многие думают по-разному. То есть некоторые противопоставляют фонетику и фонологию как две науки. И даже были такие мнения, которые восходили к такому авторитету, как Трубецкой, что фонетика есть область естественных наук, а фонология есть то же, что грамматика. То есть то, что мы называем "общественные науки". Но это, конечно, то, что ей не подходило. Ее не разделял ни Щерба, ни москвичи. Фонология есть просто некоторая более высокая и тонкая ступень той же науки, где берутся факты не сами по себе, а как факты в функциональном аспекте.

— В служебно-функциональном по отношению к грамматике?

А.А.: Нет, не только к грамматике, а к своей собственной норме в языке, но для выражения смысловых отношений. То есть фонетика, когда она была вот в конце девятнадцатого — начале двадцатого века, она действительно могла уйти в естественные науки, потому что тут началась волна экспериментальной фонетики, инструментальной и так далее. И, собственно, различие между физиками, акустиками и физиологами—специалистами по артикуляции и лингвистами как-то стерлось. А фонология восстановила права лингвистические на звуковую сторону языка. Вот об этом мы и думали. И это было для нас самым основным. А параллельно мы занимались всеми теми прикладными результатами, которые из этого тезиса вытекают. Конечно, сюда всецело относились вопросы алфавитные, орфографические, транскрипционные и так далее. И этим мы уже занимались вот в начале тридцатых годов.

— Простите, приведите, пожалуйста, один иллюстрирующий пример фонетического и фонологического отношения к, так сказать,...

А.А.: Видите ли, это, конечно, в двух словах очень трудно сказать: почему? Потому что придется объяснять, чем отличаются звук и фонема.

— Ну, это и так известно.

А.А.: Да? Нет, это очень неизвестно, потому что, если Вы спросили бы об этом Петерсона покойного, то он бы Вам ничего путного не рассказал. Если Вы спросите учеников Щербы, то они Вам расскажут очень уверенно, но, с нашей точки зрения, абсолютно неправильно. А если Вы нас спросите, то мы скажем: Да, фонема... Видите ли, все дело в том, что: что изучает фонолог? Он изучает не саму природную материю языка, как это любили говорить, а ее семиотическое использование в языке.

Поэтому, как и вся лингвистика, эта часть должна быть семиотична, пронизана семиотикой и исходить из того, что фонемы — это... sui generis знаки, знаки диакритики, неполноценные знаки, но тем не менее необходимые, без которых язык не существует. Вот этому и посвящена была наша деятельность и вот в начале тридцатых годов, и позднее, когда мы все объединились на общей работе.

2. ...Но самое главное, конечно, был Прокофьев и его приезды в Москву. Прокофьев нас ослепил, потому что это был прежде всего удивительный пианист с такой четкостью, такой удивительной ясностью ритмики и фразировки. А он играл много тогда. Он играл все свои двухручные концерты: Первый, Второй, Третий и Пятый. Он играл сонаты все свои (к тому времени пять их было). Он играл там и Токкату и танцы, опус двенадцатый и опус тридцать второй, Сказки старой бабушки и Мимолетности. Одним словом, всё-всё, что тогда было такого существенного. И это было самое главное почему? Потому что это был наш композитор, он делал то, что нам было нужно, о чем мы мечтали. И великая радость вообще — в современнике найти себя и свое. А эту радость как раз принес Прокофьев.

В следующем тексте для членения использованы знаки, принятые в расшифровках записей разговорной речи.

3. А.А.: Тебя я только учил/ а меня учителя//

— А кто Вас учил читать/ Сан Саныч?

— А.А.: А?

— А кто Вас учил этому?

А.А.: О-о/ у меня было много учителей/ разных// Это в школе/ театральной/ когда я учился/ какой же был год? Двадцатый год// Я ходил женихом в этот год// Но/ тайком пошел сдавать экзамен/ э-э/ в этих/ в са-/ в таких/ ботах солдатских/ обмотках/ как был// Выскочил туда/ и с этим вылез/ и надо сказать/ сперва думал/ что всё очень плохо/ потому что сдуру я/ декламировал/ "Умирающего гладиатора"/ и/ конечно/ очень скверно/ это не мой жанр/

— А что это за школа была/ Сан Саныч?

А.А.: А?

— А что это за школа была?

А.А.: Театральная школа при Первом театре РСФСР/ будущем мейерхольдовском// А потом/ я им прочитал/ басню "Любопытный"/ Крылова/ и это вышло здорово/ и всем очень понравилось/ даже Луначарский аплодировал/ а он был среди зрителей/ а потом дали еще/ одно/ м-м такое задание/ на импровизацию/

— Этюд?

А.А.: В котором я до конца не знал/ чем кончить/ и/ случайно придумал во время действия/ это у меня бывает/ и тогда/ там надо было/ он думает/ что красотка с ним говорит/ через дверь/ а оказалось старуха/ он так испугался/ что не знал/ а потом/ придумавши вдруг сообразил/ что у него живот болит// Схватил живот и помчался в публику/ ну/ это уже/ был фурор// И после этого меня без разговоров приняли//

— И Вы там занимались?

А.А.: Так что вот видите? Поучился все-таки/ и двадцатый год я там учился//

— Дак а сколько ты учился/ и чем кончилось?

А.А.: Ничем/ ну спектаклями/ я и режиссировал/ вот "Беда от нежного сердца"/ м-м/ Сологуба/ водевиль/ потом мы ставили пьесу одну/ старинный такой фарс семнадцатого века/ где я играл пана Самохвальце/ с/ э-э/ польским акцентом/ и wприсядку// Это вот было удачно/ и потом массу всяких упражнений/ вплоть до/ пантомим/ я очень одну пантомиму любил/ э-э/ значит/ апаш/ апашка и/ Арлекин/ который в окно влезает/ я этого Арлекина изображал/ а апаш с апашкой поругались из-за/ м-м/ каких-то/ м-м/ безделушек/ и он со злости ушел/ а в момент нежного/ свиданья/ значит/ этого Арлекина/ вдруг он появляется/ и-и/ Арлекин/ бросив всё/ выпрыгивает из окна/ это было очень хорошо/ потому что у меня была/ великолепная партнерша одна/ совершенно простая милая такая девушка/ Беседкина/ я ее до сих пор с удовольствием вспоминаю/ и мы с ней много раз эту пантомиму/ в разных/ штуках повторяли// Пантомиму играть вообще очень трудно// Труднее/ чем речевую роль/ вот-с!

— А кто с Вами занимался/ Сан Саныч/там?

А.А.: Сценическим/ искусством занимался Николай Михалыч/ Фореггер фон-Грейзентурн/ очень/ интересный режиссер/ которого хорошо знал Мейерхольд/ и/

который мно-ого мне дал// Я ему очень благодарен// Но был озорной/ но вместе с тем/ он высокий специалист был/ по средневековым пара-адам/ по всяким древним литургиям/ и по всяким таким (нрзбр)//

Даже поверхностное сравнение приведенных текстов показывает, насколько различны разговорные записи (3) и тексты (1), (2) из беседы-интервью 1973 г., в которой перемежаются темы, уже прописанные в мемуарах, с импровизационными ответами на вопросы. Структуру разговорных текстов характеризует бóльшая расчлененность на синтагмы, переплетение семантических тем, прерывающее линейное синтаксическое развитие, увеличение количества модальных элементов, форм диалогического контакта, вклинивающихся внутрь информативных частей текста. Разговорный синтаксис А.А. насыщен всеми характерными структурами, которые описаны в специальных исследованиях РР. Для примера приведем несколько случаев разговорного порядка слов: *Играл замечательно он Скрябина; Николай Калинникович конечно очень был милым для меня человеком; К сожалению, да, вся эта культура не очень на большой высоте; Успевали мы зато побывать везде; Он приглашал когда Дмитрия Николаевича Ушакова.* В беседе 1973 г. количество этих специфических структур ограничено, локализуются они в основном лишь в наиболее непринужденных частях ее.

Тексты (1) и (2) обнаруживают более строгую композиционную организацию, в них используются риторические приемы (ср. в (1) повторы: *Если Вы спросили бы об этом...*). Развитие темы идет к кульминации — логической (дается окончательная формулировка с абсолютной ясностью логических акцентов и оценок) (1) или эмоциональной (2). Мы видим, что выбор типа речи всегда находился в полном волевом владении А.А., что он строго дифференцировал жанры, используя разные подсистемы и стили языка.

Если разделить людей на монологистов и диалогистов, вне всякого сомнения, А.А. Реформатского нужно отнести к диалогистам. Даже в спорте он любил диалогические виды: теннис, шахматы. "Он вообще был мастером диалога, задавал тему и тон, управлял развитием темы, держал собеседника в известном напряжении: надо было "соответствовать". Будучи прекрасным рассказчиком, он умел слушать: это редкое сочетание двух талантов. Впрочем, умение слушать и вчитываться в партнера шло от его педагогического таланта" (мнение С.Е. Никитиной). А.А. был замечательно диалогичен и в переписке. Он часто отвечал по пунктам, свертывая разными способами тему вопросов или сообщений адресата:

3. *Насчет диалектологии на 1 к. — диву даюсь! Ну и чушь!*
4. Что на "*введение*" *4 ч. — оч. хорошо.*
5. *Насчет специфики Ин.яз. ф-та — в письме. Есть. Подскажу.*

Энергия, краткость выражения соединяются с высокой эмоциональностью оценок.

В устной речи в монологических отрезках диалога для акцентирования нового А.А. чаще всего использует вопросно-ответные структуры, причем вопросительное слово появляется в ударном конце: *Видите ли, это, конечно, в двух словах очень трудно ска-*

зать: почему?; И это было самое главное почему?; — РАНИОН Вы бросили, да? А.А.: *Да. Мне пришлось расстаться с РАНИОНом из-за чего? Из-за того, что...*

В ходе диалога А.А. проявляет активную волю к взаимодействию с собеседником. Его реплики часто строятся на подхвате языковой формы из реплики-стимула и преобразовании ее. Развертывается языковая (стершаяся) метафора: *Я с удовольствием, я просто не знаю, как его... Уменя к нему прямого хода нет. Может Вы мне немножко поможете?* А.А.: *Видите ли, это можно нащупать какие-то подъездные пути.* Делается шаг деривации (в нашем случае обратной) на уровне слова: *Он почему-то очень потом недолюбливал Винокура?* А.А.: *А, господи, а кого он долюбливал? Он всех недолюбливал;* Или на семантико-синтаксическом уровне: — Она где-то была между марристами и... А.А.: *Да, так она между всеми была, в этом-то все и дело. Потому что она в свое время была между традиционалистами и новаторами в поэтике, потом она в лингвистике оказалась между Марром и старым добрым языковедением девятнадцатого века, перекидываясь...;* — Ну это и так известно. — *Да? Нет, это очень неизвестно.*

Как видно, в ответной реплике появляются нестандартные формы и "неправильные" синтагмы. Но именно выделенность, уникальность производной, диалогически зависимой формы и служит неразрывному сцеплению реплик. В языке есть правила регулярных замен, действующих в связках реплик, но не всякий говорящий легко и свободно переступает через образование "неправильностей", хотя они и остаются в духе разговорной подсистемы языка.

За этой языковой свободой у А.А. ощутим и сильный эмоциональный напор, ведь в приведенных репликах выражается реакция противоречия или эмоционально усиленного подтверждения. Приведем примеры из речи А.А., содержащие характерные формы его диалогических реакций.

Противодействие собеседнику, несогласие. 1) А.А.: *Да, это была хрестоматия ранняя, в начале века, в ней участвовал и мой дядюшка младший Леонид. Мендельсон, Бродский...* — Бродский и Сидоров. А.А.: *Сидоров, вот.* — Реформатского там не было. А.А.: *Извините...* — Может быть, потом в дальнейшем... А.А.: *Ничего не потом, с самого начала и они много переиздавались;* 2) — Ведь он ничего не оставил значительного. А.А.: *Ну да!* "Звуковые повторы:...; 3) — А почему вот у вас тут в "Дружине" в этой самой стихи преобладают? А.А.: *Нет, зачем? Тут есть статьи, тут есть обзоры, тут есть критика текущей жизни и разных научных собраний. Тут что угодно. Журнал как журнал;* 4) — Он собственно (нрзбр.) упоминания достоин только в одной области, он все-таки неплохой переводчик был. А.А.: *Да вот в том-то и дело, что плохой;* 5) — Но теперь в связи с этими ошибками, которые существуют на сегодняшний день, я прошу произносить, учу во всяком случае, *ша* мягкий знак

ч мягкий знак — *дош'ч*, я заканчиваю мягким-мягким *ч* — *дош'ч'* Вы меня слышите? А.А.: *Да. И не одобряю.*

Неодобрение может выражаться в косвенной форме:

— А что такое Жинкин? (вопрос вызван полным незнанием этого имени). А.А.: *Жинкин — это профессор университета, с Вашего позволения.*

Подтверждение. 1) — Да ведь Шпет одно время преподавал в гимназии! А.А.: *Да тоже было дело;* 2) *Да, вó-вó-вó. Вот в этой антологии там его стихи попали.*

Согласие. 1) — *Ну, я говорю, ладно, что ж, тáк — так тáк*!

Формы констатации с отстранением. 1) — Да вот Анна Ивановна давно не отзывалась. А.А.: *Анна Ивановна, я крест уже поставил.* — Она и тете Саше ничего не пишет. А.А.: *Ну, дело хозяйское. Она на меня, взяла, обиделась, ну, и обиделась, так обиделась — мне наплевать* — Ну так напиши ты. Ты ж мужчина. А.А.: *Дак что ж я*? 2) *Так вот, бог с ними, с этими монстрами.*

Очень характерно для А.А. выражение "дело хозяйское", которым часто обрывались пересуды о людях, их личной жизни.

Наиболее частотные слова диалогического контакта — *видите ли, возьмите, погодите.* Р.И. Лихтман пишет в своих воспоминаниях: "Как сейчас вижу его во время наших бесед. Задаю вопрос, рассуждаю о чем-то. А.А. сомневается или с чем-то не согласен. Он раскуривает свой неизменный мундштук, в глазах загораются искры. Уже ждешь — сейчас будет что-то интересное! И он произносит то, что всегда это предвещает: [в'йн'т'ъл'и], т.е. *видите ли...* И начинается действительно очень интересное рассуждение. Так всегда. Без этого [в'йн'т'л'и] не помню бесед с ним. Я не очень понимала, как возникает этот фонетический облик слова, не замеченный мной больше ни у кого (А.А. я почему-то стеснялась об этом спрашивать). Много лет спустя на лекции М.В. Панова я услышала объяснение: результат редукции гласного до нуля во втором слоге и диссимиляция по способу образования согласного, берущего на себя функцию словообразования". Как кажется, момент беседы, описанный Р.И. Лихтман, точно уловлен в рисунке О.Г. Верейского, публикуемом впервые.

Диалог, особенно непринужденный, — самая "личная" форма общения. Для речевого узуса А.А. характерно, с одной стороны, строгое следование законам жанра (соблюдение форм этикета), а с другой — глубокое личное присутствие в жанрах самых официальных и публичных, что выражается в их легкой разговорной окраске. Степень личностного присутствия, а также соотношение субъективной и объективной информации в речи — это, по-видимому, существенный параметр сопоставления текстов разных говорящих.

Ответные реплики А.А. чаще всего двучленны: информативная часть + модальная часть. Междометия и фраземы выражают богатый спектр открытых эмоций и создают эмоциональный контакт с собеседником: — А жива его дочь? А.А.: *Тата жива. А как же*? —

Александр Александрович
Реформатский

Рис. О. Верейского

11. Зак. 1992

Как бы ее повидать? А.А.: *Господи! Я Вам дам телефон*; — А кто Вас учил этому? А.А.: *О-О! У меня было много учителей, разных*; — Так что Вы учеником его себя не считали? А.А.: *Кого? Брюсова?* — Учителя? А.А.: *Упаси господи! Что Вы! Это быть не могло и не должно быть.*

В диалогической речи, особенно разговорной, обращает на себя внимание также обилие характерных выделительных, контактных частиц *вот, ну, дьк.* Они пронизывают текст (служа и членению и ритмизации речи); *Вот надо сказать, что в это время вот это бурлило всё; А потом когда она овдовела, она сама значит пошла вот кончила вот эту самую аспирантуру ГИТИСа; Там мы собирались, но это было, ну, так или иначе это распалось, ну, по разным причинам.*

Для А.А. характерны и вставки частиц, местоимений и вводных слов внутрь целостных номинативных единиц[1]: А.А.: *Народу было много. Это был старший, правда, курс, но тут многие ходили, оказывается, и с других курсов, как мне потом передавали; Ну, тогда, в двадцать вот первом, двадцать втором особенно, иногда в двадцать третьем; А Наталья-то Сергеевна-то, она когда же ее опередила или перегнала? А вот Владимира-то Галицкого в финале-то нет? Но потом это стало обще таким употребительным.*

В шутливом тексте вставки "прошивают" слова: *Америку — т.е. новую терри- эту -торию*, и там же: *члена т.е. корреспондента.*

А.А. очень активно пользуется типично разговорными средствами выражения "неопределенности": местоимением *такой*, частицами *такое, там*, в том числе в составных местоименных группах: *что-то такое, куда-то такое, почему-то такое, кто-то такой (такое), где-то такое; одну такую, всякие такие, никакого такого, какой-нибудь такой, какой-то такой; где-то вот (в районе Знаменки), какой-нибудь там, что-нибудь вот такое: Ну это было пятьдесят седьмой что-нибудь вот такое. Я тогда и слова "семиотика" не знал, а так вот инстинктом куда-то такое шел и чего-то находил; Почему-то такое под ее руководством мы из синей глины лепили синих кошек; Дома, когда мне кто-то такой (такое) сказал, что Бетховен больше Моцарта, я горько плакал. И до сих пор я этому не верю.* Самой своей разговорностью они вносят личный тон в разговор (что-то забыто, что-то напряженно вспоминается в процессе разговора).

Несомненно, и эти местоименные прокладки служили ритмической организации речи. А речь А.А. была удивительно музыкальна. Сам он говорил о том, что всегда точно ориентировался в словесном ритме, "*понимая до чортиков его нюансы*". Анализ ритмики речи А.А. и средств ее создания (порядок слов, употребление частиц, фонетические редукции) — специальная задача. Но многое можно почувствовать "вслушиваясь" в приведенные образцы текстов. Нам кажется, что слова о Прокофьеве читаются как стихотворение в прозе.

[1] Отметим, что и тенденция к единому склонению номинативных сочетаний в речи А.А. обнаруживается многократно: *Я ему сделал доклад об одной авантюрной повести восемнадцатого века в связи с "Тысяча и одной ночью"*; *Так что это было связано с работой в "Долой неграмотности"*; *Во-первых поздравляю с 5-м мартом, не будем уточнять так сказать -летия...*

Е.В. Красильникова

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

А.А. Реформатский владел тремя основными европейскими языками, основательно знал латынь, будучи аспирантом, прослушал курсы по славянским языкам, литовскому и санскриту. В своих лингвистических трудах использовал материалы многих других языков (был одним из редакторов двенадцатиязычного словаря лингвистической терминологии, вышедшего в Чехословакии), в 20-е годы он делал переводы стихов для сборника "Ленин в европейской поэзии" с немецкого, английского, французского и польского языков. Вспоминая гимназические годы, А.А. с уважением и благодарностью говорил о своем учителе-латинисте: "*Даже посылали ему и друг другу письма по латыни*". Привычка вставлять латинские слова и идиомы в речь проходит через всю жизнь. Например, в письмах, мемуарах, дарственных надписях на книгах встречается: etc., sic, Sic transit gloria mundi; ab ovo, genius loci, суи генерис; *Увы*, pro doma sua *верно; Не знаю в чем* "казус белли"; *ну а засим* — секундум серви эт вос бибере; хоррибиле дикту; аткве; персона грата; Доцендо дисцимус.

Наиболее свободно и активно А.А. пользовался французским языком. *Я вижу сны по-французски* — слова, слышанные от него. За границу А.А. выезжал только в детстве с родителями. В Москве же случаи устного общения по-французски выпадали редко (например, как вспоминал А.А., в приезд знаменитого французского лингвиста Марселя Коэна). У А.А. была французская переписка с друзьями. Семье Ушаковых он послал даже французский сонет. Поводом для писания по-французски могла послужить аристократическая фамилия адресата и прозвище "Графиня". Это давало основание начать письмо словами: Chère et aimable amie, belle Comtesse!, стилизовать изысканный стиль (мешая его с будничной тематикой) и закончить письмо: Je baise vos petites at adorables mains. Votre humble serviteur. Marquis Alexandre.

В 1927 г. А.А. написал рассказ "Настройщик", действие которого происходит в дворянской усадьбе и посему его герои обмениваются иногда французскими репликами: Ожурдюи жё нэ па даржан, медам...; Ну, Жак, — лессе фэр! Ты же должен понять, что дёван ле занфан это нэ па конвенабль дё говорить энси...

Французские слова могли писаться и русскими буквами (в напечатанных письмах, возможно, из-за отсутствия машинки с ла-

тинским шрифтом); консолясьон *плохое* (утешение); *Что насчет* репá... (repos — отдых). Есть и немецкие (*Ничего не могу спрашивать, так как не знаю* "форгешихте" *Ваше*), украинские и польские слова (трэба, пенендзи, повинен, альбо).

Чаще всего появлялись иноязычные формы в эпиграфах к мемуарным и художественным произведениям, в этикетно-значимых частях писем: обращениях, подписях: Votre santé — mes belles. Votre maitre. Шер е емабль Машетт!; Вотр мэтр э сервитёр *Искандер Ислахи; Твой старый лысый* пэр. *Лёле и Галюле — нежные* безэ; в дарственных надписях на книгах, ср.: ...де ту мон кёр. To my dear Nataly outschitel.

О разговорной речи А.А. Мария Александровна Реформатская пишет: "Из немецких слов, бывших в ходу у А.А., помню *абгемахт, ганц культуриш, кунсштюк* (симфонический) и *дурхьдрингенд* (пение), произносимые очень по-русски и с соответствующей выразительной интонацией. Французский язык присутствовал в языке А.А. полнее, свободнее и разностороннее. Он то и дело произносил разные выражения: en deux, a propos, par exellence, hors d'oeuvre, faire bonne mine a mauvais jeu про знаменитую бутылку и вино, которое надо испить, про офицера и Наполеона, а также Devant les enfants. Последнее было превращено в *Диван*! и произносилось всеми членами семьи как осуждение непедагогических разговоров при детях. К примеру: А.А.: *Ну и дура*! (про какую-то журналистку), Маша: *Папа*! *Диван*! Итальянское *agiorno, a plena voce* произносилось с очевидным эмоциональным воодушевлением, на высшем подъеме чувств при изъявлении восторга от эстетического или этического события (спектакль, поступок)".

Некоторые галлицизмы, видимо, были постоянными синонимами русских слов: *Там есть некоторые* де-фо; *Вот это жизнь, а не то чтобы в* ДЪ-сьнсъ департаментом *заведовать; Получаю письма от* элевов, *не забывают; Мне прислали ваш коллективный* эвр *из научно-популярной орфографии. Я в восторге. И оба Ваши* артикля, *и* сегмент *о школе Лиды и Т.С. — очень хороши.* (Возможно следует назвать также слова: аматёр, метье, омаж.)

Французские вставки в стихи позволяли обогатить запас рифм (*Беранже — детке*-сюже; *погрязши в суету — ну, пожалуй,* de tout), легче решать ритмические задачи.

С особым удовольствием А.А. строил (употреблял) макаронические тексты и выражения (*фэр то кё, не пур для дам*). Приведем текст одного письма дочери, которое может служить ярчайшим образцом такого стиля.

Дорогая Машетт!

Пришодцы "с ынституту" хом (*англ.*) *и выпив "свое" и пообедав, засев с цигаркой в зубах за "эвр дочери моей", успел заметить только два* "фо па". *На с. 20 сказано*: ("*Юрыш — народная транскрипция формы имени Юрий*"...) *Это не транскрипция, а "народная форма имени" и второе на с. 22 "Кони на этих иконах навостряют уши..." — кони прядают ушами! А в целом то какая победа! Это*

так умно и нежно написано. Цалую тебя в лукавые уста и поздравляю с победой!

Твой дед Санчо, кстати и отец твой...

В текстах обыгрывается межъязыковая "двуликость слова". Одно свое произведение (1 стр. на машинке) А.А. назвал "Жалюзи". Это размышления о зависти и жизненных ценностях. В личном письме задает вопрос: *Если понадобятся* recommendation (*а на каком это языке написано*?). Построения бывали и очень сложными и изысканными. Стихи, посвященные Симе, назывались *СИМ-ТЬЕР-С*: *Вы третья Сима, с кем я встрелся/ На долгом жизненном пути/ Что ж*: *хорошо*, бьен, шён, уэл ça-/ *Прошедшим я скажу— прости.* К заглавию давалось примечание: *По-французски* Simetierce — "*Третья Сима*", *а* Cimetière -СЪ — *кладбище*-С, стоял и эпиграф: *На кладбище ветер свищет, В небе звездочка горит...*

На французский переводились русские идиомы: Mon Maitre autours-seize *Кругом шышнадцать* — (о Д.Н. Ушакове). А в русской речи встречались кальки с французского: *Как себя носите*? Любил А.А. и псевдопереводы имен собственных: Жан Бланков становился *Ваня Белкин*, Женя Михальчи — *Юджин Попкин*, Таубкин — *Голубев;* часто переиначивались, варьировались на все "иностранные лады" имена собственные.

Из других форм применения чужого языка здесь не названы, кажется, лишь наиболее обычные: чтение литературы, использование языковых знаний при объяснении этимологии заимствованных слов и фамилий.

Е.В. Красильникова

СЛОВАРЬ

Словарь А.А. Реформатского сложносоставен и внутренне дифференцирован. Как кажется, для его описания особенно важны следующие противопоставления: общий словарь — специальные словари, общий словарь (обиходной речи) — словарь "своего мира", общий словарь — словарь мужского общения. Помимо профессиональной терминологии лингвистики, технического редактирования книги, А.А. владел лексиконами музыковедения, шахмат, тенниса, охоты. Это отражает основные интересы А.А. Но в каждую жизненную сферу он входил с одновременным погружением в соответствующую речевую сферу. Так, особым речевым миром была для А.А. охота. Самый любимый вид охоты — глухариная. Он любил ходить *с подружейной собакой* за зайцами и лисами *по черно-тропу и белой тропе*, но глухариный ток имел для него особую притягательность. Нужно найти *наброды глухарей на заболоченной траве*, затем слушать, как глухарь долгое время только *тэкает* и *не переходит на свирканье*, то *дает перемолчку*. "*Грохот* (*я стрелял тогда дымным*), *глухаря подкинуло, а он пытается еще*

взмахнуть крыльями, но оседает в свою "козинку" — "С полем!" (из воспоминаний). Среди любимых тем А.А. — рассказы об охотничьих собаках, охотничьих приемах, случаях на охоте. Охотничьи термины появлялись даже в его стихах: *Симулировала Крошка/ Северных и строгих баб,/ Голос плакал, как гармошка,/ И дрожал, как звуки ваб*[1]. [1]*Ваба, вабление — подзывание голосом волков в сумерки* (примечание А.А.).

О музыке А.А. мог беседовать на равных с профессиональными музыкантами. Как активную часть своего лексикона вводил музыковедческие термины в научные работы (от "Опыта анализа новеллистической композиции" до последних книг). Музыкальный ряд служил самым живым источником ассоциаций в устной речи, был самой близкой средой зарождения образов. Рассказывают, что своему коллеге С.А. Миронову А.А. сказал: *Какие у нас с Вами похожие фамилии*! — (?) — *Я — ре, Вы — ми* (соседние ноты). Дома, рассматривая слайды, на которых были сняты "Ленские столбы" — мощные цепи скал, скальные фигуры, А.А. произнес: *Какие (или экие) Вагнеры*! В заметке для стенгазеты, посвященной памяти В.Н. Сидорова, писал: "Владимир Николаевич Сидоров был светлый *как Парсифаль и Лоэнгрин*, светлый умом и сердцем".

Вторую оппозицию мы обозначили как общий язык — язык "своего мира". Свой мир начинается прежде всего с дома. Поэтому приведем здесь названия вещей из быта А.А. (список сокращен).

ВЕЩИ В ЯЛТУ (1969, апрель)

А. УКЛАДКА

1) Чемодан черн.
2) Чемодан син.
3) Сак-пак, вализ
4) Машинка

Б. ГИГИЕНА

1—6) (Лекарства)
10) Пипифакс
17) Водка
18) Градусник
24) Гребенка
25) Зеркальце
26) Бритва
27) Кисть
28) Ножички
29) Нитки, иголки

В. ПИЩА и пр.

1) Перец
2) Пирожки
3) Стопочка

Г. ОДЕЖДА, ОБУВЬ

1) Костюм
3) Рубашки
5) Башмаки
6) "Принц и нищий"
7) Плащ
8) Пальтишко
9) Кепчонка
10) Вязанка фр.
11) Носовые платки
12) Кеды
13) Ложка пятки
14) Палка
15) Ремень
16) Вязанка лондонская
18) Серый костюм

Д. ВЕЩИ

1) Бумажник
2) Кошелек
6) Мундштуки
7) Прочищалка
8) Открывалка
12) Копирки
13) Резинка
14) Авторучки
16) Фонарик
17) Батарейки
18) Нож
19) Компас
20) Шахматы
21) Шах. книги
22) Книги науч.
23) Зап. книжка
26) Альбом рис.
27) Справочник ж.д.
28) Справочник шос.
29) Ножичек Мориса
30) Деньги!

Этот список имеет теперь исторический интерес как словарь бытовой лексики москвича—интеллигента старшего поколения 70-х годов. Многие предметы имеют индивидуальные номинации (иноя-

зычные, составные, в форме имен собственных: между башмаками и плащом помещен загадочный "Принц и нищий"). У А.А. были и другие вещи с личными именами, например знаменитая *бековка* — куртка, доставшаяся от писателя А. Бека (см. об этом у Н.И. Ильиной). Во французском сонете А.А., посвященном Ушаковым, упоминается подаренная ими чарка "*Ванька-встанька*". "Свой мир — это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания и речи дискретных объектов, называемых собственными именами. "Свой" мир — это мир собственных имен. В нем и нарицательные имена функционируют как собственные"[1].

Напомним, что и люди в мире А.А. переименовывались — получали прозвища. В переименованиях А.А., часто очень выразительных, недостаточно видеть лишь экспрессивную замену часто повторяющихся и потому стершихся наименований — это распространение своей личности в мир, выделение освоенного мира — биографически, оценочно, эмоционально. *Москва* и *Питер* — вот приметы территориальные. А Москва это *Остоженка, Знаменка, Молчановка, Савеловский, Гаврики, Дурновский, Ваганьково.* (Вот слова, услышанные от А.А. в дни последней болезни, после тяжелого сна: *Здравствуйте, милая Н., а я как дохлая кошка волокусь по переулкам Москвы*). Мир служебных связей: *Де-сьянс* (АН СССР), *конюшня* (здание Института языкознания АН СССР), *Федотовы хоромы* (Институт русского языка АН СССР), *Акапедия* (Академия педагогических наук). В освоенном мире имя соединяется с эмоциями, они и в именах вещей, и в обращениях к людям: *Симок, Веруня, Галюля;* часто преодолевается сопротивление языковой формы. Ср.: *Алюсеньке Долгишечке* (Алевтине Долгих).

Мета принадлежности к своему миру — образования на *-(ов/ев)-ский* от имен собственных. Ср.: *В отцовской квартире и Не берите Ушаковский четырехтомник; Мы вместе слушали селищевские лекции по чешскому языку; Театральная школа при первом театре РСФСР — будущем мейерхольдовском.* Образования на *-ск* возможны лишь в том случае, если фамилия принадлежит лицу определенному, известному, упоминавшемуся (они невозможны в контексте первого упоминания лица: лекции известного слависта Селищева). Для А.А. освоенным был обширный мир культуры, отчасти это объясняется его жизненным опытом — он был знаком со многими замечательными людьми науки и искусства. Но личностный уровень отношения не ограничивается его временем. Примечательно употребление слова *покойник*: — А Пушкин прежде всего просил ее/ не винить// А.А.: *Кто*? — Пушкин// А.А. *Мало что он просил/ покойник//*; *Как говорил покойник Мечников,* <...>. Пушкин не был лишь книгой, Мечников — только теорией, отношение к ним было личностным.

В словарном запасе А.А. соединяются разные слои: мотивированные возрастными, социальными, территориальными факторами, т.е. биографическими моментами. Двадцатые годы — время его моло-

дости. Названия, существовавшие тогда, естественно появляются в воспоминаниях. Например, описываются учебные занятия: *Мы с Надеждой Васильевной прошли два семинария Шпета; Я Суханову там сдавал, получил "весьма"; Для магистерских экзаменов; По окончании университета Дмитрий Николаевич Ушаков, как это говорили по-старому, представил меня к оставлению для подготовки к...* К устаревающим лексемам и формам словоупотребления принадлежат, по-видимому, и такие, как: *селадон, фертифляж, изображали шараду, проделал три войны* (о враче), *ходил не только в концерты, в память Гудзия, держать экзамен, уйти от заведования.* В письменной речи А.А. достаточно часто употребляются устаревающие местоименно-соотносительные слова: *каковых, о коих, оную.*

В активном употреблении у А.А. много лесковской лексики, в том числе с явной архаической окраской: *зело, борзо, трапеза, епархия, сие, достолюбезный, моим потщанием.* Многие прямые заимствования очевидны. Ср. у Лескова: Это самые мои, и я их желаю *в обрат* получить. В письме А.А.: *Спасибо, дорогая Шеля, за новогодний привет! И Вам в обрат тоже.* Нужно заметить, что некоторые особенности словоупотребления, кажущиеся архаическими, употребляются как бы нейтрально. Ср. у Лескова: Пострадал *через* свое усердие. У А.А.: *Итак, значит, я вот стал лингвистом через все это, что я сейчас рассказал.* То же в письме: *через Ваш характер.*

В тематическом отношении можно выделить две группы лексики, которые принадлежали к самым развитым полям. Это лексика человека и лексика оценки и усиления. А.А. умел в нескольких словах охарактеризовать человека: *Он был чудак, талант, сквернослов; Шор был "сахар медович", хотя и коммерсант; Он был кончающий студент-математик-астроном, одноглазый, застенчивый и восторженный; ... Тогда же я потерял связь и с его сестрой Анной Карловной, вышедшей замуж за* [...], *брата* [...] — *зачем? он был глухой и никто!*

А.А. говорил о себе *я восторженный человек,* вкладывая в слово *восторженный* более широкий смысл (ср. его отчужденную характеристику человека: *зубы редкие и в глазах восторга нет*). Действительно, его речь изобилует словами, которые передают глубину и силу переживания будь то музыка или театр, житейские дела, судьба науки и языка, люди: *И там был совершенно изумительный состав; Это было потрясающе; Это потрясающее дело было; Это был очень замечательный человек Анатолий Леонидович Средин; Очень было замечательно; А тут Мозжухин дал все лучшее из его романсов, и я навеки погиб! Мусоргский стал моим богом! Второй бог* (*отнюдь не второй по рангу!*) *стал мне Бах; А мне клин; И тогда гроб.*

В этом ряду возникали индивидуальные выражения и нестандартная сочетаемость, сюда привлекались ресурсы просторечия: *Играем взасос* (в теннис); *Целую тебя М.А.! Уж не застану Глебушку, а уж Петьку-то вовсю; открытие замолчали в дым; В Уфе*

ни книг, ни совета мудрого, а "ездить" на Вас будут в дым. В рукописной телеграмме: *Спасибо в дым, цалую всласть, на то и любящего власть.*

В словообразовании А.А. любил приемы резко экспрессивные. Придумывал новые корни: Пишу Вам в стиле "*обрадр*". *Обрадр*, как поясняется на полях, либо "*обратная дрянь, либо обратная дружба, впрочем и сам не знаю, что сие значит*". Выразительные в звуковом отношении корни вводил в глаголы: *Так вот мы и в т ю х а л и с ь в эти "с и д я ч и е"* (о вагонах); *Вот я и говорю; зачем классовые предрассудки т я м т я м к а т ь?*; *Пишите "плант", хуч паршивый, там "с т я к а е м" по мере сил и времени.*

Иноязычный корень соединяется у него со сниженным русским суффиксом и, наоборот, при русском корне — иноязычное продолжение (в этом также угадываются литературные, в частности лесковские, традиции); *н ю ш н и к и* (любители ню); *Есть некоторые п р и в и р а н с ы; За что ему от Ефросиньи Павловны шла крупная п р о б о р ц и я при народе; Были там... и какие-то призреваемые "Фацелией" малоумные б а б е н з о р и и* (ср. *нимфозории* у Н.С. Лескова) (последние два примера из очерка о М.М. Пришвине).

Идет игра со словом, с его каламбурным членением: В.П. Григорьев вспомнил разговор А.А. с Сергеем Михайловичем Бонди. Обсуждается выбор имени для новорожденной дочери С.М. С.М.: *Вот некоторые советуют "Сосипатра"*. А.А.: *Ну сейчас она скорее "С о с и-м а т р а"*. Среди повторяющихся шуток: *бык-аллея* (бакалея), *блатформа* (платформа), *раппство* (от РАПП). В театральной студии в 20-е годы перед спектаклем П.А. Марков произносил слово, которое А.А. пародийно окрестил "*луначарие предисловского*".

В письменных текстах словообразование может подчиняться синтаксическому разгону фразы, создавая необходимый структурный повтор: *Прошу ответить утвердительно, отрицательно, подкрепительно, сомнительно, иронически, но не издевательски* (из введения к лингвистической анкете). Повторяющиеся морфемы обособляются и потом могут жить как самостоятельные слова: *радикулит, бронхит, колит и еще какие-то -иты; Приехал в Москву больным и 8 дней пролежал с -итами; А в этих -завров не верю.*

Продуктивную группу образований составляют производные с модификационными аффиксами, несущими разговорную или стилизационную нагрузку: *искусствоведка, попризабыл, телеграфнуть, водочка, прибавочки, сердчишко, документики, начальнички.*

В речи А.А. стилистически наиболее ощутимы два слоя: книжная, в том числе заимствованная лексика, и разговорно-просторечная. *Ась? Вона-а! Надысь, закусь, ни бум-бум, закавыка, осрамился, лупцует.* Речевой образ, который встает из этого перебора слов, был бы весьма определенным, если бы мы не обратились к широким контекстам, в которых они появляются: *Н.И. лупцует по кинам, а я пишу о реальности модели и читаю Лескова. Оббожаю-с* (из письма); *Как-то раз был у нас мой двоюродный брат Володя Стурницкий и "жарил" громоподобно разные марши. Это*

меня соблазнило, но Леонтина Ивановна, послушав моего кузена, раз и навсегда отшила от меня "браваду" и диллетантизм (Музыка в моей жизни).

Сниженная лексика весьма часто прилагалась к *я* и *мы*, что исключало малейшую нескромность в самооценке, какую-либо пафосность, назидательность (иерархию превосходства) по отношению к адресату: *Давно мы с Надеждой Васильевной это Вам талдычим. А оттуда — в Дом ученых докладать в 19.30.*

Внимание А.А. чрезвычайно привлекали перемены в судьбах и положениях людей, вызывающие смену публичных масок и стиля поведения. Например, он рассказывает об одной своей знакомой: *училась на зубодралку и мечтала о сцене и вдруг* (это обериутское вдруг!) — *grande dame, заведует кафедрой и чуть ли не в парткомах кем-то сидит.* Это театр жизни. В других случаях А.А. сам рядит своих знакомых и себя в разные исторические и комические одежды. Существует шуточное "Письмо в редакцию" под названием "Колумб и графиня" с эпиграфом "И может собственных Платонов...". Героиня (и адресат) письма — женщина-диалектолог — имеет прозвище "Графиня". Из развития сюжета выясняется, что именно она, "наша пролетарская графиня", "не хуже этого Христофошки и территорию, и народ, и язык открыла, а потому она и есть тот самый рожденный российской землей Платон и Невтон. Слово у А.А. тоже актер на театре. Для гримирования и костюмирования слова используются краски из самых разных языковых источников. Сравним хотя бы три его подписи: *Вотр мэтр, utschitel, каспатин ушитель.* Чрезвычайно расширяются ряды синонимов, почерпнутых из всех подсистем национального языка и других языков.

Стилистика А.А. — полистилистика. Это относится и к стилевой многоликости его текстов (в том числе художественных), и к контрастам внутри них. Стилистические приемы откровенны и аналитичны. В области тропов наиболее органичным средством оказывается сравнение. Приведем пример, который одновременно показывает, как иногда зарождались прозвища. А.А.: *Сам Мозжухин являл собой эффект комический: длинный, белесый, с волосами до плеч, худой и манерный — чисто журавль на свадьбе!* (Музыка в моей жизни). Метафор во всех текстах А.А. немного, они традиционны: *баталии, битвы* (об острых дискуссиях), *на университетских дрожжах*, часто предикативны: *Во-первых, прогремела только что "Турандот", вахтанговская. Это было, конечно, прямо каким-то шампанским, таким благотворным на фоне всего прочего. Это было замечательно.*

---

[1] Пеньковский А.Б. О "категории чуждости" в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987. М., 1989.

Е.В. Красильникова

ЯЗЫКОВЫЕ ОЦЕНКИ И ПРИСТРАСТИЯ

Свои языковые вкусы А.А. выражал как лингвист — весьма определенно, а как человек — очень эмоционально. Будучи "формалистом" он относился к языку как живому существу, которое надо оберегать от дурных влияний. А.А. был консерватором в хорошем смысле слова: его языковые ориентации обращены к традиционным нормам. Ниже мы приводим характерные высказывания А.А. Реформатского на этот счет, почерпнутые из разных источников.

Он же (речь идет о Качалове) белорус и учился русскому произношению (мне это лично рассказывал его сын Вадим Шверубович). А разнобоя у него — пруд пруди! Еще С.И. Бернштейн отмечал, что слово "смерть" Качалов произносит четырьмя способами! То, по старому, "с" и "р" мягкие, то оба твердые, то по очереди... Это не природное русское произношение (у Турчаниновой, Прова Садовского, Рыжовой, педиатра Г.Н. Сперанского и многих москвичей, которых я слыхивал и иной раз еще слышу. А произношение Д.Н. Ушакова — эталон — есть в ИРЯ в его наговоренной пластинке) (из письма А.А. Реформатского).

Я произнесла при А.А. *фэпэка*. Он запротестовал. Я сослалась на [фээргэ] и [фээзу], но не убедила его. Насколько это его задело, видно из письма, полученного мною вскоре после нашего разговора (1973 г.): *"Возвращаюсь к ФПК: для меня только Эферге, а ФЗУ — историзм, я это слово никогда не употребляю. Но если по-Вашему должно быть: Феерге, фепека то извольте и "Ресефесере" и "Сесеер"... но меня увольте!"* (из переписки с Р.И. Лихтман).

Был организован так называемый РАНИОН, то есть скорее организована, потому что это Российская ассоциация научно-исследовательских... -Институтов (общественных наук). Но "РАНИОН образовалась" — это все равно что для меня "директор пришла". Такие вещи я себе не позволяю (из беседы 1973 г.).

В следующих отрывках из беседы 1973 г. А.А. выразил свои впечатления от чтения поэтов.

— ... На этом же утреннике Андрей Белый читал отрывок из романа "Москва под ударом"... — Да, да, да. И вот меня поразило его мастерство чтения. Он, например, у него значится реплика в виде знака вопроса или знака восклицания. Он их умел интонировать как целую реплику без единого слова. Это, конечно, индивидуальное мастерство Андрея Белого, но мастерство это было исключительное.

— А Вы его [о Маяковском] слышали когда-нибудь?

— С эстрады никогда не слыхал.

— Никогда не слыхали?

— Нет. Только знаю по записям плохим и, по совести сказать, мне очень не нравится его манера чтения. Насколько мне нравится манера чтения Есенина, настолько мне не нравится манера чтения Маяковского. Потому что она, на мой взгляд, старая такая манера эстетствующих символистов. Как это ни грустно!

—... Вот тут очень всех и удивлял и пленял Сергей Есенин. Он часто выступал с Анатолием Мариенгофом и Вадимом Шершеневичем, но совершенно не был похож на них. Вот помню один вечер в Политехническом музее, когда читали свои стихи белый как лунь Федор Сологуб таким медленным голосом, удалой Вася Каменский, который был в дубленом полушубке, какая-то трапеция висела (потом мы позднее с Каменским дружили даже) и, наконец, Есенин. Есенин встал на стол и со стола своим хрипловатым го-

лосом проникновенно и неотразимо читал известные строчки: "Милый, милый, смешной дуралей" о жеребенке.

— Да.

— Из ненапечатанного еще тогда "Сорокоуста". И как он читал!

А.А. РЕФОРМАТСКИЙ и Н.С. ЛЕСКОВ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Любимый автор Александра Александровича — Н.С. Лесков: *Читаю больше Лескова — это утишительно* (*Так*!) (Из письма). Перечитывал он его множество раз, имел несколько собраний сочинений, одно из них — второе 12-томное издание конца прошлого века. Раскройте один из томов Н.С. Лескова и, ничего не зная о владельце книги, сразу скажете: читал ее, безусловно, очень хороший лингвист, человек глубокого ума и знаний, с великолепным чувством юмора и языковой шутки, тонкий ценитель лесковской "русскости". Зная Александра Александровича, скажем: он вел многолетний внутренний диалог с Лесковым, отрывки которого вынесены на поверхность привычным для Александра Александровича образом — пометками в книгах. Это подчеркивания с выносом на поля одной или двух вертикальных черт, вопросительного или восклицательного знака, NB, Sic!, словесные замечания и комментарии.

Наибольшее количество помет относится к языковым фактам. Видно, что внимание Александра Александровича привлекали как общелитературные особенности языка той эпохи от орфографии до лексики, так и собственно лесковские находки. Когда читаешь текст Н.С. Лескова с пометами А.А. Реформатского, создается ощущение, что автор помет собирался писать о стиле великого русского прозаика — так верно отмечены образцы лесковского художественного мышления. И в то же время слишком уж лично отношение Александра Александровича к текстам, слишком уж он сам "просвечивает" в этих пометах для того, чтобы можно было говорить о беспристрастном научном исследовании.

Ниже мы приводим примеры того, что отметил А.А. Реформатский (указывает том и страницу издания 1897 г.).

Неоднократно он отмечает любезное его сердцу *о* после *ш*: *шолковый*, помечает знаком ? *я*-форму *приемлят* во фразе: "Всего веселее выглянула на свет хрустальная фляжка, в которой находилась удивительно приятного фиолетового цвета жидкость с известною старинною надписью "Ея ж и монаси *приемлят*"(7, 106); отмечает написание слова *эмальированый*. Известен интерес Александра Александровича к орфографии: в других книгах, например, у И.С. Тургенева, он тоже подчеркивает орфографические особенности: "*На счет* Базарова ты, пожалуйста, не беспокойся" (Полн. собр. соч. И.С. Тургенева, СПб. 1884. Т. 2. С. 12). "Она ... читала *сериозныя* статьи" (там же, с. 15).

Внимание Александра Александровича привлекают отклоняющиеся от современного русского языка словоизменительные формы. Так, подчеркнута форма *армянов*: *у армянов* хоть поймешь два слова..." (7, 132), *пулей* в стихотворении, приводимом Лесковым: "В шумном виде представляем / *Пулей* свист и звук мечей" (7, 114).

Есть замечания на полях относительно синтаксических форм и конструкций. Например, против фразы "... уехали с вашим братцем к Марии Николаевны отцу" Александр Александрович пишет: *пор*(ядок) *слов* (7, 213). Или: Дом был заложен в пятнадцати тысячах — на полях: *в чем* (*а не во что*). (7, 210). Против фразы "Тут стоял старинный диван... и большая золоченая арфа, на которой кукона играла и пела" — *на арфе пела*? (7, 134).

Особенно много помет, связанных со словообразовательным богáтством Н.С. Лескова. Так, подчеркнуто дважды слово *холостёжь*, отмеченное Александром Александровичем как *собир.* (ательное); отмечены NB слова *непротивленыш* и *сопротивленцы* (12, 10). Подчеркнуто слово *профессорина* во фразе ... "*профессорины* и жрицы трагического стиля в любви". И против этого слова на полях — *ина* (7, 464).

Отмечал Александр Александрович случаи народной этимологии, на которые так щедр был Н.С. Лесков; например, NB стоит при слове *кляверзы* во фразе из письма солдата Мамашкина "... то я могу все эти *кляверзы* уничтожить" (7, 186). Помета *нар. эт.* (народная этимология) встречается много раз. Например, сами сядьте в лодку, посередь реки к нам *визавидом станьте* и дайте команду "пли" (7, 192).

Отмечает Александр Александрович просторечную и экспрессивную лексику: например, *подконтрачен, фортунило, разгордьяж, техноложец, портёж, мотрошиться* (вообще не *мотрошится* на глазах у молодых)(12, 40),*дошибать* (Как Валерий, благополучно ли *дошибает*, свой университет)(12, 41); противопоставление форм *этот* и *энтот*: "*Этакими*-то ее удивительными античными руками, да по *энтакому*-то мужичьему месту" (12, 38), характерные лесковские словосочетания типа *торгового телосложения, панталонное повреждение, выйти в палевом неглиже;* идиомы, фразеологизмы, пословицы и поговорки: *штуку удрал; выше плута на два фута; рыльце огнивцом, а глаза буравцом; ищи, что на орле, на левом крыле.*

Относительно выражения *дурной платить* во фразе "Конечно, он барин хороший, но только *дурной платить*", Александр Александрович замечает *Ср. не дурак выпить.*

Интересует Александра Александровича историческая жизнь слова. Знаком NB он отмечает такие высказывания в лесковском тексте как "слова *психопат*, тогда еще не было у нас в употреблении" или "при крепостном звании *горничною* не звали, а просто — *девка*". Но вот он возражает Н.С. Лескову, или, точнее, его герою. У Лескова: "... имя моей жены Ольга ... Как отрадно думать, что русские хоть его не заняли у греков, а нашли в своем родном обиходе". Александр Александрович: *Нет! Ольга*<*Helga — скандинав.*

Чтение лесковского текста вызывает у Александра Александровича всякого рода литературные ассоциации, то с А.Н. Островским, то с Жуковским, например, две дамы говорят о Л.Н. Толстом: "... да, я знаю, что собственно он еще ничего не запрещал, но, однако, для чего он об этом писал так *сильно-державно?*" Два последних слова подчеркнуты, и на полях: *ср. у Жуковского*: *сильный державный* (12, 8). О произведении "Зимний день" написано: *Две дамы из "МД"* ["Мертвые души"] *и во-*

обще — исключительно пессимистически (*О бабах особенно. Пролог к "Полунощникам". Лида=Клавдя*). В начале "Маленькой ошибки" на полях *Ср. у Д-го в "Бесах"* (7, 210).

А вот тема, близкая Александру Александровичу: герой рассказа "Зимний день" говорит: "Ко мне, вместо жизнерадостной гризетки, порою забегает мысль о смерти" (12, 40). Эта фраза подчеркнута,и на полях стоит: *вот ваганьковец*! "Ваганьковские" образы — частые гости в стихах и письмах Александра Александровича последних десятилетий.

Явный интерес испытывает Александр Александрович к цитированию у Лескова: почти все цитаты — а их в текстах Лескова много — Александр Александрович отмечает. Восклицательный знак стоит, например, против фразы о геральдическом козероге: "У последнего вся фигура беспокойная и острая, как будто "счастья он не ищет и не от счастия бежит" (15, 224). Использование цитат для комического эффекта мы находим и в стихах Александра Александровича. Некоторые образы Лескова появляются в стихотворениях А.А. Реформатского. Так, отмечена им фраза из "Жидовской кувырколлегии": "Из его собственной фамилии (прапорщика.— *С.Н.*) солдаты сделали "Полуферт", а тетки его назывались, кажется, одна — мадам Сижу, а другая — мадам Лежу." (7, 171). На полях стоит — *"н.эт...?"* (народная этимология) "Мадам Сижу" появляется в нескольких стихах Александра Александровича — как название того места, на котором сидят: *Ну что же, румяна-то я положу, / Где будет и прочему ложе, / И спрячу я все под мадам под Сижу, / Все там, на Ваганькове лежа.* Но это — уже другая тема.

С.Е. Никитина

ПРОЗВИЩА

Как объяснить любовь Александра Александровича к прозвищам? Мир людей, близких Александру Александровичу, составлял некоторое "четвертое" измерение, слегка оторванное от трех реальных. Каждое лицо в этом мире называлось не так, как в паспорте. Почти отсутствовали отчества, преобладали сокращенные формы имен: *Серега* (Высотский), *Миша Панов, Витька, Симок, Хоршидушка, Нема* и веселые прозвища. Это делало круг людей, которых объединял Реформатский, теснее, а их отношения друг к другу — теплее. Но при этом с его стороны постоянное дружеское *Вы*, не допускавшее фамильярного *ты*. Среди будничного труда этот мир был своеобразным островом отдохновения, где люди получали заряд добрых чувств и бодрости для продолжения работы. В учениках и сотрудниках А.А. воспитывал чувство любви и уважения друг к другу. Ему хотелось, чтобы они были духовными братьями и сестрами. Родство в науке он считал великим делом.

Традиция давать прозвища возможно восходит еще к ушаковскому кружку. Д.Н. Ушаков был в нем *Шер Мэтр* (дорогой учитель) — это имя склонялось: *был у шера́ мэтра́, пошел к шеру́ мэтру́*. А.А. Реформатский — *Шер Элев* (дорогой ученик). На одной из книг библиотеки

А.А. Реформатского дарственная надпись: "Возлюбленнейшим Шерелеву и Шерелевице Реформатским верный друг Цвяток." 13.VII.45. *Цвяток* — прозвище Г.О. Винокура. *Шерелевица* — ученица Д.Н. Ушакова Н.В. Реформатская. В конце пятидесятых годов у А.А. появился литературный и эпистолярный псевдоним: *Искандер Ислахи. Искандер* — Александр. *Почему я Ислахи? Ислах по-арабски "реформа", Ислахи — "от реформы", т.е. Реформатский* (из письма). Встречаются и перевернутые подписи: *Ихалси Реднакси.*

У А.А. прозвища часто входили в семью прозвищ, имели свою историю. А.В. Суперанская вспоминает: "Я у него быстро получила прозвище *Заяц, Зайчик*. Основания к этому были самые отдаленные. Он как давнишний охотник прекрасно знал все повадки зверей. В моих ранних писаниях подчас отсутствовала стержневая линия. Начав об одном, я переходила на другое, а потом снова возвращалась к тому, с чего начала. Это напоминало ему "заячьи петли". На полях появлялось *Опять двадцать пять!*, а устно добавлялось: *Ну тут снова заяц напутал. Извольте разобраться!* Поскольку слово *заяц* мужского рода, обращенные ко мне фразы обычно строились по принципу маскулина. Особенно забавно прозвучала фраза, сказанная им много лет спустя, что *Заяц, хотя и Заяц, а хороший мужик!* После того, как у него появился псевдоним Искандер Ислахи, обращение ко мне в письмах приобрело также восточный колорит: *Зай Али.*

В наших заячьих делах не все было безупречно гладко. После одного разъяснения отношений на последнем листе моей рукописи, прочитанной Александром Александровичем, появилась его резолюция: *Какое слово ты сказала! Ты прежнею Зайчишкой стала!* Это было его единственное *ты* за все годы нашей творческой дружбы и единственная *Зайчишка* в женском роде".

Прозвище могло становиться центром словообразовательного гнезда, целой серии словоупотреблений. Вслед за *Гамлет-ом* появлялся *ех-гамлет*, обращение *½ Гамлету — ½ Офелии.* Обыгрывались и все грамматические возможности, английская модификация фамилии, английский язык в обращениях. Далее возникал образ *Эльсинора*: *Звонила Н. Сплошной Эльсинор; И никаких эльсиноров; Дорогой Эльсинорушке; Эльсиноризм, Ваш тонкий Эльсинорский ум, Ваш Эльсинористый характер.* Ассоциации приводили к *датскому минору* и даже *Мамонту Дальскому*, когда-то игравшему Гамлета. Люся Максимова (Л.К. Чельцова) после одной экскурсии получила у него прозвище *Джо* — она все время спала в автобусе, подобно мальчику из "Пиквикского клуба". А поскольку слово Джо совпадает в русском языке с парадигмой среднего рода, соответствующее употребление получило и прозвище *Джо*: *Джо пришло, сказало.* Имя начинало склоняться: *Джу* (дат.п.), обрастало суффиксами: *Джошеньке, джовой любовью.*

Приведем отрывок из разговора Александра Александровича с дочерью, в котором обнажен механизм возникновения прозвища. А.А.: *А ты знаешь / что теперь вот твоего супруга / зовут Мазепа Йорк* /— Почему Йорк? А.А.: *Потому что / герой вот этого фильма... "Фаворит" / Художник и наездник / вылитый твой Глебушка* // — Ну что же / он был художником / и даже подвизался на ипподроме // А.А.: *Ну*

так тем более подходит все / а с лица он / и по душе / очень похож // — Уж ты душу в телевизор разглядел? А.А.:*Ну еще бы / я все время / и когда он / исчезал с / этой самой / видимости / то Наталии Иосифовне гневно говорил / говорю/ а где же Глебушка? Куда Глебушка пропал?* — А что Наталия Иосифовна отвечала? А.А.:*Она отвечала сейчас будет / сейчас будет //.*

Прозвища, данные А.А., провоцировали ролевые игры. "Графине" пишет Marqise Alexandre, "Мамане" (маман, maman) — "сын" (fis). Существует письмо, начинающееся словами: *Дорогие мои родители — маман и пан вітчим!* (Это включен в игру муж *маман.*)Письмо подписано: *Цалую. Ваш отпрыск.* Дома помогает по хозяйству женщина, которую зовут *Митревна.* Александр Александрович тоже превращается в *Ляксаныча.* Особенно часто надевается маска самоуничижения. Богатые возможности разыгрывания такой роли были сразу увидены А.А. в формуле *муж писательницы* (см. об этом у *Н.И. Ильиной*). Не упускается никакой случай. В письме из Ялты в Москву, где нескольким своим знакомым А.А. посвящает по строчке, вдруг стоит: *Лариса! Тут я немею. Ведь Вы член месткома, а я нет. Разница социального положения заставляет меня быть скромным.*

Уничижительные формы в большой мере заимствуются из литературы, поэтому сразу выдают стилизацию. Над его *фомаописки змами* посмеиваются близкие. Излюбленные приемы — слово-ер, суффиксы: *письмишко, рецензиишка, коньячишки* (род. п.); *документики, стопочка, с изъянцем;* глаголы, предполагающие отношения снизу вверх: *А что гневаетесь...;* слова, называющие привычные предметы мира маленького человека, соединенные синтаксисом косноязычия: *касательно жалованья; пойдем мы в трактир; семужку и водочку с пивным "прицепом"; с цигаркой в зубах;* прямые цитаты: *"Поснедаю щец, я грешный".* В том же стиле подписи к письмам: *Остаюсь прежним остолопом Дедом Санчей; Твой незадачливый, но не без способностей Па — он же Дед Санчо; Невеглас Невегласович Недоумкин.* Нужно сказать, что эта стилистика может поддерживаться шутливой почтительностью обращений: *Ея талантлиству; Ее йотородию* (к автору статьи о йоте), *Ея высоколегкомыслию* и т.д.

Вторичные именования — прозвища, метафорические и метонимические номинации А.А. давал как людям, так и предметам и даже ситуациям. Так, комфортабельная "времянка" на даче у знакомых получила у А.А. название *времяццо* (по аналогии с *палаццо*). Существенно, не обращаясь к характерологической стороне проблемы (почему одни люди получали прозвища, другие — нет), постараться понять идиолектный механизм создания подобных номинаций. Диапазон номинативных моделей у А.А. Реформатского был очень велик. Так, прозвища были постоянные и понятные, например, *Лео* — Лев Рафаилович Зиндер; постоянные, но не совсем понятные: например, одна приятная А.А. знакомая, блестящая переводчица и обаятельная умница, называлась *крысоёмушкой,* а ее походка *крысоёмкой.* Люди назывались путем обыгрывания их подлинного имени: Борис Аронович — *Бароныч; Таня van С'Умникова* (Т.А. Сумникова, она же *голландская королева*), по внешним ассоциациям (*Василий Шуйский* — худо-

щавый со светлой бородкой лингвист). Обыгрывалась профессия: жена, Н.И. Ильина, — *пѣсательница* (писалось через ѣ), национальность — *Володя армянец.*

Т.М. Николаева размышляет: "Казалось, в этой массе прозвищ, перифраз, окказиональных и постоянных наименований разобраться невозможно. Так, например, часто слыша имя *Лелька Дельфин,* я всегда думала, что *Дельфин* — это фамилия его ученицы, и только много лет спустя узнала, что она замечательно плавала. Осмелюсь предложить следующую гипотезу: номинации у А.А. Реформатского были, если можно так выразиться, карнавального типа, они схватывали какую-то черту человека и создавали маску. Иначе говоря, Александр Александрович не называл, а прозывал. Вся амбивалентность маски, несколько сдвинутого мира карнавала была в этих прозвищах: не Армянин, а *Армянец,* не Юра Трифонов, а *Юра Три.*

Таким образом, Александр Александрович брал одну какую-то "неглобальную" черту (на первый взгляд!), например *Прекрасная гречанка* (об аспирантке с примесью греческой крови), *Сеттер* — ученый с шелковистой рыжеватой бородой, *Минареточка* — высокая стройная и красивая лингвистка. Если название было слишком емким и простым, Александр Александрович смягчал его, чаще всего — суффиксом *-ушка.* Например, зять Александра Александровича — *Мазепушка,* так как *украл дочь Марию,* но ведь не "Мазепа!", лингвистка очень серьезная с очень правильными чертами лица — *Афинушка Палладушка.*

Вторая черта Александра Александровича: он страстно любил форму, оболочку слова, звук, словом, "план выражения" в именовании. Отсюда многочисленные обыгрывания имен собственных, их возможной этимологии, например, услышав фамилию *Николаева,* он сказал: *Не пожелай жены ближнего своего, ни кола его, ни двора его. А вот аспирантки Недвораевой у меня нет, а интересно было бы!*

Наконец, третья черта — чтобы разгадать прозвище, нужно часто было нечто знать и понимать, т.е. обладать, как теперь это называют, "фоновыми знаниями". Некоторые ситуации очень просты, например, *Малютка Бардль* — это испугавшийся большой собаки маленький сын знакомых (все помнят, как кричит и вырывается, капризничая, сын вдовы Бардль у Диккенса). Художник Орест Верейский, будучи однажды посланным в плохую погоду за такси, был назван *бедным Йориком.* Это тоже понятно, однако видно и другое — эти прозвища окказионального типа на самом деле были как бы с "двойным дном", например, все же *Пѣсательница,* а не *Писательница, бедный Йорик* — здесь скрыт и *бедный Орик.* Прозвища Александра Александровича, его номинации не только коннотативны, но и суггестивны. Кое-что уже утрачено, уже забыты ситуации, без которых нельзя понять суть. Например, я помню *РИТАТЭУРОБЭ.* Что это такое? Это прозвище одной очень юной, очень эрудированной и тогда еще незамужней лингвистки, которую звали Рита Б. (начальная буква фамилии). На одной из конференций она беседовала, на глазах у Александра Александровича, с лингвистом, фамилия которого начиналась на Т. А.А. рассудил: она должна выйти за него замуж и тогда

может называть *Рита Тэ Уро Бэ* (уро = урожденная). Зачем было это? Создавалось впечатление, что Реформатский играл в эту звуковую форму *Рита Тэ — Рита-Та Тра-та Та* и т.д.

Александр Александрович очень не любил приглаженную олеографическую красивость: так, глядя на ночных бабочек, распластавшихся на воде в кружке, он произносил: *Плясецкие!*. Это — и М.М. Плисецкая, и танец умирающего лебедя Сен-Санса и нечто — весьма ироническое, поэтому *Пля-*, а не *Пли-*. Поэтому не просто *Прекрасная гречанка*, но и второе прозвище — *Моя бадья была гречадка* (слова пошлой Петерсон из "Поединка" Куприна). *Гедимин* — это не что иное, как ... нарыв на голове, приключившийся в Вильнюсе.

Иногда Александр Александрович вышучивал в прозвищах манеру держаться: так, один лингвист — за пенсне, осанку, безупречный костюм, галстук — назывался *Барин*, другой — величественный лингвист в самом высоком ранге — *Светлейший*. Некоторые люди получали прозвища-предложения, например: *А все потому, что мы граф!* или *Шумим, братцы, шумим!* (однако, *Репетилов* — это уже прозвище совсем другого человека). Здесь нужно упомянуть еще одно свойство номинаций Реформатского — по отношению к одному лицу их могло быть несколько, и они объединялись в сложные парадигматические ряды. Например, он сам *Ваганьковец, Искандер Ислахи, Хи-итрый старец, Дед Санчо* и др. Некоторые прозвища Александра Александровича, как кажется, были случайными и преходящими, но с течением времени его наблюдательность стала напоминать наблюдательность Серова-портретиста. Например, *Византиец, Малютка Бардль, мальчик Джо* и т.д. Внешне однотипные прозвища имели разные корни. Например, *Графиня* и *Князь*. *Графиня* — это Т.Ю. Строганова (аристократизм красоты и фамилия), *Князь* — Виктор Виноградов, любимый ученик, по мнению Александра Александровича, похожий на молодого Н.С. Трубецкого (так он говорил мне). Иногда прозвища были очень нежными и искренними, например, *Беатриче* — лингвистка, которую Александр Александрович очень любил и ценил и восхищался ее женственностью. Он очень хорошо относился и к А.А. Холодовичу, но тот был *Асмодей* (что-то холодно столично петербуржское и ироничное), да и само имя *Асмодей* как будто взято из времен пушкинского "Арзамаса" (но были и внелитературные — не ожиданные образы: *Тертое стекло, Солома скрипящая*).

Резюмируя, хочется сказать о номинациях, прозвищах Реформатского в целом: будучи несколько непохожей маской, они попадали в самый центр образа, того образа, который был как бы литературной тенью человека".

Е.В. Красильникова, Т.М. Николаева, А.В. Суперанская

А.А. РЕФОРМАТСКИЙ — СТИХОТВОРЕЦ

Стихи А.А. писал только тем, кого любил, с кем был душевно связан, стихи были интимным средством общения и предполагали активность, коммуникативную отдачу со стороны тех, кому были адресованы. Многие из адресатов отвечали стихами, возникала стиховая переписка, в которой А.А. вел диалог. Стихи, так же, как и прозвища, создавали определенный стиль отношений с каждым из партнеров; образ, идущий от прозвища, в стихах "прорабатывался"; как в портрете, обрастал деталями, утверждался в событиях, обыгрывался на все лады. Иногда стихи были и формой личного дневника.

Началом своей поэтической деятельности А.А. считал строчки, сочиненные в два с половиной года, 3 апреля 1903 г.: *Девушки придут Нагореди богорут.* Ровно через 68 лет (3 апреля 1971 г.) он написал стихотворение, "Третье апреля", к которому эпиграфом взял свое первое сочинение. Последние стихи написаны в 1977 г. Итого — 74 года стихотворной деятельности.

Сохранилось стихотворение, помеченное 1916 г., написанное в сказовом стиле еще в гимназии А.Е. Флерова, где А.А. учился — "Баллада о козле, бороде и двугривенном", — это была сатира на попечителя и владельца гимназии. Вот отрывок из нее (Козел — А.Е. Флеров обращается к гимназистам с упреками):

Гой еси вы, о дети спесивые,
От родителей тех происшедшие,
Что стоят впереди всего общества
И наукой святой занимаются!
А и что же это вы, добры молодцы,
По семнадцати лет уж имеючи,
Стену мажете вечно чернилами
И орете все гласом великиим?

Соученик А.А. по гимназии — Н.В. Тимофеев-Ресовский (Зубр). Ему посвящено стихотворение "История моего современника" (октет в октавах) — на бракосочетание Н.В. Тимофеева-Ресовского и Е.А. Фидлер. Датируется оно 1922 г. В примечании указывается, что стихотворение писано во время получения академического пайка 10 июня 1922 г. В нем рассказывается о всех крутых поворотах — внутренних и внешних — в еще недолгой Колюшиной жизни. Последняя — 8-я октава такова:

Теперь Колюша не юнец —
Он ассистентом у Кольцова
Сегодня двинул под венец
В исканье света жизни новой!
И песне надо бы конец;
Скажу еще к сему два слова:
Колюша, будь всегда мне друг,
Наукам — сын, жене — супруг.

Среди тех, кому посвящал А.А. Реформатский свои стихи, есть имена знаменитые — Б. Ахмадулина, В. Шкловский, Н. Игумнов, П. Антокольский, В.Ф. Асмус. А.А. рассказывал: *Ведь их было трио. Это был, значит, Пастернак, Асмус и Нейгауз. Это трио... И потому, значит, хоронили Пастернака, когда Асмус говорил речь, а Нейгауз*

бросал первый ком земли в могилу. Потом Нейгауз умер, и остался один Асмус... Вот я тогда Асмусу написал такое стихотворение шуточное грустное по поводу того, что вот он заместитель. Он, значит, и.о. этого трио. А он мне ответил стихами же, что он временный что он врио, и не больше.

Глубокой нежностью и теплом проникнуто стихотворное произведение 1973 г., посвященное замечательному лингвисту — фонетисту С.С. Высотскому — "На подступах к семидесятилетию". Начинается оно так:

Вы знаете, Сергей Сергеич,
Как я вас пламенно люблю,
Не важно, шпрехен ли Вы деич,
Но вы в лингвистах суперфлю!

Перечисляя замечательные научные подвиги С.С. Высотского, собиравшего блестящий языковой материал в трудных полевых условиях, А.А. отмечает характерную особенность ученого:

Сереге мысли нет о жатве
Насчот диплома докторов...
Да, скромен наш Серега милый,
Почти не пишет ничего.
И не столкнуть и страшной силой
С такой позиции его!

Кончается стихотворение так:

Когда уйду я в царство теней
Под свой Ваганьковский уют,
Пусть гимны чистых песнопений
Вам все живущие поют!

Каков его поэтический автопортрет последних десятилетий? Есть одно грустное четверостишие от 1964 г.:

Седенький, лысенький старичок
Сидит и плачет, хоть тресни!
А за печкой свербит сверчок
Свои грусные старые песни.

В стихотворении 1976 г.: *такой он, братцы, непарадный* — очень точно выражена идея человека не внешнего, но внутренного; но дальше: *Вы уже простите, но такой!* утверждается достоинство этого "внутреннего" человека. А.А. не любил суетливую пустоту в парадных одеждах (хотя обожал мистификации и спектакли). Были и моменты самоуничижения.

Во многих стихах — сниженный стиль и самоирония, иногда подтрунивание с подковыркой адресата и веселая неожиданная и теплая шутка.

Сижу за пивом тихо и гожо,
И рот беззубый скромно воблу гложет:
Как счастлив я за дорогое Джо:
Ведь "не любить оно не может".

А вот отрывки из стихотворения "Отмеченной молодежи", в которых звучит неподдельная боль:

Я полон страданья, я сжался в комок:
"Отмеченное" меня хаит,
Хоть сделал я все, что в "условиях" мог
И горем мой взор полыхает.
И сам я последний из тех могикан,
Что шли молодежи навстречу
Однако попались мы в хитрый капкан
И нас уподобили Гречу

Во многих текстах обыгрываются Ваганьковские мотивы. Тема эта, очевидно, мучила А.А. Реформатского многие годы.

Вперед!
"Но только в порядке живой очереди".
Оптимистенко. "Баня" Маяковский.
К нам жизнь убийственно груба
Уж там — аминь: точь в точь ряди ...
"Покойнички! Даешь гроба!
В порядке живой очереди!"
или
Гори, гори, моя звезда!
И догорай, хоть тресни!
Мне ж видно, суждена езда,
Пожалуй, ближе к Пресне (т.е. на Ваганьково).

В стихотворении "Дело к осени" появляется грустный "цезаревидный" афоризм: *Пришел, не видел, поседел | К Ваганькову шлю тело.*

Здесь уместно сказать о том, как А.А. цитировал или трансформировал в своих стихах чужие тексты. Он свободно, раскованно "адаптировал" чужие стихи своим поэтическим и семантическим нуждам. Иногда это было дословное цитирование, например, в стихотворении "Разговор с Тютчевым":

Нам Тютчев завещал, что все неумолимо:
"Вот наша жизнь — промолвила ты мне —
Не светлый дым, блестящий при луне,
Но эта тень, бегущая от дыма..."
А я пред ним, смиренно преклонив колени,
Скажу, что есть на этой вот земле
Не только дым и тень, бегущая во мгле,
Но этот след, оставшийся от тени.

Чужой текст мог изменяться очень немного — тогда А.А. ставил кавычки. Так, например, кончается стихотворение "Голова или хвост (памфлет о норме и хвостизме)", в котором он упрекает свою ученицу в принятии неприемлемых для него орфографических нововведений (дело происходило во время дискуссии об орфографической реформе в 1963 г.):

И пусть костер принципиальный
Нам будет праведной межой:
"Для берегов отчизны дальней
Покинуть надо край чужой!"

Но порой А.А. вступал в диалог с цитатой: *Зачем кого-то ненавидеть, Когда ведь можно и любить?* (ср. у Н.А. Некрасова: "То сердце не научится любить, Которое устало ненавидеть").

Комический эффект возникал от смешения чужой высокопарности

с собственным сниженным стилем: так, обращаясь к захандрившей ученице, А.А. пишет стихотворение "Братск" — *братику Симу от братика Хама*: *Сим мой, усталый страдающий брат! / Где бы ты ни был, не падай в дерьмо ты!* ср. у Надсона: *Друг мой, усталый страдающий брат! / Где бы ты ни был, не падай душою!* Такие же "вариации" могли быть и в эпиграфах к стихотворениям: *Лучше нету того света, Где покойнички лежат* (*народная песня*). Эпиграфы создавались и из якобы цитат: *Кому Бондарка, а кому байдарка* (*из восточной мудрости*) — по случаю байдарочного похода одной из своих учениц; или: *Sic! Марк Теренций Варрон; Э-эх!... Ф. Шаляпин.*

Поскольку стихи были одной из форм письменного общения, они во многом сохраняют характерные черты эпистолярного стиля А.А. (в употреблении иноязычных слов, переиначивании их, сталкивании с русскими, просторечными, в словотворчестве). А что же рифмы, образы? Среди рифм А.А. встречаются составные. Ср. в цитированном стихотворении "Вперед": *точь в точь ряди — очереди.* Ср. еще в стихотворении "Дела административные (на битье посуды)", посвященном Н.И. Ильиной:

Постового там [на кухне] поставить
Дать ему и суд и власть,
А то можно без поста ведь
В беспосудие попасть.

А.А. любил паронимические сближения: *обезьяны обязаны; изъеден изъянами.* А вот редкое футуристическое сравнение. В стихотворении, посвященном В.А. Плотниковой в день ее рождения, есть такие строчки: *Наплюйте Вы на эти годы*: *Они Вас красят, как забор.* Многие стихи написаны в форме сонета. Какие стихотворные размеры предпочитал А.А. Реформатский? Писал всякими — хореем, амфибрахием, но больше всего он любил ямб — им написано большинство стихов. Вот автопортрет 1932 г., написанный 4-х стопным ямбом:

В кармане левом — Маркс и Ленин,
А в правом — Гегель, Гусерль, Шпет,
И "Ах вы, сени мои сени"
Душа поет уж много лет.

В стихах А.А. иногда делал сноски и комментарии. Комментарий не меньше, а иногда больше стихов раскрывали А.А. — человека и ученого. Одно из стихотворений, посвященных его любимой ученице, имеет пять сносок-комментариев. Вот два примера: А.А. пишет о звуке йот:

Йот — лучезарная наша собака —,
Вот наша радость, и знаете что:
Он такой вежливый: *с юта и бака*
Гласных не жмет, он для них — решето[3]

[3] *Почему решето? Ведь вот чудо*: *йот — воплощение мягкости — не действует аккомодирующе на рядом прозябающие согласные*: *яма также, как дама* (*о, Куприн!*), *а не прямо и т.п. Это одна из загадок русской фонетики и гимн чистоте и непорочности ЙОТА!*

Здесь в шутливой форме А.А. Реформатский излагает очень глубокие фонетические наблюдения. А рядом:

Знайте, что хуже чумы и заразы
В жизни гнездится худой сервилизм[5]

[5] *Сервилизм — это самая поганая паскудяка, коей заражены поголовно все от академиков до доярок простых (ср.: "Это девушки все обожают — от графинь до пастушек простых..." — куплеты, которые пели в театрах-буфф лет 50 тому назад...). Борьба с сервилизмом — это честность, честность и честность!*

Мы закончим четверостишием из стихотворения А.А. Реформатского, где выражено его кредо человека и лингвиста:

Мы живем в ужасающий век,
Все прошедшее тянется снова —
Но запомните, что человек
Начинается там где СЛОВО.

С.Е. Никитина

КАК ГОВОРИЛИ ДОМА

Заметки эти далеки от жанра академической статьи — ведь я не лингвист. Но это и не мемуары в чистом виде. Имея перед собой сугубо специальную задачу — обрисовать речевой портрет Александра Александровича в семейной обстановке, — я поневоле ограничивалась лишь кратким описанием того житейского контекста, в котором рождались те или иные слова и реплики. А, главное, для меня еще не настал час писать мемуары, излюбленный А.А. вид словесного творчества — *Чем старше, тем мемуарнее,* — говаривал он. Прошедшее все еще не отдалилось от меня на такую дистанцию, с которой можно обернуться и без орфеевских иллюзий и риска посмотреть вспять. Я попытаюсь воспроизвести языковую атмосферу моего детства (40-е — 50-е годы), периода самой тесной нашей с отцом близости, следуя по преимуществу свободному ходу ассоциаций. Примеры и факты почерпнуты из памяти, дневниковых записей А.А. и его писем к домашним.

В детские годы я была окружена повышенным вниманием взрослых, и объясняла это обстоятельствами и особым духом времени, когда я появилась на свет. Долгожданный, поздний и трудно доставшийся немолодым родителям ребенок (трижды погибающая *фарфоровая куколка, задохлик,* по словам А.А., которому пришлось вколоть отцовскую кровь: *После этой операции Машка стала оживать и вытянулась в такую даму, что не дай бог!*). Потешное дитя, подле которого можно оттаять душой, забыться людям предвоенных и военных лихолетий, а под видом игры с ним немножко подурачиться и самим взрослым, усталым от перенапряжения и натиска внешнего мира. Но позднее я поняла, что в восторженном отцовстве А.А. присутствовал еще один подспудный оттенок — а з а р т п р о ф е с с и о н а л а. Уже сложившийся ученый лингвист, влюбленный в язык как

предмет своей науки, сорокалетний А.А. получил счастливую возможность прямо у себя под боком пристально наблюдать за рождением и развитием речи подрастающего существа. Вот это улавливание первых звуков, слов, обнажение азов языкового механизма и даже формирующее участие в этом процессе, как бы п р о л е п л и в а н и е с в о е й р у к о й с т а н о в я щ е й с я р е ч и наполняло союз отца и маленькой дочери невероятным энтузиазмом, вылившимся однажды в такое признание: "Папочка! Я тебя люблю больше мамы и больше Пушкина!"

Прислушиваясь к моей комичной детской речи (*комик китайский*), А.А. словно проверял известные ему законы языка. А.А. вел записи несуразностей моей детской речи, кое-что из этого включал в качестве примеров в читаемый им курс "Введение в языковедение", а в 1960 году обработал, озаглавив "Маша. От 2-х до 10-ти", и распределил по трем графам: 1) словечки и формы; 2) наблюдения; 3) ситуации и выдумки. Экземпляр этой рукописи, названной "карточками, взятыми сразу с натуры", со стихотворным сопровождением "Envoi" был преподнесен 7 января 1961 г. ко дню рождения маме Надежде Васильевне Реформатской (далее Н.В.): *Мама! Все эти забавные даты / Записывал я на ходу, невзначай, / Когда нас бомбили, и шли все в солдаты, / И не было водки, и чай был не в чай...*

Особенно заботила А.А. моя устная речь, менее — письменная. Все, что касалось звуковой стороны слова, А.А. возводил в абсолютный закон, а нарушение его почти приравнивал к этическим проступкам. Как фонетист, А.А. хорошо знал устройство органов речи, и лучшую, по его признанию, лекцию на эту тему он прочел студентам Горпеда в 1939 г., когда я тяжело болела дифтеритом (поражением гортани), как раз в день произошедшего в болезни кризиса. "*Читал лекцию с юмором. Тема: "Классификация согласных" — хохотали они (девки) до упаду. Чудно́!*". От времени работы в Горпеде в годы войны сохранилась фотография: А.А. в зимнем пальто на лекторской кафедре, вид вдохновенный, в глазах — озорство, в руке — мелок, а на доске начертано священное слово "фонема".

А.А. упорно бился над моей дикцией и произношением обычно трудных для малышей звуков: *с, ш, л, р;* отрабатывал нескончаемыми упражнениями наследственно слабое место в выговоре мамы *л* и *р*. До сих пор у меня в ушах: *лампа, лом, логово* или *трубка, дробь, дрянь, крот*, и поддразнивание мамы, у которой часто одинаково получалось *класс — квас, лодка — водка*. Так и вижу себя сидящей на коленях папы, всматривающегося в мой шевелящийся рот. Более всего помню, как вбивалось в меня "московское произношение". Поборником его А.А. был таким же рьяным, как в отстаивании принципов МФШ. За образец правильного произношения почитались актеры Малого театра (знаменитые "старухи" Турчанинова, Рыжова, Массалитинова, часто выступавшие в те поры по радио), любимый учитель Д.Н. Ушаков — *Шер Метр* (называемый мной "дедушка Шер"), знаток истории Малого театра В.А. Филиппов и арбатская филологическая знаменитость С.К. Шамбинаго, который всех (по словам А.А.), *кто ему был любезен, звал "голубок!"*. Кнутом и пряником папе удалось

внушить мне на всю жизнь заветы по части старомосковского произношения. Я исправно говорю: *маленькъй, плюгавенькъй, Реформатскъй; дощ, дож'ж'и, пож'ж'е, уеж'ж'ает; млатше, лутше; безошибошно, молошная, межеумошный, проверошная* (даже профессиональный термин: *строешно-балошная конструкция*); *застегъвать, пристукъвать; жиркое, шинтропа, шитёр; дефьки юпьки, булафьки; Михал Сергеич, Андревна, Кузьминишна.*

Более жестокого удара я не могла нанести отцу, как отказаться выполнять его языковые требования. "Вот возьму и буду "*кий*" говорить", — грозила я в сердцах во время ссоры. В моем сознании тогда граница языков проходила именно через подобные ощущаемые на слух различия. "Украинцы такие же, как русские, только *кий* говорят", — заключала я. Или: "Папа, если бы Черчилль по-русскому говорил, то, наверное, *конечно*, а не *конешно?*"

Пусть и по-детски исковерканное, но зато сказанное в духе проповедуемых орфоэпических норм слово с особой радостью воспринималось папой и охотно включалось в домашний микроязык. Так в нем фигурировали и курьезы вроде:*коришвенькъй* и *Лиса Пратикевна*, и вообще приглянувшиеся отцу неологизмы: *нутрь-внутренность, покойноночиться, дайбохать, спасибить.*

Выяснилось, что у нас с папой слова имели окраску, причем у каждого разную, складывающуюся из окраски звуков. Вот запись беседы по этому поводу. М.: *А берет у меня — синий.* А.А.: *Это потому, что ты чаще всего видела синие береты.* М.: *Нет! Это название синее, а не сам берет.* (Действительно, чаще всего М. видела на маме белый берет).

В семье я называлась *Машучок, Машетт, Мартын, Мартышка, Тышка*, а с годами *девка Меря*. Придуманный папой и мной любимый город *Тышкин* (образованный от *Мартышки* по типу фамилий незаконнорожденных отпрысков аристократии) воплощал счастливую утопию, где в мире и согласии жили добрые и слегка чудаковатые люди — продавец воздушных шаров *Федя Барбосов, тетя Пипиша* и уютные пушистые обезьяны по фамилии *Млиши.*

Словно ангел-хранитель (А.А. часто говорил *андел*) в нашем Тышкине пребывал некий шипящий, который распространял свой согревающий шип и витал повсюду: то выступая в вариантах имени и псевдонима А.А. — *Сашка, Шурка, Шеня, Арношин* (от собаки *Арнощки* — под этой фамилией А.А. выпустил в 1928 г. поэму "Как в деревне надо жить, чтобы бабам не тужить"), то в собственных именах обитателей Тышкина и вообще в наименованиях милых сердцу зверушек. В бытность свою в Горпеде А.А. обычно перед тем, как начать экзамен, рисовал мне картинки с веселыми буквами и танцующим на их перекладинах зверьем. Так появилась надпись "Маша в мышах", а затем стихотворение "Маша в ежах" с тем же, как бы одушевленным шипящим: *У Маши родились ежата, / Четырнадцать теплых ежат./ Лежит вся ежами зажата, / А рядом ежата лежат.*

Другая картинка изображала жирафа с вытянутой шеей и мартышку, которая высоко взгромоздилась на пальму, чтобы оказаться "на уровне" своего собеседника. Внизу подпись: Affe und Giraffe. Ни созвучие, ни

союз und не могут снять бросающейся в глаза несовместимости этих существ, которая интриговала А.А. не меньше, чем тот же топорщащийся und в пародийном словосочетании "Аскольд und Могила" (составленном по типу: "Тристан und Изольда"). В этом ухающем *унд* чудилось что-то озорное и абсурдное. Порою игровое начало в детских стихах-потешках сближалось с экспрессивным примитивизмом поэтики капитана Лебядкина: *В Александровском саду / Рыжий дьякон в лихорадке, / Туфли щелкая по пятке, / Просит жареного льду.*

На памятные даты, к семейным торжествам и дружеским встречам писались стихи лирические и патетические, но с неизменным оттенком шутки и игры. Вот послание к С.М. Бонди по поводу его приглашения на встречу с филологами-единомышленниками у Г.О. Винокура в 1934—1935 г.:

С.М.! Здесь заключен союз
На пре́дмет скорой встречи,
Где под эгидой светлых муз
Должны раздаться речи.
Дом 20, улица Арбат, —
Вам адрес сей известен?
Внимание! Мы бьем в набат,
Наш клич ей-ей Вам лестен!
Так приходите для речей
И говорите горячей!
А пить вино и фэр ля кур
Мы будем: я и Винокур!

Интенсивная стихотворная переписка велась между А.А. и Б.В. Томашевским, причем не только по почте, но и непосредственно на заседаниях, называемых ими *болтологи́ческими методи́ками*. На записках Б.В. писал наш адрес — Дурновский переулок — с переводом на французский ruelle Mauvaise.

Игры с французскими словами отразились в сонетах, которыми в 1943 г. обменялись А.А. и Б.В. Из сонета Реформатского:

И часто серые туманы
(Кто скажет, что мы просто пьяны?)
Нам открывает тот простор,
Который так для сердца дорог,
Как сороков московских сорок
Ки ме дира, ке ж'э и тор?

А в ответном сонете-акростихе Томашевского есть такие три строчки:

Одна осталась мне для Вас "пуэнта":
Меж неизведанных еще фонем —
Унылое молчание студента.

Чужие рифмованные строки и вообще цитаты имели широкое хождение в языковом обиходе нашего дома. С отсылкой на поэзию доказывалось либо ударение, либо норма произношения. Чаще всего звучал Пушкин, потом Лермонтов, Некрасов, А.К. Толстой, Блок, Пастернак, Есенин, Маяковский. Цитаты произносились по любому поводу и из самых разных источников. Когда речь заходила о тумане, читалась частушка: По реке плывет туман — белая пеленочка. Вся любовь твоя — обман, окромя ребеночка.

Как пример путаницы существительного с глаголом приводился

курьез из истории с составлением в старину толкового словаря: *Балерина танцует "минует" — сиречь никого не задевает.* С особенной выразительностью произносились строки, положенные на музыку романсов и опер. *Достиг я высшей власти!* — пелось обыкновенно под душем. Разрушение надежд пояснялось фразой из пименовского монолога: *Но Бог судил иное,* правда, превратившейся в результате слияния со строкой *Лель сулил нам счастье* из "Руслана и Людмилы" в *Но Бог сулил...* Оплошность комментировалась пастернаковским: *Это ведь может со всяким случиться!.* Прозаические цитаты брались от Гоголя до Бабеля. *Цалуй маму, Глеба, ребятишек-кашлюнов. Петьку — особо. Это, как у Бабеля: Поставила Арина штоф водки, вино — особо.* Как правило, цитаты вносили в высказывания иронический и снижающий оттенок, и поэтому примеры из расхожего репертуара и высокой словесности уравнивались в общем потоке речи или тексте письма. Порою в цитатах происходила перестановка слов, и тогда они сопровождались подписью со словцом *якобы. Плакал папаша на фокусы Маши* (*якобы Некрасов*); *Что делать мне, болея?* (*якобы из классиков*). В последнее десятилетие цитаты приобретали все более серьезный и горький характер. Не считая Блока *совсем своим,* А.А. все же не раз приводил его строки: *Как тяжело ходить среди людей и притворяться непогибшим* (запись середины 20-х и 70-х годов). На собрании в Институте языкознания осенью 1968 г., где А.А. пришлось выступить, он снова процитировал своего тезку: Друзья мои, недаром, назвав XIX век железным, Блок говорил о XX: "Еще бездомней, еще страшнее жизни мгла...". Да, наш век видел немало страшного. И я, родившись вместе с веком, повидал достаточно ужасов. Однако, самое ужасное из того, что было в XX веке, — это фашизм. Фашизм имеет тысячи обличий... Будьте внимательны; учитесь узнавать фашизм везде и всюду, как бы он не называл себя сам!". Так воспроизвел речь моего отца в своей статье "Памяти Александра Александровича Реформатского" очевидец тех событий И. Мельчук и так передавали мне ее суть другие сотрудники Института. Минувшая история оставила явственный след на судьбе, мыслях и речи А.А. и его близких. Заметную печать на словарный фонд нашего дома наложила война. Какие-то слова были изобретены мной: *инфорбюровная сводка, облизка* (остатки каши, доедаемые мамой) и, наконец, для всех самое желанное — *важнособщенский музычный танц* (музыка, исполняемая по радио после "важных сообщений" о победах на фронте). Но было много слов, пускаемых в оборот и самими взрослыми. Некоторые они выдумали, а некоторые сильно актуализировались в военной обстановке: *авоська, положить зубы на полку, мощный драп* (о бегстве из Москвы 16 октября 1941 г. руководящих кадров), *убежество, темь* (темнота) и *тьма* (работы тьма). Приведу несколько отрывков из писем А.А. 1941—1942 гг., характеризующих его лексику, а также настроение и быт тех лет: *У нас 19 дней было "до первого дня творения, на 20-й бог МОГЭС сказал "Да будет свет", и мы ликовали; С 14.IX. институт возобновил работу. Дела очень много, но приятно и радостно всем этим эвакуяжникам показать, что в Москве мóжно и дóлжно работать, беречь науку, беречь моло-*

дежь... Все ворота́ в пору стали, а брю́ки висят зело; Редкий конь (конина — *М.Р.*) *не компенсирует солидных пустот, да и мука́ к концу.* Другое письмо: *Верчусь, как бес. Надо собрать все студенческие и профессорские силы. Лекции порой идут в "убежествах", но не прерываются... Но работать будем до последнего, авось оно не придет.* Или: *Город похож на развороченный муравейник: все двигаются в разных направлениях* (X.41). Зато к декабрю 1941 года картина меняется: *После славных дел Рокоссовского, Белова, Говорова и других в Москве деловое состояние упрочилось. А нас-то маловато — "знакомые все лица".* А.А. тяготится административной нагрузкой и взаимоотношениями с начальством, его нападками на достойных людей (гонения на М.И. Петерсона — *"петерсоновщина"*). *Он мечтает об отставке: ... надо науку двигать, а прозябая в деканах ни бум-бум и не сотворишь, а себе могилу выроешь.* И далее: *А студентам я буду полезнее без чинов: устрою кружки, спектакль, поедем в воинские части, в госпиталь.*

В конце 1941 г. А.А. принимает участие в работе научного *обчества* при Академии наук, занимающегося изучением русского языка нашей эпохи, в том числе и периода Отечественной войны. *Я читал уже доклад о сложных словах, собрался приличный синклит. Ищем свежий, живой материал от мастеров фронтового слова,* — сообщает А.А. своему сыну-фронтовику Игорю и расспрашивает его о функционировании некоторых новых слов: *Катюша, Марь Иванна* (*синонимы ли?*), *засечь* и *засекать в значении накрыть; употребляют ли у вас слово "ежи" и нет ли от него глагола? Реально ли словоупотребление "вошел офицер"* (*без кавычек, всерьез*). *Говорят ли так в быту или официально, или это на совести Евгения Петрова?* А.А. по строчкам разбирал корреспондентские опусы Игоря: *Что у тебя безусловно идет — это портрет; это те же способности, что и графика* (Игорь талантливо рисовал карикатуры. — *М.Р.*); *Твой талант сродни Гоголю, а не Байрону... а пафос положительных фигур банален. Впрочем, учитывая "начальство", от штампа далеко не уйдешь.* А.А. радовался простым и убедительным фразам (*тесная неуютная ямка*) и советовал, как преодолеть сухость: *дай в 1,5 строчках пейзаж, подкинь реплику собственной речи, штрих наружности.* А попутно шла *новая редакция курса "Введения" и исследование об альтернациях фонем. Таков мой удел!*

Меня же занимали тогда проблемы, как нынче выражаются, более глобальные: "Знают ли кошки, что идет война?", "Фашист ли Наполеон?". А самый важный вопрос тех лет, сформулированный мной и повторяемый взрослыми, звучал так: "А когда война кончится, все будет хорошо? И мороз будет теплый?" Все верили в победу, надеялись на "потепление мороза". А пока, как умели, берегли единственное тепло — домашнего мира. Инстинктивно это выливалось в создание особого лексикона. Моя память сохранила не столько сами названия, сколько согревающую интонацию свойскости, обжитости этого словесного мира. Папа обычно говорил *шьпо* (шапка — смесь французского со старомосковским), но *шляпа* — про человека-рохлю, *штанцы*, *мой енот* (донашиваемая с дедовского плеча енотовая шуба), *папа-суп* (способ переноса горячей кастрюли спущенными

рукавами), *горжетка* (узкий шарф), *пальмик* (хохол на моей голове), *нос в полмордочки* (зареванная физиономия), *кишкотряс* (ухабы), *дрыгунцы* (озноб), *буза* (ссора, а я во время ссор — *Бузильда Бузотеровна Бузовкина*), *шинданбон* (копилка конфет), *бюль* (бюллетень), *троль* (троллейбус), *эскулапша*. Были такие эвфемизмы: *ту-ту* (бюст), *держатель* (лифчик), *бомка* (часть тела ниже спины). Самое заповедное место квартиры обладало наибольшим числом синонимов: *некое место, приют, О-О, нужник* (по державински), *клóзет, сортир*, а поскольку в нашем доме образца 1916 года таких заведений было два (по-старому, для господ и для прислуги), то бывший *барский*, торжественно нарекался *Гладиатор* (по фирме, поставлявшей в дореволюционной России сантехнику — крупным латинским шрифтом по краю сосуда значилось ее название), а тот, что поплоше — ни больше, ни меньше — *Тридцать перьвый* (по *нумеру* трамвая, везущего в успокоительный московский элизий — Ваганьково). Увы! Много было выражений, связанных с опасным пристрастием хозяина к утехам Вакха: *живительная влага, капли СПГ* (150 г), *буво в бухво* (бутылка в буфете), *подлечиться, сбегать на уголок, тяпнуть, дербалызнуть, под банкой, немного пурбуар*, а с легкой руки Лескова и Томашевского *опрокидонт* и Чехова *нырнуть в рассуждении чего бы* или *на предмет чего-нибудь*. В письме из Малеевки читаем: *Водочку пью умеренно: завел по примеру Чичикова себе научного м ы ш о н к а, то есть кусочек ветчинки альбо колбаски в бумажке на веревочке за форточкой, и делаю, как говорят киргизы "ПЫРДЫБЫТ", что еще дед-покойник называл "трактирчик перед обедом"* (1964).

Отчетливо помню, что в доме говорили: *в концерте, гребенка* (не — расческа), *жалованье* (не зарплата), *заступ* (не лопата), *глядень* (вид), *калоши* с частым упоминанием четверостишия, принесенного Л.Н. Галицким: *У меня калоши есть, / Берегу их к лету, / А по совести сказать, / У меня их нету.*

Наш *многоуважаемый шкап*, хотя и был моложе того, что у Гаева в "Вишневом саде", всегда произносился через *п*. Так что когда мою дочь поправили в школе и сказали, что это — устаревшая форма, она ответила: *Да-да, у нас вся мебель устаревшая*. А.А. твердо настаивал на ударениях: ханжество́, мастерски́й, творо́г, некроло́г и несколько стилизованно кладби́ще (проверяя по Пушкину: "странствует с кладбища на кладбище" и тут же по неудобопроизносимому четверостишию про нищего). Вслед за Достоевским и Д.Н. Ушаковым писал по-старомосковски *цалую*. Очень редкое *свербит* употреблялось двояко: как одоление неотвязной, точащей мыслью (после смерти Сухотина — *мысль свербит: кто следующий?*) и как обозначение спасительного стрекота сверчка: *Ты сверби, сверби, сверчок, / В боксе 23-ем, / Чтобы милый Машучок / Выздоровел этим.* С надеждой на чудодейственную силу сверчка связана и доморощенная молитва: *Снизь, сверче, t°! Отсыпь!* (т.е. убери сыпь!) *Вели Машуку есть, спать, улыбаться и силенки набирать.*

А.А. любил сочетать и даже сталкивать признаки разных речевых стилей: славянизмы с галлицизмами, архаику с модерном, просторечье с литературным слогом. Он делал это со вкусом,

смачно и в то же время, естественно, погружаясь в тот пласт языка, в котором действовали его кумиры — Пушкин, Достоевский, Сухово-Кобылин, Лесков, Чехов, Бабель... Принимая органически новое в языке, А.А. не мог смириться со штампом и казенщиной.

Он смеялся над одним диалогом: "Маня! Я люблю Вас; — Ваня! А в каком это разрезе?" и цитировал песенку времени этого диалога: "Евонная Машка страдала уклоном, плохой промежду ними был контакт".

У него была привычка при любых обстоятельствах делать пометки или подчеркивать ошибки в попадающихся ему на глазах текстах, будь то сочинения писателей, научные труды, газетные статьи, уличные объявления или — еще хуже — *"подметные грамоты"*. Как-то А.А. вызвали в ГПУ и предъявили ему чей-то донос на него. Он, по обыкновению, достал свой сильно исписанный с туповатым концом красный карандаш и исчертил им всю бумагу, отказавшись по столь безграмотной писанине давать какие-либо объяснения. Неожиданно такой прием возымел успех, и задержанный был отпущен.

Речь А.А. при всех ее неожиданностях была живой и органичной. Он любил подать слово, вкусить его аромат сполна, подобно тому, как он ценил вкусную еду. Был такой эпизод. А.А., кажется, в первый и последний раз, допустили на дипломатический прием, подали черную икру, и он при всем честном народе вынул свежеизготовленный протез, положил его в верхний карман пиджака и с нескрываемым удовольствием принялся наслаждаться закуской. Экстравагантность, а иногда и кокетничанье присутствовали в его речи, но ощущение естественности все-таки было главным. Причем оно включало и слог, и интонацию, и произношение, угадываемые даже в письменной фиксации. Мера этой естественности в разных жанрах и в разные периоды жизни выражена неодинаково, но стилистическая суть едина. Из дневника охотничьих поездок: *Я подхожу к обычному месту и тыкаю ногою. Вдруг из-под ног тетерка и, шмыгнув между моими ногами (Sic!) поднимается... Первым мажу, вторым готова. Икс подал. В это время у Е.В. из проса вырывается петушок. Берет вторым. Решили обойти весь край. Икс картинно встает. Вылетает тетерка. Н.В. бьет первым. Итак все три известных взяты. Вдруг Икс в куст, стоит красиво. Веста ссекундировала, вылетает тетерка и ... все смазали! Tableau!; Ночью выводил собак — что-то сыро. Тайком, яко тать в нощи, подкрался дождичек. И к утру все было обложено кругом и то хлещет, то чуть стихает. Горе и тоска*! (август 1950). А теперь письмо к Н.В. 1963 года: *Дорогая Баба-Мама! И еще раз тебя новорождением поздравляю! Во внуке обретем мы право свое.* Вот *только ле пти дьябль Глебомаши не балуют телефонной информацией.*

В манере говорить, производить неожиданные словесные формы, каламбурить у А.А. было много общего с его другом гимназических лет Н.В. Тимофеевым-Ресовским. Задолго до приезда Колюши Москву в 1955 г. я слышала обращенное ко мне: *Мал, глуп, туп, кривоног, соплив и богу противен* и многие другие присловья. С детства врезался мне в голову духовный стих-считалка про 12 апостолов, который Н.В., однако, знал в более полном составе и испол-

нял на большом артистическом подъеме: *А мы люди умные Мы люди разумные, / Над школами ставлены, / Да во попы поставлены // Расскажите, что есть ДВЕНАДЦАТЬ. / ДВЕНАДЦАТЬ апостолов // ОДИННАДЦАТЬ звездочек, виденных ИАКОВЫМ. / ДЕСЯТЬ заповедей. / ДЕВЯТЬ чинов ангельских, столько же архангельских. / ВОСЕМЬ концев — честный крест. / СЕМЬ собор Святых Отец. / ШЕСТОкрылый серафим. / ПЯТИ язв во ХРИСТЕ. / ЧЕТЫРЕ Евангельи... / В ТРЕХ лицах Святый Бог. / У МАРИИ СЫН ГОСПОДЬ / ОН на небе царствует, / На земле господствует, / Королю-у-у-ет над на-а-ми. / Подайте слепенькому, Христа ради!/*

Гимназических друзей сближало и увлечение одними и теми же писателями (Лесков, А.К. Толстой, Гоголь), и воспоминания о славных днях русской оперы, а также и о собственных актерских опытах — постановке "Женитьбы", где Н.В. под псевдонимом Пискарев-Рыбниковский играл Кочкарева, а А.А. — Яичницу — под именем Ораловский-Горлодерский (в других спектаклях — Санька Одержимый). В выдумках прозвищ А.А. был неистощим, как впрочем и Тимофеев-Ресовский, некоторые были удачны и прилипали надолго. С помощью одних прозвищ укорачивались и утеплялись человеческие связи, очерчивался круг заведомо близких и дорогих людей: *Душенька* — А.Н. Ушакова, *Цвяток* — Г.О. Винокур, *Крупный* — Р.И. Аванесов, *Элемка* — Л.М. Поляк, *Додырыч* — Семен Давыдович Таубкин, разорвавший в 1942 г. последние штаны. Часто была множественная форма — на всю семью: *Реформаты, Фомичи, Шеры, Жаны* (по престарелому историку Жану — И.А. Витверу), очень дружелюбно и нежно звучали: *Василь Петров* (тесть — Вахмистров), *Яловой* (Яловецкий), *Агафоныч,* Митревна. Сын А.А. именовался *Волга, Волгун,* его мать — *Лев, Лесик* (из-за пышной гривы рыжих волос), моя мама — *Зверь* и *Маленец-маленечек* (по озеру в Михайловском), сам А.А. — *кротом и кротаем* (по типу Мазай).

Родители часто называли своих знакомых именами литературных героев и известных исторических персонажей: *Берендей* (М.М. Пришвин), *херсонская помещица* (И.Н. Томашевская — по даче в Гурзуфе), *Моцарт* (С.Т. Рихтер), *Леди Гамильтон* (несовершеннолетняя Е. Залогина, застигнутая на вечернем сеансе), *Золотой петушок, топ ami Pierrot* (внук Петя).

В раздаче прозвищ ощущалось много озорства и явного удовольствия от парадоксальности некоторых сочетаний: *донкихотик Петруша* (внук), *декадент Мазепушка* (зять, занимающийся искусством начала XX в.), *Содед* (отец зятя — Г.Н. Поспелов), *Феодал Титькин* (дворянин А.М. Сухотин), *Кенгуру в мышеловке* (Д.Н. Курсанов, великан, едва загружающийся в свой "Москвич"), *Три раз профессор звали* — под таким девизом фигурировала приятельница детства Дунечка, Е.М. Галкина-Федорук, именно в таких выражениях как-то описавшая свои ученые успехи. Критическая или резко отрицательная оценка выражалась не в наделении некоего лица новым прозвищем (дескать, слишком для него жирно), а всего лишь в легком изменении существующей фамилии. Так у меня на слуху запечатлелось: *Лебедев-Подлянский, Недовшивин, Смердюченко.* Исключение

составил ненавистный А.А. Жданов, прозываемый просто *жирный боров*. По образцу петербургского *Комода* (памятника Александру III) некоторые московские статуи также получили свои прозвища: Гоголь Томского — *Книгоноша*, а Горький у Белорусского вокзала — *Вернись в Сорренто*.

В унифицированному кругу обычных наименований прозвище проясняло акцент оценок, дистанцию и вносило игровую атмосферу, приводя всех носителей прозвищ в более динамичное соприкосновение. Причем сам А.А. в этом театре действовал и как маг-режиссер, и как актер с собственным амплуа некоего старомодного и чудаковатого типа. Его борода, отращиваемая согласно фамильной традиции и как своеобразный знак нон-конформизма, затерханная одежда с прокуренностями, архаизмы речи и странности поведения удревняли его облик. На улице его многие называли дедом, это и породило еще в сороковые годы прозвище *Дед Санчо*, окончательно узаконенное при появлении внуков. Начало было положено эпизодом, произошедшим на Салтыковском рынке во время облавы на дезертиров. А.А. был задержан патрулем и после проверки документов отпущен, как он рассказывал, *с радостным экскламативом*: *Дед! Дак ты сынституту! Ну и катись в ж...!* С этого момента он стал успешно выгрываться в эту роль, усиленную самопроизвищем *идейный Ваганьковец*. Дескать, списанный со счетов истории (что с него взять?) и ожидающий обрести покой на старинном московском кладбище:

И на Ваганьковских уютах,
Иль инде, может, где-нибудь
Закончу я без фраз надутых
Свой жизненный и скорбный путь...

Однако "Бог судил иное". А.А. был погребен на другом — Востряковском — кладбище. Но связь с Ваганьковым не прервалась и после его смерти. По предложению сотрудников Института русского языка и стараниями Наталии Иосифовны над могилой А.А. был водружен надгробный памятник, перевезенный с Ваганькова, где он некогда (до установки нового) стоял на могиле знаменитого ленинградского лингвиста Л.В. Щербы. Все признали в этом очевидный знак судьбы, ставящий конец спорам фонологических Монтекки и Капулетти.

В послевоенные годы, как впрочем и в последующие, начальство не жаловало А.А. Наступало время проработок и гонений. А.А. замыкался, слушал музыку, уезжал на охоту, играл в шахматы, отводил душу с Вакхом или уходил в придуманный им словесный театр. По-настоящему откровенен он был с двумя старшими друзьями — психиатром С.И. Конторумом (родственником мамы) и Б.В. Томашевским.

Находясь под сильным впечатлением от прослушанных мемуаров С.И. Конторума, А.А. пишет (III. 1947): ... *терпеть не могу "грядущего", ненавижу не только утопическое, но и всякое будущее, а вот прошедшее — в том числе мемуары, и особенно такие, как ваши — меня влекут нещадно...* И далее: *Неужели вы хоть минуту думали, что*

*такой "объективизм" пройдет в условиях "*s. realisma*"?... Что касается диссертации, то судьба наша с вами удивительно схожа — "передовые" идеи "взяты на тормоз" цензурой: у вас Фрейд и подобные, у меня "структурализм", который я придумал и назвал даже* (Sic!) *независимо от европейской науки... Гнусно писать диссертации* (это — эгоизм), *а еще хуже их "подлаживать". А писать-то вообще хочется и можется.*

В этой обстановке стариковское самоуничижение А.А. было оборотной стороной его гордости, своеобразной формой сохранения *лица не общего выражения* (любимая фраза моих родителей), ответной реакцией на леденящую атмосферу, которая вопреки надеждам на потепление мороза все более сковывала жизнь в послевоенные годы. Тогда-то и расцвела в домашних виршах А.А. стариковская и ваганьковская тематика. Появилась целая серия картинок с двустишиями, повествующими о незадачливых похождениях бедного старичка (внешне — вылитый А.А.), который вечно что-то терял, заваливался, ушибался, совершал кругосветные путешествия вокруг собственной кровати и, наконец, оскандалился на ступенях священного храма науки, именуемого *Десьянс заведение*. Домашняя цензура в моем лице попросила этот эпизод исправить: на тех же ступенях был изображен благостный старец, дующийся в карты: *И на паперти десьянс | Он играет в провиранс.*

Духом умонастроений этого времени отдают стихотворные корреспонденции А.А. и Томашевского в выпускаемую мной стенную газету. *Борис Викторáч* (как я его называла) спровоцировал меня вывесить в коридоре лозунг *Жаба — друг человека* с предложением ко всем обитателям нашей многосемейной квартиры высказаться по этому весьма актуальному тезису. Сам Томашевский представил стихотворение, построенное на обыгрывании противоположных значений одного и того же слова (жаба — болотная и грудная, дождевой червь и червь сомненья и т.д.):

Мы, конечно, гадам рады,
К ним я злобы не пойму,
Но двуногие есть г а д ы
Не по вкусу моему.

А.А. подхватил эту проблематику и сочинил полную аллюзий басню о жабе, *которой присудили без защиты диплом на доктора болот.*

И вот
она уже и в президентах,
проходит год,
Она в медалях вся и в лентах
заутра едет на парад
И там, сверкая в позолоте,
забыв, конечно, о болоте,
она уже лауреат!
(Но только — без жабят,
которые болотные
и без нее голодные...)
Так в чем же здесь секрет?
Науки и чины — не только жабам вред.

Тот, кто хоть как-то знает ситуацию тех лет, наверно без труда вспомнит не одного персонажа. Я же сошлюсь пока на дневниковую запись моей мамы о травле лингвистов в конце 1947 г., когда В.В. Виноградов в ответном слове главному тогдашнему проработчику Сердюченко сказал: "У Вас много званий и мало знаний". А тем временем каждый номер "Литературной газеты" разворачивал кампанию против интеллигенции. Битые и ошельмованные безродные "космополиты" и "формалисты" теснее жались друг к другу, вели разговоры на каком-то своем "эзоповом языке". Томашевский и Реформатский создали культ *Симон Диманш* (известный по нашумевшему делу Сухово-Кобылина, обвиняемого — а затем оправданного — в ее убийстве), который, как я сейчас понимаю, для них удивительным образом аккумулировал несколько самых характерных в ту эпоху зловещих тем: коварное убийство, неправедное заключение в тюрьму, доносы, выхватывание признаний под пытками и etc. И вместе с тем это был образ из мира театра, в который дозволено и поиграть. Симон Диманш обозначала genius loci. Только это loci понятнее перевести в четвертое измерение — genius temporis. Зимой 1948 г. Томашевский отправил А.А. послание в стихах, посвященное Симон Диманш. Оно выдержано ритме "Вечернего звона" Козлова и "Навозного жука" А.К. Толстого. Будущим историкам еще предстоит оценить это наполовину юмористическое, а наполовину драматическое сочинение из серии "Лингвисты шутят". А пока несколько строф:

Симон Диманш! Симон Диманш!
Увы! Не смейтеся над нею:
Она всегда возьмет реванш,
И я роптать на то не смею.
Как ни вертись, как ни крутись,
А разрешенье будет просто;
Найдешь успокоенье близ
Столпов Ваганькова погоста.
И должен ты своей судьбой
Беспрекословно быть доволен:
Не избежит ее Благой,
Ни Смердюченко, ни Еголин.
И с ними ты, покой любя,
Отыдешь в нужную минуту.
Поедут поминать тебя
По тридцать первому маршруту...

... Трудись, смиряйся и мечтай,
Как должно мудрому поэту,
Без раздражения читай
Литературную газету.
Фонологических затей
Не забывай модели милой,
И вспоминай учителей,
Увы! отторженных могилой
И сладок будет жизни сон,
Хоть и прерывистый и зыбкий,
И осенит тебя Симон
Диманш пленительной улыбкой 31 января 1948

Почти через тридцать лет, в 1977 г., А.А. вспоминая эти мрачные годы и окидывая взглядом свою биографию, напишет: *А что грустно,*

так это оттого, что жизнь кончилась, но я не ропщу! Я ее прожил не без волнений, но в общем удачно. "Кривая" меня много раз вывозила! А люди кругом были замечательные!

Заканчивая эти заметки, я хочу задать себе вопрос: есть ли непосредственная связь между типом человеческой натуры А.А. и его профессией? Помогла ли ему лингвистика состояться и что для него она значила? Отвечаю утвердительно. Да! А значила много и иногда все.

От природы А.А. был наделен темпераментом страстным, способным бросить его в волну жизненных увлечений. Интерес к языку и представлял одно из подобных увлечений (его крайность — графоманство, также случавшееся у А.А.) и нечто большее. Для А.А. лингвистика оказалась областью избранной и верховной. В его лингвистике сфокусировалось очень многое: и задатки ученого, и потенции словесного творчества, и актерские наклонности, но более всего — способ общения с миром. Язык ему виделся как высшее средоточие жизни. В языке он почитал закон и чувство сверхсвободы. Пребывание в языковой стихии давало А.А. то ощущение подлинности жизни, которую утрачивала реальность.

А.А. ощущал особенности речи во всех оттенках чувственного постижения мира. Слово у него имело озвученность, окраску, вкус, фактуру, временную протяженность, казалось плотным и разреженным. Он угадывал корни слов и проверял их сочленения, свинчивал и разнимал, шалил и владел. А.А. разыгрывал со словами настоящие вакхические игрища, сам иногда от этого хмелея. Он воспринимал словесную ткань, как язычник мир. Язык был его мироощущением. Идолом была "форма", пластически выявленная и до краев наполненная. Он ей поклонялся. *Я формалист!* — азартно заявлял А.А.

Но интересно, что почитаемая им "герметическая форма" слов и содержала для А.А. сублимацию жизни и одновременно заслоняла его от нее, освобождая от чрезмерного углубления и сообщая даже известную "глухоту".

И в те годы, когда у нас процветали бессловесные виды искусства (музыка, балет), а литература была в подполье, А.А. погрузился в лингвистику, старался укрыться в ней от идеологической агрессии. В языке он увидел гарантию сохранения культуры и человеческой индивидуальности в условиях действия разрушительных процессов 30—40-х годов. В "словесности" же он различал созидательные силы. А.А. не без гордости осознавал свою причастность к длительной языковой традиции в русской культуре и чувствовал ответственность за ее сохранение. В его стилистике справедливо находят черты сходства с Лесковым, Чеховым и даже В.В. Розановым (мнение Г.Г. Поспелова). Когда у него спрашивали: Что общего у Вас и Тургенева?, он отвечал: *Подагра и русский язык.*

А.А. плыл в языковой стихии, как он любил выражаться, a plena voce и поэтому ни разу там не оступился. Он был верен словесности до конца, и она ему платила взаимностью. Когда уже многое в его жизни отошло в прошлое, обрубались нити и иссякли физические силы, этот самый "русский язык" продолжал его питать и тешить, напоминать о былом и поддерживать. *А в березняках-то, поди, хоркают? А на*

жнивьях-то, поди чуфыкают?" / А жизнь-то прожита... (из письма к Н.В. 1975 г.). В таком свете видится мне мой отец, языковед-язычник.

М.А. Реформатская

ЯЗЫК ПИСЕМ

Анализируемые здесь 25 писем — личные. Первое из них датируется 1949 годом, последнее было написано в 1977. Адресат — ученица А.А. Самое общее впечатление от писем А.А.: они прекрасно передают все, что было свойственно обычно форме его непосредственного устного общения с людьми. В них проявляется живость ума, непринужденность, любовь к шутке (доброй и злой), блестящее остроумие, разнообразие языковых средств при точности выражения мыслей.

В синтаксисе писем нет ничего тяжеловесного. Для них нехарактерны большие периоды, разветвленные сложноподчиненные предложения, вводные конструкции. Даже в письмах на темы лингвистические, научной жизни, педагогического труда предложения достаточно просты по структуре. Синтаксису писем свойствен внутренний динамизм: *Не успел я получить ответ на мое предыдущее письмо, как бац! от Вас и Инны письмо и корзина!; А она — бабáх мне целую библиграфию на проверку!; "Веста"* [собака] *блестяще провалилась! Судья сказал: "...это поросенок на коротких ножках..." Позор! И мне, а не "Весте"; фэр тё кё? Ну, выпили. И как! Боже! По 6 заходов... Ужасно. У меня шок от выставки.* Характерны для писем и интонационно организованные фрагменты, где намеренные повторы, параллелизм средств выражения, ритмичность, "заключительный аккорд" фрагмента создают интонационную завершенность, музыкальность текста. *Провинция растерялась... мы боремся — не за "светлое будущее", а за настоящее. Надо дело делать, а не рассуждать о том, что такое:*

язык и мышление
слово и понятие
предложение и суждение } *болтовня!;*
язык и общество etc.

Но там есть Апресян, Шеворошкин, Витя Григорьев, указанные гонимые, чудесные "девочки" — умницы, честные, милые. Есть люди! Начало письма: *Да. Я — свинья, и уже, по обычаю, трижды свинья! 1) Так долго не писал, 2) Сего не объяснял, 3) Молчал, хотя ещё и не помер... Последнее — самое крупное из "трёх свинств"!*

Часты в письмах восклицательные предложения, отражающие экспрессию многих текстов; деятельность натуры А.А., неумение быть равнодушным к тому, что его окружало, непримиримость к одним явлениям и людям и восхищение другими выражается в письмах с большой эмоциональностью: *Хотя и получил... травму в "главный мускул", но подлечусь и вылезу на корт. Чудесно!; Весело то деду, влюблённому во внука: артист, чудак, — весь в меня!; А сидели мы как войдёшь налево... Эх, было времечко!; И я в "лаборантах": правлю, "переношу". Etc. Зарезан!; Н.А. Еськова блестяще защитила...*

уехала в Уфу. "Наши" идут по всей Руси!; Сколько же невзгод и злосчастий может выпасть на одну головушку!; По телеграмме судя, Вы не погибаете больше? Дай то бог! Цветите! Поучайте!; Очень мне понравилась Ваша книга... Но боже ж мой полиграфия!... Какая наборная какофония! Сволочи! Так испохабить хорошую книгу!; Что радует — это такие работы как Саши Калинина... Вот — уже молодой ученый! Как точно, тонко, дельно, умно!

Письма до осени 1959 г. написаны от руки, после этого они в основном печатались на машинке, выправлялись от руки, подпись — всегда собственноручная. Большинство писем представляет собой сплошной массив с абзацами, но есть тексты и с рубрикацией: пункт передает сюжет. Пункты обычно нумеруются (в одном письме 25 пунктов!), одно письмо разбито на ненумерованные части, отделяющиеся друг от друга чертой. Рубрикация обычно начинается после небольшой "шапки", возможно даже простое *Начну по порядку*, но есть тексты, где первый пункт идет сразу после обращения. Рубрикация может быть и шутливой: *Сразу обозначились две (2) вещи: 1) объявлено открытие весенней охоты, 2) "скучаю за Вами" ... Мероприятия: 1) по п. 1-му срочно еще СГ за открытие охоты и обзвон друзей-охотников с радостным кличем. 2) по п. 2-му: срочно за перо и писать Вам.*

Рамка письма традиционна по внешнему оформлению. Однако средства оформления начала и конца письма, речевое наполнение рамки разнообразны. Вот несколько образцов подписей: Ваш *сéрвитёр* (следует подпись); *Ваш экс-МЭТР, друг и старый дервиш Искандер; Ваш Искандер Ислахи, дервиш, поэт и срамословец; Ваш экс-всё Искандер Ислахи; Ваш отставной козы барабанщик Искандер* (*так подписано последнее письмо — 1977 г.*). Вот характерные для А.А. шутливые концовки: *Пишите! Не лайте; Жду ежчо писем; Н.И. здорова и кланяется. Машка трудится, Над. Вас. хрипит, внуки, тьфу-тьфу, не больны. Чего и Вам с Багометом, Тамарой и Тимуром желаю. Спасибо за приветы!*

Не совсем обычна графическая и орфографическая сторона писем. Обращает на себя внимание строгое различение букв *е* и *ё*, в отдельных словах стоит знак ударения (*что́ — уже́ "близко"?*), некоторые слова написаны прописными буквами. Кроме того, в письмах немало отступлений от орфографических норм, что может иметь разные причины.

Известна любовь А.А. к теоретическим вопросам графики и орфографии. Письма были теми текстами, где он мог в какой-то степени реализовать свои теоретические взгляды в этой области — это первая причина ряда, несомненно, намеренных нарушений норм письма.

После шипящих употребляется буква *о* вместо *ё*. Замена эта последовательна, но в ней прослеживается определенная закономерность: в первых письмах употребляется *ё* в соответствии с нормами: *учётом, за свой счёт, насчёт, ещё, пошёл;* начиная с письма 1959 г. в тех же и аналогичных словах встречается уже и *о*, в последних письмах — почти только оно: *течот, чорт, Толкачов, усечонные,*

двойного счота, насчот, ежчо (=ещё), *смущонно, жосткой, пошол.*

Два раза *ш* встретилось в орфографической группе *чн*: *скушно, скушным.* Может быть, А.А. считал, что здесь фонема *ш?* Не приходилось слышать, но вполне возможно, что в форме *скучен* он произносил *ш.*

Не все в письмах соответствует и правилам раздельно-слитного написания слов. Повторяющееся слово *в общем* пишется только так. В письмах явно разграничивается *то* как словообразовательный элемент неопределенных местоимений — здесь возможны как дефис, так и раздельное написание (*чем-то, что-то,* но и *что то, какой-то,* но и *какой то, когда-то, куда-то, как-то,* но *где то, сколько то*); и *то* как выделительная частица, которая пишется раздельно со словом, после которого она стоит (*И тут то вдруг; а уж в Нижний то Новгород; тут то и; А наука то; время то; А дома то; А вопрос то; а меня то; круг то; а сил то; и на гроб то; не очень то; и ноги то отказывают, и дети то разбросаны..., и муж то; Дай то бог*). Есть только три написания с дефисом: *насчет Кирова-то, Наконец-то!* и *вообще-то* наряду с *вообще то* в другом письме. Это разграничение становится особенно резким в письмах с 1959 г.

Часто графические и орфографические замены представляют собой и дополнительное средство выражения насмешки, иронии или сарказма и просто шутку. В ряде случаев ненормативное написание приближается к фонетической транскрипции (чаще передается ненормативное произношение): *перьвое* [ь подчеркнут; в других случаях это слово без мягкого знака] и *церькви* [старомосковское произношение; слово *первый* А.А. иногда в шутку произносил с *р'*]; *Экзамены по 30 душ на день... Жють* [*ю* подчеркнуто]; *Кажный день в авдитории* [*н* и *в* подчеркнуты]; *Цалую, цалуйте* и один раз *Цаллуjу!!; Все лекше* [подчеркнуто все слово] (*см. предыдущее письмо*) — в предыдущем письме А.А. речь шла о рифмовке у Маяковского этого слова со словом *калекше.* Круг лексем, выбираемых для псевдодиалектных трансформаций, отнюдь не случаен: *председатель мяскома, черносотэнка.* Нормативное произношение слов часто соотносится с ненормативным написанием: *Обрам Боришц; Жду ежчо писем* (ср. знаменитый образец: *озперанд*).

Шутливым было использование кириллических букв: *вигль съ нимь, Ваш сѣрьвитёр; Дѣ-Сьянс* (даже в словах французского языка!), *Погода у нас нулёвая, значит, хрѣновая.*

А.А. любил кавычки. Это заметно и по его лингвистическим работам. То же — в письмах. Функции кавычек здесь разнообразны. В самом общем виде случаи их употребления можно разделить на две группы. Наиболее многочисленная из них включает в себя воспроизводимые автором чужие слова, т.е. в том или ином виде здесь представлено цитирование. Источники его могут быть разными.

Цитаты из произведений художественной литературы: *Про московские грустные дела Вы, наверное всё знаете. Чорт те что! "И рад бежать, да некуда..."; Спасибо за телеграмму и за пожелания. "На свете счастья нет, А есть покой и воля..."* Пушкин; *Вобщем*

круг то небольшой: "*ничего не хочу, ничего не желаю*" (*Максим Горький, "На дне"*); *Страшная апатия и полное безразличие. А в остальном "думаю по Гамлету"*: "*умереть — уснуть?*"; "*Лучше я пойду на биржу и кому-то в морду выржу...*" — *так "вроде" говорил Маяковский; А в пятницу была весь вечер Маша, "Мы сидели вдвоём", только не у "заснувшей реки"* (*Ратгауз, муз. Чайковского*), *а так.* Цитата может быть и не из русского источника, хотя и написана русскими буквами: "*Лё стиль с'э де л'ом*" — *сказал когда-то Бюффон, а не* [...] Может быть, однако, и ссылка без точной цитаты, в таком случае кавычки отсутствуют: *Я на "Синхронии и диахронии" процитировал Абаеву из Лермонтова, что де если встретимся на узкой дорожке, то...* (*см. текст*).

В письма вводятся также фразеологизмы, крылатые выражения, их фрагменты: *во исполнение "адмиральского часа"*; *письмо, написанное* [...] *в состоянии "тово"*; *Очень красива. Однако абсолютно не "моего романа"*; *стала такой "архивной крысой"*; *хуже, чем "злой чечен"*; *а для таких "фортунатовцев"* [...] *это "нож вострый"*; *А в научных институтах другие "цветочки": чинопочитание, фальш, отсиживание и пр.; Пикируемся из-за "двойного счота" парадигмофонем и синтагмофонем.* Впрочем, в аналогичных случаях кавычки могут и отсутствовать, например: *а осталное — ловкость рук и никакого мошенства; все течот!* В кавычки заключаются и перефразированные известные выражения: *Идите "по линии наибольшего сопротивления"*; *Статья этого "потомственного почетного дурака"*.

Много случаев использования (хотя и непоследовательного) кавычек при введении в текст тех или иных речевых фактов. Кавычки в таких случаях как бы обозначают: "как говорят". Отношение к этим фактам у А.А. может быть разным: от слегка насмешливого и ласково-ироничного до полного их неприятия. В шутку используются факты, не соответствующие нормам литературного языка: *скучаю за Вами; на сей предмет у нас тоже Капказ!* Не по душе А.А. были и избитые фразы, канцеляризмы, дежурные слова: Спасибо за Вашу "исключительную *добросовестность*"; *чтобы не только возразить, а просто высказать "соображение"*. Ср. случаи с дополнительной отрицательной экспрессией: *взял "всю полноту власти"*; *это след и царизма и "инородческой психологии"*, *чорт бы ее подрал.* А в предложении *...столько шушеры ходят во степенях и считаются "научными"* кавычки выражают уже отношение автора только к объекту речи, а не к слову как таковому.

Значительно число случаев, где А.А. вводит в свой текст слова и выражения конкретных лиц (они могут сопровождаться ссылками). А.А., обладавший прекрасной памятью, охотно повторяет понравившиеся ему суждения или повторяет то, над чем посмеивается или зло смеется. *Но я предпочитаю эти грехи "питерскому поджиманию губок"* (*выражение С.С. Высотского*); *Вспомним прежде всего "незабвенного Филиппа Фёдоровича", как начинал свои речи покойный академик М.М. Покровский; "В части Устинаго"* (*как любил изъясняться* [...] *дурак-полковник Львов-И-Ванов*). Чужие высказывания

могут вводиться при помощи частиц *якобы* и *дескать* (с разным местом кавычек): *Несмотря на всю мою "якобы далёкость" от школы, меня это всё живо интересует.*

Письма — это в определенном смысле часть диалога. Во всяком случае, для А.А. была характерна живая реакция на содержание письма корреспондента и, в частности, использование — в кавычках — его высказываний: *"Рекламирую" я Вас не спроста; Почему она "рыжеватая" — судить Вам; Итак, которая "мучима" и "раздираема" - не вешать нос на квинту; насчёт "снять одного языковеда".*

Кавычки являются дополнительным средством выражения крайней язвительности и сарказма в тех случаях, когда А.А. говорит о своих научных противниках или о тех, кого он не считал истинными учеными или кто проявлял беспринципность в науке. Заключенные в кавычки, цитируемые слова становятся символом неприемлемого для А.А. отношения к лингвистике: *подумакиваю о вреде "значения" для речевого общения* (!); *клеймит всех за "невнимание к знаку", но делает доносы на умных; ряд лекций, из которых одну мне пришлось целиком посвятить Соссюру, так как о нем эти четверокурсники знали лишь то, что "он вредный"!; коньюнктурную стряпню... на тему о "Курско-Орловских говорах"; Борюсь... чтобы изжить альянс с "филологией"; Боремся, чтобы не было: они "жрецы", "теория", "методология" — а нам — (под напором "новой жизни") — "допускается", "дозволяется" заниматься "статистикой", "учетом"* (*sic*!) *и пр.*

Вторую группу составляют те случаи, где в кавычки заключены высказывания самого А.А. Эта группа, как и первая, неоднородна. Кавычки как бы предупреждают: слово или сочетание употреблено не в своем прямом значении: *Её план переделки Вашей "реплики" меня не убеждает* /речь о научной заметке/; *Я перередактировал* I и II. *Сильно не ломал, учитывая реальность: Вас нет, есть 1/3 "Наташи"* (речь идет о лаборантке, обслуживавшей три кабинета); *Мы* [...] *уедем в Ялту* [...] *"сушить" ноги и бронхи трэба; я лекций давно не читаю и с последним вузом "в разводе"; дело в "дружках"* [о людях, обеспечивающих определенному лицу незаслуженные успехи в науке); *"стр. выг." утвержден, но сие "благо"* (т.е. "это самое лучшее, что может быть, хотя само по себе совсем не благо"); *а уж оного* [...] *она так "любит", что ОЙ!* (Здесь значение прямо противоположное обычному); *Борюсь* [...] *чтобы изжить альянс с "филологией" — долой "бабушек"! Да здравствуют "подруги" — логика, математика, техника, антропология, этнография, поэтика!!; а сейчас мне приходится "отсиживаться" в синекуре.* Вот еще шутка, где изменение значения возникает в результате искажения заимствованного и калькирования иноязычного слова: *Плохо он себя "носит". Болен перманентно.*

В одном случае в кавычках оказываются фамилии: *борьба с ретроградами* [...] *молодёжи: "Реформатский" (59) Иванов ВВ (30) Топоров ВН (29), Андреев НД (40) "Зиндер ЛР" (55).* Кавычки показывают, что две фамилии выпадают из всего ряда, объединяемого обобщающим словом *молодежи.* Возраст в скобках — своеобразная расшифровка кавычек. Расшифрованы они, хотя и другим способом, и в та-

ком случае: *Пока же она "в отпуске", то есть ей заплатили за многие дни неиспользованного ранее отпуска* (на самом деле это не отпуск, так как лицо, о котором речь, уже не работает).

В кавычки заключены некоторые индивидуальные образования А.А.: отдельные окказионализмы и некоторые сочетания, представляющие собой образные выражения, своего рода индивидуальные "фразеологизмы", метко и остроумно характеризующие определенные явления или отдельных людей: *сняли со "стр. выг. и инфарктом (sic!)"*; *спасибо Вам* [...] *за точность Ваших "текстологических охот"* (речь идет о чтении рукописей); [...] *за Ваше беспроигрышное "воскрешение покойников"* (т.е. за помощь неуспевающим студентам); *Он "спасает науку" путём блока с* [...] *Мерзость!* В предложении *Пусть Вам напишет о сем "развлечении" в форме полуизящного балета И.С. Ильинская,* где речь идет о научном заседании, вызвавшем отрицательную оценку А.А. и его друзей, в равной степени со словом *развлечение* могло быть заключено в кавычки и сочетание *полуизящного балета.*

Иногда кавычки А.А. могут даже удивлять. *Один и тот же говорящий может сказать и "д'верь" и "дверь", и за это "карать" нельзя: все течот!* Здесь и без кавычек понятно, что *карать* в переносном значении. Может даже показаться, что подобные случаи выражают недооценку собеседника (корреспондента). Но дело, конечно, не в этом. Ведь в устном общении А.А. не меньше шутил, но не объяснял при этом, что шутит. Можно думать, что А.А. стремился найти на письме адекватную замену средствам, играющим большую роль в устном общении — интонации, мимике, жесту, выражению глаз. И одно из таких средств на бумаге — кавычки. Отсюда такая большая к ним склонность А.А.

В письмах А.А. представлена вся гамма стилистических средств от самой "высокой", книжной лексики до элементов, находящихся на грани литературного русского языка или явно за его пределами. Функции их в разных текстах неодинаковы.

Письма А.А. пестрят разговорными и просторечными словами и устойчивыми сочетаниями: *дети прихварывают; немножко прихворнула; москвичей, которых я слыхивал; Не ерундите с внуками: Маша должна кончить университет; Спасибо за оттиск и за писульку; шлю ей писульку через Вас; насчёт денежек — тово-с! а там, де, её ещё год продержат; Авось помру — будет Ваша; Можно читать вслух в подпитии; Слегка грохнули под Люля-Кебаб; и с 1/VI она — тю-тю; с ним приятно поговорить и партийку в шахматы сгонять; Погода у нас на нуле: мокро, лужи;* См. выше в текстах *бац!; бабах*!; возможны отчества в их разговорном варианте и даже без имени: *Р. Иваныч; Лидию Николавну; когда ему Тимофевна позволяет;* фамилии на *о* с окончанием *-у* в вин. пад.: *Головенченку, Гаврутту;* возможна несклоняемая форма имени при отчестве (даже на конверте в адресе: *Рашель Иосифовне* (так несколько раз, но в основном — *Рашели*).

Подобные элементы и создают прежде всего непринужденность и

шутливость тона многих писем, его необычайную живость. На общую окраску слова как элемента сниженного стиля может накладываться экспрессивность. Слово подчеркивает степень признака: *Де́ла — тьма; Устал дико; я страшно много работаю; Страшное Вам спасибо; А разнобоя у него — пруд пруди!; я* [...] *бился, чтобы ему доказать, что здесь не в философском смысле* [...] *— ни в какую!; Она на* [...] *рвёт и мечет.*

Просторечные и разговорные слова отнюдь не исключаются и в тех фрагментах, в которых А.А. пишет о себе, о своем состоянии и настроении, далеко не всегда радужном. Создается известное несоответствие содержания и средств его выражения, но именно оно позволяет автору сдержанно писать о неприятном: *Сам я плох: ноют все кости и мускулы, делаю муру; и переменно подкалывает меня эта гнусная хворь; ещё с Москвы меня прищучил ишиас; Эх! Прощай не только молодость, но и жисть вся! А все не дохну; не отвечаю, — хрэн с ним; не пишу, — пёс с ним и т.д.; Бегу, хромая на все три, взапуски: кто скорее — она выйдет или я сдохну* (речь о книге А.А.); *Письмом отвечу, когда отойду* (*т.е. либо выздоровею, либо с Ваганькова*).

Разговорная и просторечная лексика выражает и разное отношение А.А. к разным людям. Она органична и в текстах, отражающих любовь, восхищение, уважение, заботу, участие, которыми А.А. щедро одаривал близких ему людей, друзей, коллег, учеников: *внуки, тьфу-тьфу, не больны; Машкиному Петьке исполняется 12 лет!; Есть там мил-человек Нина Арутюнова; Прекрасные работы сдали мне ребятки из МГПИ* [...] *Наслаждался; а Петя мужик умный и нужный; Вы уже читаете — и читайте; что раз 5 проврётесь — не бойтесь! Все так делали; Как тут быть — ума не приложу* (об устройстве на работу уволенного лингвиста).

Но так же органична подобная лексика и в других по характеру текстах — сердитых, проникнутых недовольством, горечью, злым недоумением, гневом: *я не одобряю. Но — дело хозяйское; В* [...] *очень паршиво; взял "всю полноту власти" и творит чорт-те что. На носу разгром. Л.И -та* (*выгоняют ВС.,* [...] *выгоняют ещё кое-кого*); *столько шушеры ходят во степенях; а натаскивать её на диссертацию* [...] *я не могу* [...] *У меня 22 комиссии на шее; Либо согласитесь, либо опровергните, а то я подумаю, что зря бился мордой об стол!; Зачем его* [...] *переволок* [...] *в Москву?; читал* N [...] (названо издание). *Ну, и мура!*

По отношению к конкретным людям, вызывавшим крайне отрицательные эмоции А.А., появляются и еще более сильные выражения, вплоть до ругательных слов (но всегда в рамках цензурных выражений): *Главред какой-то болван — литераведь; где* [...] *он был замдекан. Тип!; такие идиоты читают, что ой!; А то бы и дубину* [...] *-ва грохнуть* [...] *он во всех отношениях сволочь; А* [...] *хуже, чем "злой чечен" — он морда недобитая; Ваша оценка этих двух хамов вполне справедлива* [...] *— это черносотенец, упрямый дурак и тупица, а* [...] *первостатейный самовлюбленный хам; Сколько же сукиных*

детей на свете водится! Сволочей больше, чем Вы думаете. Но бороться надо. Рядом с указанными элементами сниженного стиля в письмах употребляется и книжная лексика. Мы не будем здесь говорить о тех письмах или фрагментах, где само содержание требует элементов книжного стиля. Это, например, рассуждения на лингвистические темы. Можно лишь отметить, что неизбежная здесь книжная лексика "разбавляется" элементами противоположного стиля, что разрушает излишнюю строгость изложения, делает его живее и образнее. Склонность А.А. к такому изложению проявлялась и в его лекциях и даже в научных работах. Примеры из писем: *Ее план переделки Вашей "реплики" меня не убеждает — это иной коленкор; Ритмическая уравниловка слогов... и сама по себе отвратительна; сейчас линейные позиции испытывают "расшатанность"; По структурной формуле морфологического строения ГОЛЬ не просто Х, а Х=фоэ (=формообразующий элемент), и это "фоэ" зарыто в палатализации в конечном счёте.*

Элементы высокого стиля в письмах не сводятся, однако, только к терминам или близким к ним фактам и вообще не прикреплены только к научной тематике. Они рассыпаны по письмам и встречаются в разных по содержанию текстах. *Одиссея Ваша грустна и мало результативна не по Вашей вине; одно из прекраснейших проявлений природы; этому завету я всегда остаюсь верен; потеряли мы в декабре большого друга моего С.И. Ожегова. Это мне бесконечно тяжело; Даже пафоса Ваганькова нет. Становится все равно, где похоронят*). В рассказе о своих неудачных попытках в молодости читать лекции, подражая Д.Н. Ушакову: *Я пошел к ДН излить печаль и недоумение.*

Нередко книжные слова создают шутливый эффект, попадая в контекст, по содержанию явно для них неподходящий. В рассуждениях об устройстве на работу адресата: *приветствовал бы Ваше восшествие на сей трон; Привет Багомету и младшей гильдии* (т.е. младшему поколению).

В письмах есть и устаревшие слова (*Сам я не авантажен; ноги болят, плохо подвижен; не выходил из нумера*). Есть некоторые старомодные выражения, употребленные с налетом шутливости (понятие старомодности вообще не вяжется с речью А.А.): *А вопрос то Ваш ещё умнее, чем вы, душа моя, думаете: Но если по-Вашему должно быть* [...], *то извольте и* [...] *Но меня увольте!; Сам туда не звонил, а то потянут на какое-нибудь дело — слуга покорный!*

Все другие случаи употребления устаревших слов — это явная шутка, иногда — озорство. Их употребление аналогично использованию в письмах кириллических букв: *достолюбезная* (в обращении в начале письма); *и не умён он зело; сиречь;* слово-ер (несколько раз): *я люблю друзей, учеников и особенно учениц, и чтобы с ними выпить, ну, и подумать. Вот-с!;* в форме *онѣ-с* (о жене и дочери), используются и три устаревших местоимения: *оная русалка* [...] *принесла мне Каринского; Сын мой* [...] *был вспоен козой, кою* [*коею?*] *я пас, уча экзамены, кои* [*ии?*] *сдавал на "в.уд.";* и особенно активно *сей:*

Люблю сей град! Место сие знаменито; Ответьте на сие; и всё исходит сим потом; они, конечно, скоро увянут, но и нас сие не минует! даже докторов наук посылают на сие!

Употреблявшиеся иногда А.А. в устной непринужденной шутливой речи диалектизмы встречаются и в письмах. Это могут быть как диалектные слова (точнее, лексико-фонематические диалектные варианты): *Вчерась экзаменовал заочников; хочет уходить оттэда; клясть меня не след!; Скусно!,* так и воспроизведение диалектного произношения: *возля Звенигорода* и грамматических диалектизмов: *Ничего не поделаш!; Сезон пришодцы.*

Чаще встречаются в письмах иноязычные элементы. Это может быть либо прямое введение в текст слов и выражений из других языков, либо наложение на русское слово особенностей другого языка (интерференция). Иноязычные слова могут вводиться как в подлинном их виде, так и в русском графическом обличье: *экзаменовать еще можно "a la такой-то"* и *О натюрель, Фэр тё ке? Очень был рад получить от вас этвас.* Даже любимые аббревиатуры СГ и СПГ (сто грамм, сто пятьдесят грамм) могли появляться в латинском облике.

Нередки в письмах словообразовательные окказионализмы. Часто это образования по конкретному образцу: *Работо- и мыслеспособность пала по Реомюру ниже нуля, а по Фаренгейту — и еще куда-то вниз. Хочу в лес, в бездумье, но не в безумье.* А.А. любит экспрессивные глаголы: *Когда отчухнете от беды; заочники понаехали, очники досрачиваются... Жють!* (т.е. сдают досрочно); *Подумакиваю о вреде "значения" для речевого общения.*

Здесь был проанализирован материал писем, адресованных одному лицу. На наш взгляд, они вполне отражают характерность стиля А.А. в дружеском жанре. Надо помнить только, что с большинством своих адресатов А.А. устанавливал индивидуальный стиль эпистолярных отношений. Тем более различались письма ровесникам и ученикам, мужчинам и женщинам, родным и коллегам, официальные и личные. Чтобы дать читателю представление о совершенно ином — официальном типе писем, приведем один из образцов его.

Ректору Московского университета акад. И.Г. Петровскому

Глубокоуважаемый Иван Георгиевич!

Волею закона о совместительстве мне пришлось уйти из университета и уже волею деканата никому не передать дела по заведованию Фонетической лабораторией Филологического факультета. Проработав в лаборатории пять с половиной лет, я немного добился в отношении ее оснащения должной техникой, но это вина не моя: Вы помните, как я обивал пороги и хлопотал об этом. Если сроки подойдут, и заявки на аппаратуру будут удовлетворены, — я буду рад: не зря добивался. Сами понимаете, что я болею душой за то дело, которому отдал почти шесть лет.

Сейчас у лаборатории фонетического руководства нет. Это грустно, так как вокруг нее уже успели сложиться некоторые научные традиции и был установлен хороший контакт с фонетистами многих университетских кафедр. Но хуже бы было, если бы кто-нибудь, не имея ни компетенции, ни авторитета "в пожарном порядке" заменил меня и мог бы напортить, тогда как можно и должно продолжать и совершенствовать то, что удалось наладить.

Есть одна кандидатура в мои заместители. Это Андрей Анатольевич Зализняк. Сейчас он кончает аспирантуру МГУ как раз по специальности экспериментальной фонетики. Это человек исключительных лингвистических способностей, по командировке МГУ обучавшийся в Париже у А. Мартине (одного из самых блестящих лингвистов современности), избранный членом Парижского лингвистического общества и проявлявший большой интерес к экспериментальной фонетике. Я его знал еще студентом и могу о нем сказать только самое лучшее. Если бы место заведующего Фонетической лабораторией МГУ можно было закрепить за Зализняком, я был бы совершенно спокоен за судьбу любимого дела, с которым меня разлучила судьба.

Со своей стороны готов всячески помочь А.А. Зализняку в делах лаборатории и словом и делом.

Хорошо, если бы Вы, Иван Георгиевич, снеслись по этому вопросу с деканом Филологического факультета Р.М. Самариным и с заведующим кафедрой общего языкознания В.А. Звегинцевым, в распоряжении которой состоит кончающий аспирант Зализняк.

С уважением А.А. Реформатский

8 III 1960

Р.И. Лихтман

НАУЧНЫЙ СТИЛЬ

Многие особенности языкового мира А.А. Реформатского нашли воплощение и в его научных текстах, которые являются поистине благодатным материалом для воссоздания языкового портрета их автора. Научная проза А.А. глубоко персоналистична. Она пронизана необычным для этого жанра личностным началом, хранит в себе живые следы особого отношения А.А. к своим читателям и к науке в целом, которая никогда не была для него предметом холодного аналитического размышления. В предисловии к книге "Из истории отечественного языкознания" Александр Александрович пишет: "... будучи еще студентом, я наряду с увлечением поэтикой начал влюбляться в лингвистику, и эта любовь началась с вопроса о фонеме... Вот эта влюбленность в фонему, зародившаяся в молодости на университетской скамье и не покидавшая меня до старости, настоятельно требовала на склоне лет обдумать для себя и для других непростой путь борьбы за фонему и за новое понимание не только фонетики, но и структуры языка в целом" (Реформатский, 1970, 4)[1].

В отличие от многих обезличенных научных текстов, направленных на простое фиксирование информации, научные тексты А.А. предполагают активную коммуникацию со своими читателями, что невозможно без открытого проявления творческой позиции их автора. В своей работе 1933 года "Техническая редакция книги", излагая "терию защит", предвосхищавшую многие существенные для семиотики теоретико-информационные идеи, А.А. Реформатский писал: «Употребление термина "защита" в отношении технической редакции имеет прежде всего то значение, что он подчеркивает качество борьбы в процессе восприятия текста, — читатель активно действует читая, для понимания ему надо преодолеть формальную сторону текста, чтобы воспринять, в свою очередь, активное содержание. Активизация графики — вот основная идея теории "защит", при которой диалектически преодолевается противоречие "мертвой буквы", лежащей между

живым смыслом и живым читателем, и значение термина "защита" следует понимать как защиту читателя» (1987, 2, 151). А.А. Реформатский всегда сознательно активизировал форму своих научных текстов, начиная от их графического вида.

Характерную особенность научной прозы Реформатского составляют три взаимосвязанных момента: 1) синтез научного и художественного миропониманий, 2) соединение форм письменной речи с ее строгой отработанностью и рафинированностью и устной речи с ее спонтанностью и непосредственностью живого говорения, 3) широкое использование помимо строгих терминов также периферийных для научного языка средств естественного языка — архаизмов, неологизмов, иноязычных слов, а также элементов бытовой речи. Во всех этих особенностях текстов А.А. рельефно проявляется творческий облик их автора — счастливо соединяющего в себе вдумчивого ученого, виртуозно владеющего техникой теоретического рассуждения (не случайно он считал своими учителями и любимыми авторами Э. Гуссерля, Г.Г. Шпета и Р. Декарта[2]) и блистательного рассказчика, наделенного редким даром слова, артистизма и понимания своих слушателей. Союз науки и искусства, рационального и интуитивного миропониманий был его идеалом, о чем он так писал в "Фонологических этюдах": *Меня всегда поражал рассказ о том, как, увидев падавшее с яблони яблоко, Ньютон понял закон тяготения! Это микровидение, ведущее к макропознанию, мне всегда представлялось тем идеальным сочетанием живой интуиции с высокой способностью разума, синтезом Рафаэля и Декарта, что экс—экво дорого и науке, и искусству* ... (1975, 1, 129). Исследователи творчества Реформатского обращают внимание на то, что его работы (книги, статьи, лекции, доклады) при всей своей строгой научной доказательности всегда производили "яркое эстетическое впечатление", что связано с его способностью "отвлеченное показать через остро понятое единичное"[3].

Художественный дар Реформатского ярко проявился в его способности изображать "жизнь" теоретических идей через жизнь переживающих и осмысливающих эти идеи людей. Историко-научный процесс в его изображении предстает не как борьба идей самих по себе, а как диалог ученых, занятых поисками истины и преодолевающих неизбежные на этом пути заблуждения. Научные тексты Реформатского независимо от их содержания обычно имеют элементы скрытого диалога с читателями, с самим собой или же с теми авторами, идеи которых в них излагаются или комментируются. И даже, если повествование у него дается в виде монолога, — это всегда речь, обращенная непосредственно к слушателям, а не простой "поток сознания", фиксирование мысли для себя или интеллектуальная игра как самоцель. Тексты А.А. часто строятся в виде вопросов и ответов. *Можно ли считать язык системой чистых отношений?,* задает он вопрос и отвечает: *И да, и нет* ..., давая подробную аргументацию (1970, 518). Иногда в повествование вводится позиция возможного оппонента, с которым автор вступает в беседу, см.: ... *на все это можно возразить: при чем тут форма слова*

дробь? Ведь речь идет о данном слове, а не о других. Верно. Но и "другие слова" состоят в связи с данным словом ... (рукопись)

Производимая Реформатским рефлексия над историко-научным процессом в лингвистике часто предстает у него как драматическая миниатюра. В тексте приводится много обширных цитат на языке оригинала (русские авторы — естественно, по-русски, Ш. Балли, А. Мартине, Ж. Фурко, Ж. Марузо — по-французски, В. Трнка, А.А. Исаченко — по-немецки). Это создает впечатление звучащих живых голосов в полемике. К таким высказываниям А.А. дает свой комментарий в виде развернутых реплик или развернутых оценок, который предшествует цитациям, завершает их или же звучит как бы параллельно с ними, создавая эффект полифоничности. В последнем случае комментарий может непосредственно прерывать цитату (см.: *на минуту остановим цитату: "бодуэновскую школу" надо дифференцировать* ... (1970, 17) или включается в ее текст во внутренних скобках ("?", "!", "*с удовольствием присоединяюсь к этому мнению!*", "*сколько ошибок в одном коротком словосочетании!*") (1975, 1, 58; 1987; 1, 116). Иногда комментарий сводится к краткой эмоциональной оценке. См.: "*Система нуждается в нуле, чтобы стать еще совершеннее*", — *приводил из индийских мудрецов чудесный В.Н. Топоров* (1987, 262).

Коммуникационное поле общения увеличивается за счет подключения потенциальных участников беседы — ученых, о которых А.А. вспоминает по ходу изложения своих идей. Говоря о безударных слогах, он восклицает: ... (*да простит нам Щерба!*) ... или же, упоминая об и-овой транскрипции, замечает: ... (*так любил называть Олаф Брок!*) ... При чтении Реформатского возникает эффект дружеской беседы из-за того, что цитируемые авторы (П.С. Кузнецов, Л.В. Щерба и др.) часто называются без фамилий (*Петр Саввич писал* ... 1975, 42, 91, 30).

Разговорный характер текста даже при изложении самых сложных теоретических идей и метанаблюдений у него достигается часто за счет включения различных реплик и замечаний, которые, как и в случае комментария цитат, обычно вводятся в скобках. Эти реплики, выражая личное живое отношение А.А. к излагаемому содержанию, разрывают методичную линейность повествования, указывая на возможность других ходов мысли в соответствующем фрагменте текста и оживляют изложение, придавая ему непосредственность, диалектичность, лаконизм. См. например: *Определение "позиционное" имеет смысл по отношению к "комбинаторное" ... (а, кстати сказать, ведь и "комбинаторные" явления — позиционны!) ... Вне аспекта значимости (а это не значит значения!) факты языка немыслимы...* (1987, 122, 130); ... *до последней эпохи (а чем это мерить!) ... Не только важна сукцессивная последовательность, но и симультанное целое, будь то сонет Петрарки (самого!) или же "Сонет Петрарки" Листа...* (1975, 45, 53).

Полифоничность и эмоциональность повествования у Реформатского создается также за счет использования различных "инкрустаций" — афоризмов, пословиц, поговорок, речевых клише и др., — оживляю-

щих строгость стиля научного повествования. Так, приводя толкование термина "каденция" у Б.В. Томашевского, А.А. замечает: ... (*как тут не вспомнить бессмертные строки Данте*: *"E comte corpe morte cadde*!") ... — а, завершая описание дискуссии об интонеме, пишет: ... *Воистину, темна вода во облацех*... (*1975, 61, 66*). Бодуэн де Куртене, по Реформатскому, *тем-то и велик ... что оставил такое наследие, в котором "сам да понимай себя"* (1987, 17). Он считает, что в письменной речи *нет места "страстям-мордастям" устного разговора* (1975, 12) и упоминает о сторонниках таких научных взглядов, когда *за деревьями не видят леса* (1967, 32), о теоретической позиции ленинградской школы Щербы, которая *ближе к Джонзу и к положениям "доброго старого времени", чем к фонологии*, о таком понимании, без которого лингвисты не могут быть *строителями подлинной жизни, "жизни всем и для всех"*, о трудах Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона и *прочих чехов* (1987, 123, 40, 120).

Строгость научного описания у А.А. Реформатского смягчается также включением различных биографических экскурсов — о себе (он называет себя *одним из могикан МФШ* — своих жизненных и художественных впечатлениях, замечаний о самонаблюдении над своим произношением (1975, 88, 125).

Художественное мировидение Реформатского нашло свое воплощение и в описании теоретического мира лингвистики. Широко используя приемы персонификации и сравнения, он изображает абстрактные теоретические объекты как живые, наглядно воспринимаемые образования. Он черпает свои художественные ассоциации и образы из житейского мира человека, искусства (музыки, живописи, кино) и науки (математики). Так, в его глазах морфонология предстает как дисциплина, лишенная своего "героя" (основной единицы). Фонема и морфема, с которыми она имеет дело, это *не ее "личные" единицы , а чужие, от "соседей"*, точнее, *своих "полноценных соседок"* — фонологии и морфологии — с их *"взаимными реверансами"*. Морфонема Д.С. Уорта напоминает А.А. подпоручика Киже, который *числится, имеет регалии, но "фигуры не имеет"* (1975, 180, 115). Фоно-морфологическая система языка напоминает ему *"сито", отсеивающее все чужое* ей (1987, 94). Аффиксы в языках с аффиксацией предстают как первый эшелон грамматики и очень сложное по своему устройству *"хозяйство"*, а языковая система и высказывания — в виде здания со своими *этажами* (грамматика и т.д.), *блоками* — первичными (морфемы) — и более крупными (слова) и отдельными *кирпичами* (фонемы). Считая, *беспризорных* объектов в языке не должно быть, Реформатский ищет соответствующую *полку* для таких явлений *в самом языке и раздел языкознания, ведающий этой "полкой"* (1970, 417).

Исследование диаграммы речевого акта при изучении интонации напоминает Реформатскому положение человека, ищущего кочерыжку у кочана капусты: чтобы отыскать ее, небходимо убрать несколько слоев капустных листьев, что и проделал блестяще, по его мнению, в своем феноменологическом анализе восприятия речевого акта Г.Г. Шпет (1975, 9).

Теоретический мир лингвистики в изображении Реформатского от-

личается большим разнообразием *персонажей* и картин. Здесь действуют *странный господин йот* (1975), и таинственная *незнакомка* фонема (1975, 85, 129), гиперфонема, которая остается *не расколдованной* (1970, 1965), *выступает на сцену спасательный супплетивизм* , страдают *жертвы сингармонизма* . Внимание читателей обращается на *фонетический пейзаж* высказываний (1987, 83, 136, 125), *единственное "темное пятно" в морфологической идиллии* (1975, 120). Типология языков Сепира видится А.А. скорее как *интуитивный портрет, чем точная формула* (1987, 72). Реформатский говорит о *запуске* слова *фонема* в лингвистику (1975, 17), о *морфологическом каламбуре,* о *фонологическом яде* , который *посеял* Хилл *в безмятежные каноны "истории звуков"* и о *целине* , которую *поднимает* его статья (1970, 217, 236). Очень часто встречаются сравнения из области музыки. История языка, по Реформатскому, *"не может быть изложена как сюита диспаратных фактов"*. Графическое обозначение сингармонизма с помощью вынесения "за скобки" специальных знаков перед соответствующими словами напоминает ему *устройство органа, где перевод рычага позволяет на тех же клавишах исполнять мелодию в разных регистрах,* а также смену ключевого знака на нотном стане (1987, 40, 136).

Большую роль в системе выразительных средств Реформатского имеют математические аналоги, которые служат не только художественно-коммуникативной цели "активизации" текста, но и особым конструктивным приемом его теоретического развертывания. Например, фонема в аспекте линейной сегментации интерпретируется им как *предел* , *точка в линии* в отличие от структурной парадигматики, где фонема выступает как *сложная семиотическая единица* (1987, 133). Результаты дихотомического подхода Реформатский называет *планиметрией,* считая, что *фонология требует "стереометрии"*, т.к. структуральное понимание обязывает *смотреть не по плоскости, а в глубь структуры"* (1987, 115).

Научные тексты Реформатского богаты разнообразными культурологическими ассоциациями и сравнениями. Так, структурное понимание фактов в лингвистике, по его убеждению, дает именно это *Колумбово и Коперниково понимание взамен Одиссеева и Птоломеева* (1970, 517).

При развертывании теоретического мира Реформатского особую эвристическую роль играет акцентирование внутренней формы терминов. Так, образ суперсегментных "накладок на уже наличную цепь фонем варьирует и усиливает смысл "над", "сверх", скрытого в термине "суперсегментный", а представление сегментации как дробления (*речь, выраженная через очередной речевой акт, "дробится" и тем самым сегментируется...*), акцентирует идею разбиения на сегменты (*Ведь одно дело "разбить" на те или иные "куски" палку или даже струю воды (что труднее!), а другое дело "разбить" на сегменты речь*). Специфическую особенность стилистики научных текстов А.А. составляет использование в научных рассуждениях и историко-научных описаниях живой образности естественного языка. См.: *... в языках флективно-фузионных мы неизбежно встречаемся с*

затруднительными случаями морфологической членимости лексемы, когда суффикс "затух", а корень еще "играет" и, наоборот, когда корень "затух", а суффикс "в игре" ... (1987, 126, 130, 65); *случаи: рука — ручной ... не затрагивает грамматику, а остаются "не у дел"; ...важно соблюдать "табель о рангах", а по нему: фонемы сегментны, а акцентологические интонационные явления — суперсегменты ...; Лев Владимирович со свойственным ему интересом к парадоксам попробовал многое "поставить на попа"* (1975, 106, 35, 39), *рассуждение А.М. Селищева явно льет воду на мельницу фонологии* (1970, 385). В лексиконе А.А. Реформатского имеются излюбленные "личные" слова и выражения, придающие неповторимый колорит его текстам. Очень часто он использует модель "говорить по-", см. например: *... по-русски, синхронистически, говоря, надо бы писать...; то же, говоря по-шахматному ...; Я буду говорить "по-трубецки" ...; говоря "по-московски"; говоря "по-пражски".*

В научных текстах А.А. встречается много неологизмов, основанных как на русских, так и иноязычных корнях (*синонимировать, осонориваться, перелексировать, травестирующий, тезы, диспаратный, тотальный — парциальный,* секуция и др.), непривычных для научного текста русских слов и форм (*разнствовать, числить, коли, хулители, памятуя*), а также иноязычных слов и выражений (*mutatis mutandis; raison d'être; vice versa; tertium non datur; a priori; implicite; jus primae manus; audiatur et altera pars* и т.д.). Последние встречаются и в русском написании (*комплиците, имплиците; экс-экво; травести*) и иноязычном (*credo МФШ, язык en bloc, modus'ы, речевое поведение Urmensch'a, в трех ступенях maximum, medium* и *minimum* , см. также названия имен без транслитерации в сочетании с окончанием в русском родительном падеже — *Dittrich'a, Svedelius'a.* Иноязычные выражения в тексте могут встречаться без перевода (см.: *Ведь структурализм ищет реальности, через преодоление эмпирического Schein,* выискивая подлинное *Sein* (1987, 20), или сопровождаться переводом (*А что же тогда "делается" с языком? Он остается "bloss psychologisch"* (*только психологическим*)? (1970, 399). Особый стилистический эффект возникает за счет соединения в высказывании иноязычных слов и сугубо "русских" слов. См., например, фрагмент его рассуждений об обучении русскому языку в школе, где учатся *не будущие лингвисты, не лингвотехники, ни лингвотерапевты, а просто говорящие люди — "языконосцы"* (*...где налицо иная телеология*) (1987, 37).

Особое внимание А.А. уделял подаче примеров, иллюстрирующих развиваемые им теоретические идеи. Языковые факты для него "нагружены" не только теоретически, как у всякого ученого, но и эстетически. Многие из приводимых им примеров — анекдоты, шутки, сценки из жизни носителей языка — представляют собой небольшие художественные миниатюры, включенные в общую ткань повествования (в сам текст или в сноски). Там, приводя модель собирательных на ∅ типа *гоголь, рвань,* Реформатский замечает, что *данная модель послужила почвой для каламбура композитора С.И. Танеева, когда он о современной музыке сказал: "И пошла, знаете, теперь всякая "ра-*

вель". Говоря о произношении носовых гласных в таких обрусевших словах, как *романс* (*ромáс*), А.А. приводит *шутливую поговорку "Мои финансы поют романсы"* (1987, 84). Для Реформатского звуки речи никогда не выступали как безликие "языковые факты" вообще. Он воспринимал их как часть живой речи реальных живых людей. Так, он отмечает, что необычно для русского уха звучащее "l среднее" в слове *километр* встречалось в речи его отца, профессора химии, который по своему происхождению был *не дворянин, а разночинец из поповичей* , а "l среднее" в слове *ланцет* звучало у И.В. Тартакова в "Каватине" Фигаро из "Севильского цирюльника" (1987, 84, 125).

Чтобы дать читателям еще одну возможность соприкоснуться со стилем А.А. Реформатского, приведем (в сокращении) его «Отзыв о монографии М.В. Панова "История русского литературного произношения XVIII—XX"» — образец жанра научной рецензии.

«Труд М.В. Панова, — а это действительно "труд", — циклопический труд, результат многолетней работы человека, влюбленного в свою тему и беззаветно ей преданного — опирается на оригинальный замысел и на детально продуманную теорию. И эта работа предельно насыщена фактами, она полна ими.

Данными для построения ретроспективы в 250 лет (а М.В. Панов в своем описании движется вспять: от наших дней до эпохи Петра Первого) послужили самые разнообразные источники: магнитофонные записи для говорящих в XX веке [...], фонограф [...], пластинки, показания говорящего кино и телевидения и радио [...], теоретические высказывания орфоэпистов, грамматистов, теоретиков стиха и других [...], орфографические ошибки и курьезности в письмах, донесениях, ведомостях, данные рифмы и размера стиха [...].

Материал, которым пользуется и который цитирует М.В. Панов — колоссален и, очевидно, имеет за спиной еще и еще запасы!

Различные произносительные системы автор остроумно окрестил по цветам спектра: 1) пурпуровая, 2) лиловая, 3) синяя, 4) голубая, 5) зеленая, 6) желтая, 7) оранжевая, 8) алая. Это не отграниченные последовательные этапы, а именно системы, многие из которых могли сосуществовать одновременно (XVIII век), могли и заходить одна в другую (желтая — оранжевая — алая, конец XIX века и XX век) [...]

В конце каждой главы даны "фонетические портреты" лиц, произношение которых можно считать показательным для той или иной орфоэпической системы. Носители этих "портретов" разнообразны, и их подбор — одно из чудес этой книги [...]

Стиль изложения у М.В. Панова очень индивидуальный и своеобразный: с одной стороны, афористичность, а с другой стороны, свободная разговорность. [...]

Изложение книги М.В. Панова — ярко и талантливо, читается она с захватывающим интересом. Панов — очень своеобразный стилист, и здесь "править" его в соответствии с принятыми в редакциях "установками" — было бы ПРЕСТУПЛЕНИЕМ!

Перейду к некоторым спорным положениям и к тем пунктам, которые вызывают у меня некоторые несогласия.

I. Принципиальные вопросы

1. Конечно, для меня неприемлем "плюрализм" М.В. Панова: "синтагмо-фонемы" и "парадигмо-фонемы", причем "синтагмо-" предшествует всегда у М.В. Панова "парадигмо-и описывается в первую очередь... А ведь счет фонем должен быть не двойной (и тем более: не тройной или с дробями!), а одинарный, то есть по Панову: "парадигмо-". Все "синтагмо-" — это рассмотрение сочетаемости и копуляции этих "парадигмо-", что не создает вторичного ряда единиц.

Впрочем, я уже об этом писал в очерке "Из истории отечественной фонологии" (1970), см. главу о "плюрализме". И сейчас не буду повторяться. Отмечу лишь некоторые, беспокоящие меня высказывания: "Основная единица фонетической синтагматики — синтагмасубфонема, т.е. дифференциальный (различительный) признак звука. В этой книге название единицы упрощено: она везде упоминается как синтагмо-фонема (без суб-) в

значении дифференциального признака" (стр. 18). Вот образец многоступенчатых дебрей пановского плюрализма, в которых даже умудренному филологу трудно разобраться! [...]

Автору я передал перечень различных замечаний как "минусовых", так и "плюсовых" в количестве 416 номеров. Думаю, что этого достаточно для оправдания рецензии. Коснусь здесь только некоторых случаев.

II. Добавления и пожелания

1. На стр. 36 приведена аналогия языка и шахмат. Неплохо бы хотя бы в сноске указать, что этот мотив помянут у Э. Гуссерля в его "Логических исследованиях", 2-й том, глава "Выражение и значение", в "Курсе Ф. де Соссюра", а в "Лингвистическом словаре Пражской школы Й. Вахека" этой теме отведена целая словарная статья. ...

[...] III. Фактические неточности и досадные описки

15. Стр. 204: почему "севернорусское влияние на литературную речь, если судить по исполнению стихов, слабее, чем южнорусское"? Солоухин, Яшин, Щипачев последовательно окают, читая свои стихи, а аканье или /съмá/ у Твардовского проскальзывает очень редко, а о яканье и вообще речи нет!

Мой отзыв затянулся и измельчал... Но я хочу, чтобы поскорее эта книга была напечатана и чтобы в ней не было оговорок и описок! Книга эта, повторяю, уникальна и замечательна по замыслу, и по материалу, и по изложению.

Как видно из текста моего "Отзыва", у меня с М.В. Пановым принципиальных разногласий не так уж и много: есть, правда, некоторый разный взгляд на те же явления, некоторое "разноглазие", но это не "разногласие"! И это никак не влияет на главное, на то, что книга М.В. Панова по глубине, широте и остроте — первый подобный труд по русской орфоэпии и сейчас и вспять!»

Доктор филологических наук А.А. Реформатский.30 июня 1971 года

Работа по воссозданию языкового портрета А.А. Реформатского только начинается. Языковой мир Александра Александровича, по существу, неисчерпаем в своих глубинах и неуловим для исследования. Наблюдения над стилистикой его научных текстов есть только продолжение беседы с нашим учителем, поскольку, как говорил В. Гумбольдт, "великий человек вкладывает свою личность в свои произведения и тем самым продлевает свое бытие далеко за пределами своей жизни"[5].

---

[1] Далее при ссылках на труды А.А. Реформатского в скобках указывается год издания и страница. В статье использованы следующие работы ученого: Введение в языковедение. М., 1967; Из истории отечественной фонологии. М., 1970; Фонологические этюды. М., 1975; Лингвистика и поэтика. М., 1987.

[2] О своем отношении к Декарту А.А. неоднократно упоминал в разных статьях. См., например: "Опять же мысли текут к Декарту, до чего же сей муж был умен! Ведь нельзя же без структуральной стратификации понять бытие во всех его гранях и мышление во всех его возможностях и безобразиях. А следуя Декарту все можно распутать. Спасибо Шпету и Асмусу, научившим меня любить Декарта" (Реформатский, 1987, 262).

[3] *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. 6-е изд. М.,1984.

[4] Нетрудно увидеть в этом изречении переформулировку заключительной фразы "Курса" Сосоюра об изучении языка "в самом себе и для себя".

[5] *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985. С. 342.

В.И. Постовалова

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения (*Ю.Н. Караулов; Е.В. Красильникова*) ... 3

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция ... 11
Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное самомоделирование ... 24
Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре ... 34

ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность ... 41
Сиротинина О.Б., Ларькина Т.В. Устная речь рабочих в неофициальной обстановке 49
Можаева Н.Б. Сваха у Островского как просторечно-профессиональный тип старой Москвы ... 53
Девятайкин А.И. Устная речь писателя ... 58
Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения ... 63

ЛИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВОЙ КОЛЛЕКТИВ

Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) ... 78
Подберезкина Л.З. Язык столбистов ... 86
Кукушкина Е.Ю. "Домашний язык" в семье ... 96
Капанадзе Л.А. Семейный диалог и семейные номинации ... 100

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В РЕЧИ

Капанадзе Л.А. Фонетические меты характера ... 105
Иванова-Лукьянова Г.Н. Особенности интонации актеров ... 106
Кнорина Л.В. Словоупотребление — компонента индивидуального стиля (на материале разговорной речи) ... 116

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации ... 122
Иванова А.Е. Языковая компетенция испытуемых в психолингвистическом эксперименте ... 127
Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая личность в аспекте проблем судебной экспертизы устной речи ... 131
Визель Т.Г. Особенности языковой личности больного с афазией и проблема межполушарной асимметрии мозга ... 144

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ. А.А. РЕФОРМАТСКИЙ

О произносительной манере (*Р.Ф. Пауфошима*) ... 152
О некоторых особенностях устной речи (*Е.В. Красильникова*) ... 155
Иностранные языки (*Е.В. Красильникова*) ... 163
Словарь (*Е.В. Красильникова*) ... 165
Языковые оценки и пристрастия ... 171
А.А. Реформатский и Н.С. Лесков. Заметки на полях (*С.Е. Никитина*) ... 172
Прозвища (*Е.В. Красильникова, А.В. Суперанская, Т.М. Николаева*) ... 174
А.А. Реформатский — стихотворец (*С.Е. Никитина*) ... 179
Как говорили дома (*М.А. Реформатская*) ... 183
Язык писем (*Р.И. Лихтман*) ... 196
Научный стиль (*В.И. Постовалова*) ... 205

www.ruslang.ru

CONTENTS

Introduction: Russian Linguistic Personality and Problems of Its Study (*Karaulov Yu.N., Krasil'nikova E.V.*) 3

LINGUISTIC PERSONALITY

COGNITIVE AND COMMUNICATIVE ASPECTS OF ITS STUDY

Vinokur T.G. An Attempt of a Portrait of the Speaker: Intentions and Reactions 11
Lapon M.V. Situation of Appreciation and Verbal Automodelling 24
Nikitina S.E. Linguistic Consciousness and Self-consciousness of a Personality Belonging to Folk Culture 34

TYPES OF LINGUISTIC PERSONALITY

Paufoshima R.F. An Inhabitant of a Modern Village as a Linguistic Personality 41
Sirotinina O.B., Larkina T.V. Spoken Discourse of Workers in an Informal Situation 49
Mojaeva N.B. Ostrovsky's Match—Maker: Popular Speech of an Old Moscow Professional Type 53
Devlataikin A.I. Spoken Discourse of a Writer 58
Gindin S.I. Letters and Epistolary Behavior as a Reflection of a Biography (V.Ya. Brjusov) 63

PERSONALITY AND SPEECH COMMUNITY

Krysin L.P. Verbal Behaviour of a Person in Small Social Groups (Preliminary Remarks) 78
Podberiozkina L.Z. The Language of the 'Stolbists' 86
Kukushkina E.Yu. "Home Language" in Domestic Life 96
Kapanadze L.A. Family Conversation and Nominations 100

INDIVIDUAL SPEECH CHARACTERISTICS

Kapanadze L.A. Phonetic Peculiarities of a Disposition 105
Ivanova-Lukjanova G.N. Individual Peculiarities of an Actor's Intonation 106
Knorina L.V. Word Use as a Constituent of an Individual Style (the Analysis of the Spoken Discourse) 116

APPLIED STUDIES

Blinova O.I. Linguistic Thinking and Problems of Motivation Theory 122
Ivanova A.E. Competence of Personality Types in the Psycholinguistic Experiment 127
Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. Linguistic Personality and Problems of Forensic Examination of Spoken Discourse 131
Visel' T.G. The Specificity of Aphatic Patients Linguistic Personalities and Brain Asymmetry 144

AN ATTEMPT OF A DESCRIPTION OF A LINGUISTIC PERSONALITY: A.A. REFORMATSKY

A.A. Reformatsky's Manner of Pronunciation (*R.F. Paufoshima*) 152
Some Peculiarities of Spoken Discourse (*E.V. Krasil'nikova*) 155
Foreing Languages (*E.V. Kpasilnikova*) 163
Lexis (*E.V. Krasil'nikova*) 165
Lingistics Appreciations, Likes and Dislikes 171
A.A. Reformatsky and N.S. Leskov. Notes on the Margins (*S.E. Nikitina*) 172
Nicknames (*A.V. Superanskaya, T.M. Nikolaeva*) 174
A.A. Reformatsky as a Versifi:ator (*S.E. Nikitina*) 179
The Way We Talked at Home (*M.A. Reformatskaya*) 183
The Language of the Letters (*R.I. Lihtman*) 196
The Style of Reformatsky's Works (*V.I. Postovalova*) 205

Научное издание

ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *А.В. Бездидько*
Художник *В.Н. Пекунов*
Художественный редактор *А.В. Здрелько*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректор *Л.М. Сахарова*

Набор выполнен в издательстве на
электронной фотонаборной системе

ИБ N 46342

Подписано к печати 13.11.89
Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная N 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,5. Усл. кр.-отт. 13,8
Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 2200 экз.
Тип. зак. 1992. Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени,
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

3р. 40 к.

А ведь так, как говорит Реформатский,

не говорит уже больше никто.

А. Ахматова

·Наука·